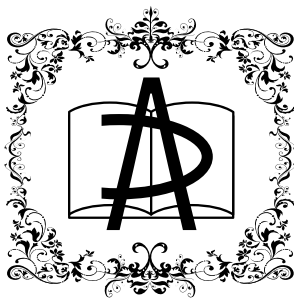
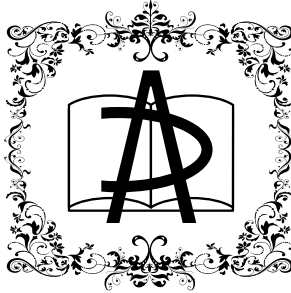

ДЕВИШ

**АЛЬМАНАХ
ОБЩЕСТВА ЛЮДОВИТА ШТУРА В МОСКВЕ**

№1(6)/2018

*Выражаем благодарность за финансовую поддержку
Словацкому институту
при Посольстве Словацкой Республики в РФ*

Дорогие читатели!

Честно вам признаюсь, до недавнего времени я ничего не знал о том, каким было первоначальное значение слова “альманах”. Поэтому я решил выяснить. Как оказалось, в давние времена альманахом называли астрономические таблицы, указывающие положение планет. С конца XV века уже стали выпускаться астрономические ежегодники, и только в конце XVIII столетия альманах обрёл известную нам сегодня форму литературного сборника. Если бы до настоящего времени альманах сохранил свой первоначальный вид, то в нём бы, наверняка, была упомянута небольшая планета по имени «Штур» под номером 3393, которая кружит где-то во вселенной. Но раз этого не случилось, то мы хотим исправить эту «несправедливость» и приводим данную информацию в нашем литературном альманахе «Девин», который хранит заветы штуровцев.

Наш альманах снова приходит к вам, чтобы порадовать, обогатить знаниями. Кроме творчества Людовита Штура, воспоминаний современников о кодификаторе словацкого литературного языка, а также изысканий наших современников об этой выдающейся личности словацкого национального Возрождения середины XIX века в новом выпуске «Девина» мы представим вам творчество популярного автора детективных романов, который, будучи криминалистом по профессии, пишет книги под псевдонимом Доминик Дан. Вы познакомитесь с отрывком из его романа «Ты живёшь лишь дважды». Мы вспомним также самого известного представителя словацкого реализма рубежа XIX–XX веков, основоположника современной словацкой прозы Мартина Кукучина, со дня смерти которого в мае этого года исполняется 90 лет. Вспомним и двух выдающихся поэтов, публицистов, переводчиков XX века Яна Смрека, которому в декабре нынешнего

года исполнилось бы 120 лет, и Милана Руфуса, также отметившего бы в декабре свое девяностолетие. Любители современной словацкой поэзии смогут прочитать стихи Юрая Куниака, Ярослава Резника (старшего) и Яна Замбора в переводе Наталии Шведовой.

Дорогие читатели, я верю, что вам понравится многообразие нашего альманаха и что каждый найдёт в нём то, что его увлечёт, заинтересует и просветит.

Желаю Вам приятного чтения, друзья!

*Ян Шмигула
директор Словацкого института в Москве
советник по культуре*

Москва, май 2018 г.

СОДЕРЖАНИЕ

ТВОРЧЕСТВО ЛЮДОВИТА ШТУРА

Людовит Штур. <i>У городских ворот воздвигнут храм</i> (перевод Наталии Шведовой)	8
Людовит Штур. <i>Слово к землякам словацким</i> (перевод Наталии Шведовой)	10
Людовит Штур. <i>Славянство и мир будущего (продолжение)</i> (перевод Владимира Ламанского)	17

ЛЮДОВИТ ШТУР В ВОСПОМИНАНИЯХ ЕГО СОВРЕМЕННИКОВ

Даниэл Лачны. <i>К жизнеописанию Людовита Штура</i> (перевод Евгении Майоровой)	22
Антон Будилович. <i>Словацкая литература</i>	28

НАШИ СОВРЕМЕНИКИ О ЛЮДОВИТЕ ШТУРЕ

Мила Гаугова. <i>Ловля глубинных (смы) слов</i> (перевод Дарьи Анисимовой)	34
Музей Людовита Штура в Модре	41
Камил Жижка / Мирро Дахо. <i>Твой Людевит</i> (перевод Анны Песковой)	42

ИСТОРИЯ СЛОВАКИИ

Мирослав Даниш. <i>Из словацко-российских связей в XVIII веке</i>	58
Элла Задорожнюк. <i>Российская пресса о новом государстве в центре Европы. Исторический экскурс</i>	74

СОВРЕМЕННАЯ СЛОВАЦКАЯ ПОЭЗИЯ

(в переводах Наталии Шведовой)

Ярослав Резник, Ян Замбор, Юрай Куниак 81

КУЛЬТУРА СЛОВАКИИ

Богумир Бахраты. *Словацкое изобразительное искусство XIX–XX столетий* (перевод Дарьи Анисимовой) 87

Павел Повинец, Йозеф Дорица. *Словакия обладает уникальным объектом в Центральной Европе* (перевод Евгении Майоровой) 95

ПРЕДСТАВЛЯЕМ

Отрывки из интервью Доминика Дана газете «Книжна ревью» (перевод Аллы Машковой) 101

Доминик Дан. *6-я глава из романа «Ты живешь лишь дважды»* (перевод Аллы Машковой) 104

ВСПОМИНАЕМ...

Алла Машкова. *Мастер реалистической прозы: 90 лет со дня смерти Мартина Кукучина* 111

Мартин Кукучин. *«Непробужденный»* (перевод Людмилы Широковой) 114

Алла Машкова.
Мартин Кукучин и русская литература 155

«...Душа моя свободна и ясна...»
Ян Смрек: 120 лет со дня рождения

Владимир Петрик. *Ян Смрек* 162

Стихи Яна Смрека 165

«...Каждый из нас — вселенная...»
Милан Руффус: 90 лет со дня рождения

Олег Малевич. *Слово о Милане Руффусе* 171

Алла Машкова. <i>Милан Руфус и Сергей Есенин</i>	178
<i>Стихи Милана Руфуса</i>	189
Людмила Широкова. <i>80 лет со дня рождения Рудольфа Слободы</i>	201
ХРОНИКА	
Евгения Майорова. <i>Заседание Общества Людовита Штура</i>	205
<i>Ушел из жизни Владимир Петрик</i> (перевод Анастасии Быриной)	208
О нас пишут...	212

ТВОРЧЕСТВО ЛЮДОВИТА ШТУРА

Людовит Штур

У городских ворот воздвигнут храм

У городских ворот воздвигнут храм,
и перед ним ряд тополей,
для детских игр настало время там,
и сад весной живеит,
шумит дыханье в тополях,
ручей свой зимний сбросил страх.

У храма, очарованный весной,
кружок детей игру затеял,
то бегаёт, резвясь, а в миг иной
порог церковный он усеял,
уходит день, горит закат,
они сидят тихонько в ряд.

Взгляни на них с небесной высоты!
Взгляни, они твои сироты!
Спустись туда, в их тихие мечты,
в их одинокие заботы,
и брось на них лишь взгляд отца,
его не видят в мире без конца.

И там они все вместе тихо сели,
под храма Божьего крыла,
где некогда слова Твои слетели
и жертвенно любовь взошла,
сидят у храма Твои дети
и ищут, ищут взглядом, где Ты.

Неужто вечер к ним Тебя не тянет,
увы, в те дольные края,
весною перемена не настанет,
на них не взглянешь, ласку затая,
не дашь им искорку блаженства
в земное их несовершенство?

И ничего нигде! Лишь тополь им поет,
в порыве ветерка колышим,
никто тех деток в мире не зовет,
лишь шепот листьев слышен;
так одиноки детки те,
на свете грустно сироте.

Перевод Натальи Шведовой

СЛОВО К ЗЕМЛЯКАМ СЛОВАЦКИМ

Новый год, новое счастье! Новый год, новый отрезок жизни! Правда же, много значит год в жизни человека, много и в жизни народов. В одночасье возникнет намерение доброе, в другой час созреет, а в третий воплощается, и сколько дней, сколько часов в году! Прекрасные, замечательные мысли могут в это время возникнуть, вырваться и воплотиться, прекрасные, замечательные устремления могут встретиться с жизнью; многое, стало быть, зависит от года! Не возникнет, однако, ничего там, где ничего нет, и ничто не воплотится там, где ничего не хотят, но может возникнуть там, где чего-то хотят, где люди нечто замыслили: к таким и счастье благосклонно; счастье слепое редко заглядывает в мир.

Говорят: каждый кузнец своего счастья, и говорят справедливо. Кто чего-то хочет, кто старается, кто трудится, тот бывает счастлив, тому счастье улыбается, кто ничего совершить не собирается, кто не прилагает усилий, кто к делу рук своих не приложит, того оно не навещает, о том забывает. Человек сам создает свое счастье, а подобно отдельному человеку — и целые народы. Народ, у которого нет воли для чего-то лучшего, у которого нет сил для выполнения работ значительных, который не напрягается, не старается, не жертвует, тот несчастлив, от того счастье отворачивается. Одиноким, брошенным сам собой и другими, живет и прозябает

такой народ, никто о нем не позаботится, никто о нем не подумает; добрый может его пожалеть, но любить его и брать в расчет нельзя.

Новый год, новое счастье, земляки словацкие! За год, за год может и среди нас много хорошего возникнуть, вырваться, исполниться, за год, за год может и к нам обернуться счастье! Наши прежние многочисленные горести, наши жалобы, наше одиночество и оторванность от самих себя и от других явно указывают, что нам не улыбалось счастье. Разве мы составляем исключение из всех, разве мы без желания чего-то лучшего и высшего, разве мы без старания и действий, разве мы без трудов и силы достигнем счастья? И требовать этого было бы неразумно, а если бы кто-то думал наоборот, тот бы лишь во сне встречался с жизнью: никогда, никогда мы не придем к чему-то лучшему, высшему, никогда, никогда мы не будем счастливее, чем прежде, без нашей собственной воли, без сил, без трудов, без дел благотворных.

А что же нам нужно для этого нашего счастья, земляки словацкие, что же среди нас стоять должно, чтобы было иначе, чем до сих пор? Мы должны позаботиться сами о себе, это главное дело, в котором всё иное скрыто, утаено, или, другими словами, мы должны обрести дух общности, ибо его нам решительно недоставало для большего счастья нашего. Заботились ли мы до

сих пор сами о себе? Как можно было бы ответить на этот вопрос, если мы о самих себе не знали; мы знали о самих себе как об отдельных людях, но не знали о себе как о целом, в котором мы все связаны, мы не знали о себе как о целостности национальной. Знак единства национального, знак нации единой — это исключительно его речь; но как же она была до сих пор нами не замечена, как другие и сами сыновья нашего народа ею пренебрегали, бросались? Сделали ли мы до сих пор что-то значительное для ее распространения, укоренения, сделали ли мы до сих пор что-то значительное для того, чтобы завоевать признание речи нашей национальной? В каком запустении с этой точки зрения эти наши народные школы! Кто до сих пор учил в этих школах речь свою родную? Где учреждения, в которых бы наша родная речь усердно насаждалась, где кружки, общества, в которых она бы открыто и повсеместно использовалась, где великие благодетели, которые бы ее и народ, речью этой пользующийся, поддерживали, заботились о них, защищали? Нигде, нигде мы их не находим; в наших школах народных речь наша или просто так, побочно употребляется, или совершенно забыта, в высших школах ее голос вообще не слышен, институций, занимающихся ею, нет, в наших кружках, собраниях общественных и публичных она не употребляется, благодетелей, которые бы ею сердечно и великодушно занимались, у нас нет; как же мы, следовательно, о самих себе заботились, земляки словацкие! Мы до сих пор жили только как отдельные люди, не как национальное целое, поэтому и речь наша лишь единично,

дома и на стороне использовалась, но нигде публично не звучала, ничем значительным не обогащалась, потому ее и не признавали. А сколько еще есть у нас таких, которые и в частной жизни ее отбрасывают, сами сыновья народа нашего ее отталкивают, в быту и всё больше публично от нее отрекаются? Много, много, но, пожалуй, все они — лишь наказание справедливое нам самим, потому что мы сами себя не уважали, но сами преуменьшили значение речи нашей и перед миром и собой себя отрицали.

Каждая нация лишь на своем собственном языке просвещаться может и культивирует себя, когда речь ее культивируется, но как же мы могли просвещаться, если мы на родную речь нашу совсем не обращали внимания? Речь родная — это средство просвещения того народа, который на ней говорит, но мы отказались от речи нашей, и что же, к какому просвещению мог бы стремиться народ наш? То, что нами для родной речи до сих пор, а тем самым и для народа нашего, сделано было, — это очень мало, и пришлось народу нашему в просвещении по сравнению с другими позади остаться и из своего низкого положения на других, которые всё выше и выше уходили, с горькими слезами смотреть. Из-за этого нашего отставания распространилось среди нас достаточно много болезней, отклонений, которые тем сильнее разрастались, чем меньше было для них препятствий, из-за этого мы отступали от самих себя, преклонялись лишь перед другими, и за всё это была нам горькая расплата: среди других мы считались никчемными и сами в неизвестности болтались

и вертелись. И сколько всего иного утратили мы из-за этого, или хотя бы сколько всего мы в результате обрести не могли! Нация образованная, просвещенная находится в лучшем духовном и телесном состоянии, чем нация непросвещенная, необразованная, у первой больше прав и свободы, вторая обретается кое-как, бедная душой, да и телом. Чем больше образования, чем больше сведений получит некто, тем больше его вес, больше права, лучшее состояние; у кого меньше сведений, меньше образования, тем меньше и его вес, меньше права, и потому он в худшем состоянии.

Земляки, время пришло, время, для того чтобы мы уже пробудились и очнулись, время пришло, время, для того чтобы мы о самих себе заботиться начали. Мы заботились, конечно, и до сих пор, но каждый сам о себе, о своем земном счастье, однако сколько было и таких одиночек среди нас, которые бы в то время, когда мы сами о себе не думали, тем земным счастьем себя как следует обеспечили? Мало было и таких, лишь кое-где! Мы должны уже заботиться сами о себе как о целом, как о нации, если целое выиграет, выиграем все мы, если целое будет счастливее, будем и все мы, если нация наша поднимется выше, тем выше поднимемся мы все. Значит, с Новым годом к новым трудам, с Новым годом, если мы мужественно за них возьмемся, придет к нам новое благословение, новое счастье.

Мы не воспринимали себя, следовательно, до сих пор как целое и из-за этого, как мы уже доказали, не могли прийти к чему-то высшему. То, что мы никаким целым на самом деле себя не

воспринимали, лучше всего показывает и прежняя наша литература. Одна ее сторона представлена не на нашем языке, другая — хоть и на нашем, но она опять же распадается на многие части и, так сказать, рассеяна. Нация, которая не имеет иного связующего материала в себе, имеет всё же связь одну, и это язык литературный, но мы до сих пор и этим не обладали, и потому были по разным сторонам распылены и разорваны. Одно зло следует за другим, и эта разобщенность наша в литературном языке была, несомненно, таким злом, которое имело и имеет для нас наихудшие последствия. Из-за этого мы не могли прийти к чему-то определенному, крепкому, из-за этого мы смотрели друг на друга лишь сбоку и по касательной, из-за этого мы не помогали друг другу, из-за этого не мог и язык наш стать для нас самих значимым, не призванный волей народа. Каким это было для нас бедствием, каждый легко увидит. Но это состояние, если мы хотим жить, без всякого противления должно быть устранено и уничтожено. Новый год, новое счастье, земляки словацкие! И оно наверняка повернется к нам, если у нас достанет силы сплотиться крепко в языке литературном в этом новом году и исправить то, что долгими веками мы завоевать не смогли. Это сплочение, однако, никогда не сможет настать иначе как в языке нашем национальном, собственном, отеческом; он должен быть нами оценен как господствующий среди нас, и это положение должно быть признано повсюду, где только раздастся словацкий голос, где только сердце словацкое находится. Над этим сплочением, которое нам нужнее всего, будут, ко-

нечно, трудиться наилучшие головы, способнейшие умы, благороднейшие сердца, и все они, как подобает лучшему и высшему духу, отбросив частные мелочи в сторону, над этим как можно усерднее работать будут, что является выражением нашей жизни и для его организации действительно необходимо; напротив, отрицать это могут лишь близорукие умы, скованная воля и души, увлеченные всяческими мизерными и бесчестными стремлениями. Однако тому, что нации нужно больше всего, если она действительно хочет жить, отдельные личности воспрепятствовать и уничтожить его не могут, и потому сплочению нашего народа в языке литературном, если мы только будем этого хотеть, никак воспрепятствовать нельзя. Ведь даже бы, конечно, уже искры жизни в нас не было, если бы мы даже это сплочение до конца довести не могли и не хотели бы прийти к большей весомости, если бы мы язык наш национальный не хотели поднять до литературного. А пока мы сами то, что является нашим и знаком духовной жизни нашей, уважать не научимся, не будем ни отстаивать его, ни иметь силы его защищать, мы будем со всем этим где-то по сторонам отлеживаться и не дойдем до поступков благородных. Время настало, время, земляки словацкие! И о действиях мечтать, и не только в воспоминаниях о былом оставаться; воспоминания принадлежат прошлому, а перед нами — жизнь, наше будущее. Поэтому — вперед к жизни и к действиям, земляки словацкие! Не минует нас наверняка счастье в новом году, если мы будем в нем разбираться, как сыновья одной семьи, как нации пристало, объединимся.

Этим нашим объединением мы покажем, что мы уже созреваем для общности, что нам уже больше важны дела, чем какие-либо наши мелочи, что мы уже начинаем заботиться сами о себе. Ведь до сих пор, должны мы искренне признаться, среди нас не было никакого духа общности, и потому мы в мелочах путались и возвыситься до единства не могли. Если и находилось у нас нечто общее, оно было таким слабым, таким скромным, таким нежизнеспособным, что и при незначительных препятствиях уже вверх ногами переворачивалось и поддержки никакой не находило, в крайнем случае ничтожную. Мы с пылкостью чтим, как никто, пожалуй, сильнее нас, всех людей наших, которые как-либо над делами нашими усердствовали и трудились, но и у самих этих немногих людей, хоть и великим было дело наше в их словах, какую оно находило поддержку? То, что на него жертвовали, было, так сказать, крошками со стола, при которых дело хотя и не должно погибнуть, но и продвинуться не может и больше за годы не прирастет, разве настолько, насколько трава за одну ночь. Пробивались, правда, у нас к жизни различные, на добро нашего народа направленные, институции, там научные общества, здесь кафедры языка нашего, еще где-то — библиотеки и книжные издательства, но разве все они не потерпели крах или хотя бы не истончились так, что их жизнь была похожа больше на прозябание, нежели на жизнь как таковую? Почему же всё это так вышло, какова причина упадка почти всех таких институций? Они не получали никакой жизненной влаги, им не приносили никаких жертв — как

же они в результате могли удержаться в жизни? То, что жертвовалось на их жизнь, было так мало, так редко и при этом так кратковременно, что, право, упоминания в потомстве не заслуживает. А если уж за какие-то дела в пользу общности и брались, что же за явления на каждом таком шагу обнаруживались? Нужно было идти по пути общего дела, один отговаривался вниманием к своему положению, другой — домашними обстоятельствами, третий — непредвиденными препятствиями, четвертый указывал на второго, и т. д.: разве тут было хоть какое-то желание общности? Не было никакого! Нужно было жертвовать в пользу общности, один из-за домашних трудностей ничего пожертвовать не мог, другой как раз совсем издержался, третий неблагоприятным временем, когда до него дошла просьба, отговаривался, четвертый крошку, что на столе осталась, бросил, и еще Бог знает кто какие заслуги себе приписывал; разве тут было, спрашивается, хоть какое-то желание общности? Не было никакого! Пришло время какому-то другому общему мероприятию, и были призваны сыновья народа, благосклонные к нему: один упрекал, что с тем или иным правилом согласиться не может и потому отказывается, другой останавливался на том, что там находится та или иная личность, и обещал свое участие при условии, что она удалится, третий лишь так, будто бы за советом обращался, выказывал желание, четвертый то, пятый другие «если» подбрасывал: разве там было хоть какое-то желание общности? Не было, отвечаем, никакого. Не было, право, потому и из всего этого мало

что или ничего не осталось, а кто виноват? Мы сами.

Тот, кто ценит общность, кто не только себя, свои и своих ближних выгоду любит видеть, кто за дело общности сердечно ратует и кому оно без оглядки по сердцу, тот никогда на таких мелочных соображениях и препятствиях не остановится, но за дело общности всё то, что только нужно и пристало, сделает; не будет он смотреть на время подходящее или не подходящее, не будет он смотреть на те или иные личности, не будет для него препятствием то или иное условие, но он сделает всегда, сделает охотно, сделает безо всяких оглядок то, что дело общности требует, без чего оно подняться и жить не может, сделает то, что только от его сил, от его возможностей зависит. Все подобные отговорки мелочны, бесчестны, скверны, это лишь увертки от дела общности, это лишь прикрытие, нежелание действовать, жертвовать во имя общности. Дело общности выше всех частных, на этом пути выигрывают или теряют часто люди без числа; таким образом, каждый благородный к делу общности, которое необходимо, подходит, помогать ему, поддерживать, защищать будет, и наоборот, от общего дела отстраняться будет лишь эгоист, себялюбец, невежда, негодяй.

Народ, который до дела общности возвыситься, ради него действовать, жертвовать, а если понадобится, то и страдать не может, — это народ низкий, необразованный, мелочный, изнеженный, негодный, но зато без исключения пребывает в бесчестии и презрении, такой лишь по чуждому образцу действовать должен и с тем, что они ему предпишут, соглашаться.

Время настало, время, земляки словацкие, чтобы мы этот себялюбивый, низкий, мелочный, изнеженный дух со всех концов и уголков народа нашего, где какой бы ни был, повыгоняли, время для того, чтобы мы людей наших общности учили, благородных добрым примером предвосхищали, а тех, кто не хочет учиться, или ученых и образованных, но не склонных сердцем к делу общности, надлежащим бесчестьем в нашей среде наказали, так мы, без сомнения, лучшим образом послужим народу нашему. Были и есть в нашем народе благородные личности, которые не только понимали, что такое общность, но и ради нее совершали поступки, трудились и жертвовали, но таких до сих пор было мало среди нас, всё это целиком пропадало по уголкам и сторонам, жило лишь для себя, замыкалось и закрывалось лишь в своем окружении и оттуда, спрятавшись, в расстроенных чувствах на то, что в мире делается, и на тех, кто в нем что-то сделать хочет, поглядывало. Непросвещенность по отношению к общности и отталкивание от нее были у нас, право, до сих пор очень велики, и это зашло уже так далеко, что и те, кто дух общности пробуждал, ради общности что-то сделать среди своих стремился, считались мечтателями, безумцами, Бог знает какими людьми.

В новом году — новое счастье, земляки словацкие! И не оставит нас оно, если мы сами себе способствовать сможем, если лучший дух среди нас поселится и мы с желанием возьмемся за работу. Придет к нам наверняка новое счастье, но нам надо изгнать тот дух, противящийся общности, с которым поднимается целый ряд его приятелей

и спутников: дух низкий, скорченный, изнеженный. Там, где такие уродства властвуют, не может ничего прекрасного, возвышенного заблистать, и лишь там, где их нет, удастся создать красивое, благородное, великое, чисто человеческое. К свету, таким образом, земляки словацкие, с Новым годом, у нас в самом деле есть одаренность и способности хорошие, у нас есть предвестье духа замечательное, но то, что в нас есть хорошего и замечательного, развить и на примерах человечества возвышенных воспитать нужно; и тогда не оставит нас наверняка счастливое будущее!

С духом этим, общностью проникнутым, мы мужественно и сплоченно выступим против всех болезней и уродств, которые жизнь нашего народа подрывали и духовно и телесно его уморили, выступим, говорю я, против них, и ничто нас от истребления этих болезней, никакие соображения, никакие обиды и препятствия не отвратят. Так обречем силы и начнем эту великую работу: перерождение нашего народа смелое, мы начнем ее повсеместно и не найдем покоя, пока не будем уверены, что наша работа будет успешной и народ наш прекрасное перед собой увидит будущее. К новой, таким образом, работе в новом году да стремится каждый, кто сможет научиться, кто проникнут духом благородным, кто наше национальное целое ценит и что-то для его блага совершить хочет; награда прекрасная, совесть чистая, признание и уважение у соотечественников нынешних и у потомства его не обойдут! Наступающий год для нашей нации на самом деле очень важен, год — это мно-

го времени; его не достаточно, правда, для общего возвышения народа отсталого, но достаточно для дел прекрасных, благородных.

И этим словом мы приветствуем вас, земляки словацкие! Сделаем в нем всё, что возможно, и если с удовольствием за работу возьмемся, сделаем

многое. Пусть уже солнце последнего дня наступающего года зайдет над единством нашим, единством в том, что нам всего ближе, в речи нашей национальной, а следующий год пусть зовет нас к другим действиям, несущим благо народу нашему; это в наших силах, во власти нашей!

Перевод Натальи Шведовой

СЛАВЯНСТВО И МИР БУДУЩЕГО (продолжение)

...В России привязан народ к своему Царю, Государю, с безконечно любовью и одушевлением, высказывает ему всяческое уважение и почет, и да сохраняются они всегда с той же искренностью и свежестью! Народ повинуется Царям с радостью! В убеждении, что его Цари не могут ему желать ничего злого, с готовностью приносит ему величайшие жертвы, но во всем этом ни один разумный человек не приметил никакой черты холопства. Да, враги наши желали бы, чтобы при существующем между нами разделении мы сохранили нашу слабость и даже блистали бы еще слабее для того, чтобы освободиться им от страха, который уже проник в их сердца, и даже чтобы, может быть, совершить еще новые завоевания на нашей области: ибо известно, что у Немцев раздел Польши считается дальнейшим проникновением Немчины в Славянскую землю. При этом нельзя глубоко не жалеть, что есть даже некоторые Славяне, напр., Чехи, которые, обманутые ложными Западными либеральными воззрениями, в своих суждениях о нашем Славянском мире, совершенно руководятся мнениями Запада и глядят на себя сквозь чужие очки. Довольно послужено нами чужим, пора во всех и каждом отношении пожелать быть самостоятельными! Х о л о п с т в о это то, когда отдаются воле другого из-за почета, из-за выго-

ды; это то, когда из-за мелких, жалких расчетов позволяют себе делаться орудиями, напр., тайными полицейскими орудиями против своего народа, против своих соплеменников и, наконец, против какого бы то ни было народа. Но, то не подлость и не холопство, что Русские высоко чтят своего Государя, для общего блага подвергаются величайшей строгости, приносят величайшие пожертвования. Таким только образом бывают народы велики и могущественны. И в других отношениях Русский народ слишком далек от холопства. Подлых народов не ждет великое будущее, а его пророчит России даже сам пристрастный и лживый Кюстин¹. Напротив, Русский народ везде, где он не чувствует злых умыслов, подобно Сербам и другим нашим племенам, прямодушен, честен и откровенен. Как видно из правительственных известий, притеснители народа за свои преступления получают достойное наказание.

Суждению иностранцев, обвинивших нас в холопстве, не мало способствовало собственное дорогое наше качество, скромность и смирение, эти прекраснейшие добродетели, когда бывают соединены с силою и самопожертвова-

¹ Маркиз Астольф Луиеонор де Кюстин (фр. Astolphe-Louis-Léonor, Marquis de Custine, 18 марта 1790, Нидервиллер — 25 сентября 1857, Фервак) — французский аристократ и монархист, писатель, путешественник.

нием. Обыкновенное явление: пустые люди становятся надменными и высоко поднимают голову для того, чтобы прикрыть собственное ничтожество, между тем как человек, сознающий свою силу и достоинство, бежит от похвалы толпы. Славянский народ обладает также силою, к сознанию которой он еще не вполне пришел; к скромности же и смирению он чувствует внутреннее влечение. Где чище сохранился его быт, или, другими словами, где не утратил он своей самостоятельности, там всего чаще выказываются эти наследственные его добродетели. Если кто из Славян имеет право на гордость, то это, конечно, Русские, но они — совершенные тому противоположность. Они не величаются перед миром, как Англичане, своим могуществом, богатством и почетом; напротив, из обращения с ними вы скорее готовы думать, что у них совсем не то на родине. Явление могущественного Царя среди его народа всегда просто и скромно. А русские Полководцы, могучие победители сильных врагов, оказывали неприятелям огромные услуги, даже спасали их Государства: так Суворов, Дохтуров, Ермолов, Паскеви — как они просто себя вели, не возбуждая ничьего внимания! Разбив Мадьяр и принеся спасение Австрии, Паскевич с поля битвы кратчайшим путем уезжает в Варшаву, а Гайнау, который с бесстыдным нахальством, по привычке Австрийцев, приписал себе победу над Мадьярами, хотя всему миру известно, что Русским он дал очень незначительное пособие, лишил бодрости Австрийскую армию и едва дерзнул выступить против Мадьяр, после своих выдуманных побед, Гайнау отправляется в путешествие по

Европе, чтобы порисоваться победителем Мадьяр и собрать лавровые венки, и только в Англии ему не посчастливилось. Виновник великого Московского пожара, Раstopчин, за этот подвиг оглашенный в Европе варваром, был выслан, уступившим Западному мнению, Александром из Отечества, и явился в Париж, когда мнение об этом переменялось и этот подвиг стали прославлять как образ самопожертвования. Тысячу раз спрашиваемый в Парижских салонах, был ли он виновником этого дивного самопожертвования, всегда во всех ответах старался отклонить от себя эту честь, и даже в записке о своей жизни, написанной, так сказать, по требованию публики, вместо ожидаемы подвигам, привел лишь несколько мелочей из своей частной жизни. Неиспорченной душе Славянской в высшей степени противно всякое величанье и важничанье. У наших племен в обычае, по совершении доброго дела, хранить о нем молчание. Явление Чеха Гуса в Костнице достойно и величественно, но в высшей степени скромно и совершенно не похоже на явление Лютера в Вормсе. И именно эта сила, в сочетании со скромностью, строгость, соединенная с доброю, есть тот идеал, к которому от глубины души стремятся все лучшие люди Славянского мира, и чудною силою лучи его озаряют все наши, даже погруженные в беду и горе, племена. Божественные лучи, продолжайте сиять, и согревайте человечество, чтобы оно стало, наконец, чем быть должно, и чтобы человек был человеком! И это начало, в образ и дело перешедшее, есть та волшебная сила, которая чудно, неудержимо действует на умы Славян, чарует

их, привлекает и привязывает и, когда это нужно, направляет во все стороны, а люди, в которых она, эта сила, олицетворяется, становятся избранниками, духовными вождями нашего мира. Они владеют тем чудесным перстнем наших народных сказок, которым закливают духов. Все им повинуются без противоречия и все слушают их слова, все с радостью жертвуют для них жизнью. Таков был Поляк Кордецкий, простой монах из Ченстоховского монастыря, который осаждали Шведы с неслыханными усилиями, и все-таки его не взяли; таков был Суворов, муж железной воли, самой скромной внешности, глубочайшей набожности и бесконечной доброты, которому, при всей его строгости, всегда повиновались солдаты с величайшей охотой, по одному его слову соперничали в самопожертвовании, и вот он, после славных побед удаляется в свою скромную деревню, скрываясь от взоров современников и обожавших его соотечественников. Таким был Ермолов, которого одно имя разносило ужас в горах Кавказа, ибо войска с таким вождем казались неприятелю непобедимыми, на все готовыми. К ним достойно примыкает простой, мужественный Серб Князянин. Это начало живо в сознании Русского народа по его отношению к Царю, и заключает в себе тайну той безусловной преданности народа своим Царями, и того безпримерного самопожертвования, к которому он способен под его внушениям. Все возможно, думает Русский человек, ибо Царь это считает возможным и этого желает. Русские, без всякого сомнения, взяли бы и никогда не сдававшееся Комарно (Коморн), ибо они считали это воз-

можным, принимали к тому все меры, и «Царь приказал,» говорили между собою солдаты. Но перед этой победой Русских, Австрийцами овладел больший страх, чем перед незавоеванным Комарном, и потому они согласились на беспримерно мягкую сдачу гарнизона. Дух Русского народа совершенно господствует в Русском войске. На службе, в строю обращение необыкновенно строгое, а вне строя мягкое и благодушное. Тогда как Австрийские Офицеры обходились с солдатами надменно и, при всей своей сдержанности, ругали солдат с о б а к а м и, Русские со своими людьми вне службы вообще обращались братски и дружески. Истинно жаль, что онемеченные дети Славян в Австрийском войске так выродились и отреклись от своей лучшей природы и приняли гадкие нравы!

Эти отличительные черты наших племен повсюду встречаются в их истории. Из Гуситства образовались впоследствии так называемые Чешские или Моравские Братья, которые поставили себе задачей введение чисто Христианской жизни в свои общины и хранение в своей среде строгих нравов. Они с братскою любовью помогали друг другу во всех обстоятельствах жизни. Без всякого интереса, вовсе не из так называемой политики, по одной лишь просьбе Императора Леопольда, польский Король Собейский спешит на помощь угрожаемому Христианству к обложенной Турками Вене и спасает Австрию от грозившей опасности. Холодно, спесиво принимает Австрийский Император скромного, набожного героя, и слегка кланяется в стане, сидя на коне, а сына его, Якова, которого отец представил ему со словами:

«Вот, Государь, мой сын, воспитанный на защиту Христианства!» — даже не удостоивает взгляда. Освободители, Поляки, по недостатку съестных припасов, уходят во свояси с большим затруднением. Как все это верно повторилось со Славянами почти через двести лет! Русские много терпели от Французов во время Наполеона, ибо они двинули на них всю Европу; для своего спасения они должны были решиться на пожар своей славной, древней, величественной, дорогой для всей России, столицы и подверглись многим другим бедствиям. Но когда Император Александр, во главе своего победоносного войска, вступил в Париж, а позже туда вошли и другие Союзники, то Французами овладел страх, что Русские отомстят Французской столице, и когда Союзники хотели уже предать ее разграблению, Славянин Александр явился миротворцем и не дал тронуть ни единой души. Да прославится за то в нашем мире твое имя, Государь Славянский! Даже в самых неоднозначных направлениях не изменяют себе Славяне. В образованном перед Польской революцией тайном обществе в Польше и на Волыни, под названием «В о л ы н ы й С л а в я н и н», после нескольких религиозных обрядов, каждому новопосвященному надевали на грудь образ Богородицы — символ всежертвующей любви, чтобы он во всю жизнь всегда его имел перед глазами. Таковы дух и стремления нашего мира, еще не достигшего полноты, это правда, но будущее должно их повести к дальнейшему развитию и усовершенствованию. Внимательный наблюдатель замечает у Славян такое духовное направление, в силу которого, следуя стремлениям

своего духа, народ наш признает равноправность за каждой личностью, не терпит никакого кроме духовного преимущества, поступает с иностранцем, как со своим, с ближним, принимает его в свой союз без всяких условий, дает спокойно жить и развиваться другим народам, покорившимся его власти, и сам заботится об их благосостоянии, в своем общинном строе признает за всеми равные права на произведение земли и труда человеческого, долгом считает окружать попечениями деятельной любви всех нуждающихся; наказывая виновных, знает милость к раскаивающимся, скромный и смиренный в могуществе и в самопожертвовании, вообще во всем ценящий в с е ч е л о в е ч е с к о е. В этом направлении отражается вечный, неизменяемый и непреходящий закон человечества, истинное Христианство и его помазание, и народ, сделавший задачей жизни вышеупомянутое общинное устройство и действительно им обладающий, почти решил в основоположении социальные вопросы человечества. Такое направление духа и его проявления, как всякому очевидно, есть стремление внутреннее. Тут нет ничего, как на Западе, искусственно сделанного, или вызванного в жизнь особыми учениями, или нарочно для того устроенными обществами (Vereine), все это скорее самовольное изливание сердца. Этим направлением отличался Славянский народ еще в первоначальном, чисто естественном, быту. Но как же он подымется и разовьется, когда его идеал ясно предстанет его сознанию в вполне принятом и понятном Христианстве и станет полною правдою! Ничто тогда не будет в силах помешать

Славянству отдалить его от мирового поприща, ибо с ним будут Бог и человечество, а кто против Бога и Великого Новгорода? Или, по Немецки, кто против Бога и Славянства? Запад искони ценил человека только по его внешнему положению: по имуществу, власти и богатству; правда, он боролся за отвлеченные и безжизненные свободу и равенство, но не осуществил их. Он был способен внешне принять и понять Христианство, но, в силу своих природных влечений, был неспособен провести его в жизнь. Себялюбом был Запад всегда, а в последнее время он опустился до самого грубого себялюбия. Ваша свобода, ваши Конституция, ваш Коммунизм есть не что иное, как это самое себялюбие. Поэтому самому и отпадаете вы от Христианства. Вы умеете только разрушать в разделять, но вы бессильны созидать и объединять! Что у вас искусственно, то у нас природно. Да, Славянство есть естественная подкладка человеческой, Христианской идеи. И Славянст-

во имеет свою, вполне ему и его призыванию соответствующую, Церковь, которая стоит, как особое духовное Царство, никогда не вступала в борьбу с Государством за преобладание, не преследовала иномыслящих, но была в союзе с Государством и народами, не позволяла себе употреблять Веру для дурных мирских целей, не повелевала властью, но старалась действовать любовью. Если считать Римскую Церковь власти Церковью Апостола Петра, а Протестантство—Церковью разумения и учения, Церковью Апостола Павла, то она была и есть Церковью третьего великого Апостола, Иоанна. Если действительно суждено Западу, как сдается повидимому, забиться и отпасть некогда от Христианства, то священнейшим долгом Славян будет восстановить, своим влиянием, вечный крест и доставить ему окончательную победу. Не с обращением Константина победил Галилей, но этой лишь победой исполнится изречение: “Vicisti tandem cum Slavia, Galilaea.”

(продолжение следует)

ЛЮДОВИТ ШТУР В ВОСПОМИНАНИЯХ ЕГО СОВРЕМЕННИКОВ

Даниэл Лачны

К ЖИЗНЕОПИСАНИЮ ЛЮДОВИТА ШТУРА

После закрытия словацкой кафедры в Братиславе Людовит Штур приехал в Модру к своему брату Каролу, который был там сначала преподавателем в евангелической гимназии, а затем в течение нескольких лет словацким священником. В каком году приехал Людовит Штур в Модру, точно я не могу указать. Кроме Карола у него были брат Самуэл, также священник, и самый младший Янко, который стал судьей в краевом суде в Тренчине, откуда он был переведен в Рабу, где, вроде бы, живет до сих пор. Была у него и одна сестра, имя которой не сохранилось у меня к настоящему времени в памяти.

В Модре его знали еще и потому, что, имея там брата-священника, он приезжал к нему из Братиславы. Однако жители Модры вели себя по отношению к Людовиту Штуру, имя которого увековечено, в основном недружелюбно; были у него и тайные друзья, пре-

данные ему всей душой, но открытых друзей было мало, поскольку горожане в то время не обладали национальным самосознанием. Те из горожан, кто проявлял себя как его открытый друг, в то время немецким правительством и городскими властями преследовались.

Во время революции 1848/49 г. (в каком месяце — не знаю сейчас) приехал Людовит Штур в Модру к своему брату Каролу, думаю, чтобы у него найти надежное убежище. Кто-то из горожан его заметил, а поскольку награда в пятьсот золотых монет была обещана тому, кто его поймает и властям передаст, хотели его некоторые поймать и получить эту награду Иуды. Но вовремя об этом узнал уже отошедший к Богу мой шурина Ондрей Миних, мещанин и скорняжных дел мастер и брат до сих пор здравствующего о. Даниэла Миниха, евангелического словацкого священника на покое. Он срочно

передал в дом священника (да и сам лично туда отправился), чтобы Штур куда-нибудь скрылся, ибо, говорят, неприятели хотят его поймать и передать властям. Чтобы не попасть в руки врагов, он был вынужден из Модры уйти. Он ушел в горы, через которые старый модранский лесничий Мартин Вештик провел его в деревню, называемую Кухиня, откуда Штур ушел в Пернек (деревня в Братиславском комитате у западного подножья Малых Карпат) к католическому священнику и таким образом спасся.

У лесничего Мартина Вештика был сын Мартин, который являлся словацким добровольцем, а после того, как сложил оружие, стал учителем в Брезовой, где и умер.

После революции Людовит Штур снова возвратился в Модру, чтобы воспитывать семерых сирот, оставшихся после смерти его брата Карола. Тогда же он снял и частную квартиру в одноэтажном доме на площади, и жил в комнате на первом этаже с окнами, выходящими на площадь. Это был дом Треловского. Потом он на другую сторону площади переехал, в дом Шнелова, в котором жил до того периода, когда его постигло несчастье на охоте. Жил за счет писательского труда, ибо ни на какой службе не состоял, да и едва ли он мог какую-либо должность получить. Кроме того, у него жил один серб из Белграда, которого он учил и воспитывал. Фамилии того серба я не знаю, ибо я не спрашивал об этом Людовита Штура; он звал его Коста. Этот серб жил у Штура вплоть до его смерти.

Все время нахождения в Модре Людовит Штур был под строгим наблюдением немецких жандармов, у него

не было разрешения даже из города выехать, и с горожанами он не имел права открыто встречаться, чтобы он не мог с ними познакомиться. И меня по этой же причине он не имел права посещать, и поэтому он только два раза был у меня в вечернее время, ни в коем случае не днем; я тоже мог время от времени с великой осторожностью посещать его, чтобы люди об этом не узнали. Чаще всего мы встречались на территории виноградников, предварительно договорившись (по паролю), и, там прогуливаясь, мы беседовали о различных национальных делах.

В 1854 г. он меня попросил, чтобы я находящемуся в то время в Иванке, недалеко от Братиславы, князю Михаилу Обреновичу письмо от него передал, чтобы узнать, мог ли бы он его посетить и в какой день. Это послание я охотно взял и поручение выполнил. Письмо я отдал камердинеру, а он — князю, которого я тоже видел и лично с ним познакомился, поскольку как раз в то время, когда я пришел, он провожал своего родственника графа Баттьяни. Визит Людовиту Штуру был разрешен, он должен был его нанести в последнюю неделю перед Рождеством. Людовит снова меня попросил, чтобы я сопровождал его туда и дорогу ему показал. До Пезинка, расположенного в добром часе ходьбы от Братиславы, мы шли пешком, рано утром еще в темноте, чтобы никто не увидел, что путешествуем вместе, а в Пезинке мы должны были поменять билеты, чтобы ехать по железной дороге на конской тяге, которая вела в то время из Трнавы в Братиславу и по которой можно было доехать быстрее, чем в повозке. Поскольку именно в то время

была в Братиславе ярмарка, и поэтому многие его знакомые из Модры пришли в Пезинок на станцию, чтобы по железной дороге быстрее в Братиславу попасть, мы обменяли каждый отдельно свой билет в их присутствии, чтобы исключить подозрение, будто мы, согласно предварительной договоренности, куда-то вместе следуем или едем. Людовит Штур, желая их возможное подобное предположение еще сильнее опровергнуть, спросил меня громко в зале ожидания — как будто ни о чем не знал — куда я еду. Когда я ему ответил, куда еду, он опять же громко сказал в присутствии находящихся там жителей Модры: «Тогда поедем вместе!».

Когда мы возвратились из Иванки по железной дороге в Пезинок, мы оттуда опять шли пешком в Модру, но я должен был на двести-триста шагов впереди идти, чтобы иметь возможность его предупредить и у него было время уйти в сторону, если бы я встретился с каким-нибудь жандармским патрулем, поскольку я уже упоминал, что ему не разрешалось покидать город. Путь до Иванки он, таким образом, совершил тайком, не уведомляя об этом соответствующее жандармское начальство. Насколько я знаю, он только один раз был в Иванке, со мною тогда. Иванка находилась в собственности Михаила Обреновича.

По какой причине Людовит Штур был в Иванке у Обреновича — этого я не знаю; расспрашивать я не хотел, а сам Людовит Штур мне этого не сказал. Я довел его до усадьбы и сам потом пошел в трактир, куда часа через два и Людовит Штур в веселом настроении за мной пришел.

На обратном пути из Иванки он попросил, чтобы я через неделю, т. е. опять в понедельник (на который, впрочем, приходился сочельник) сходил с ним на охоту на трлинской территории. Трлинок — это деревенька, расположенная в получасе ходьбы на юг от Модры, ее территория граничит с модранской территорией. В субботу на той же неделе к нему пришли двое парней (загонщиков) звать на охоту, с которыми примерно в десять часов утра он ушел охотиться. Что он ушел — я об этом не знал, потому что мы на понедельник (в сочельник) договорились, чтобы идти вместе. Земля была сильно замерзшая. Он охотился сначала в районе виноградников, продвигаясь к простирающимся за ними полям, по направлению к Шенквицам (деревня, расположенная в сорока пяти минутах ходьбы на восток от Модры), и так подошел ко рву, отделяющему виноградники от поля. Так как он должен был перепрыгнуть ров, то из осторожности спустил курки, а ружье повесил на плечо, держа его стволами вверх. Но когда он переискакивал, то на замерзшей земле нога у него заскользила, в результате этого он поскользнулся и упал назад; во время падения его ружье повернулось стволами вниз, к ногам, а один курок, сильно ударившись о мерзлую землю, разбил капсюль — ружье выстрелило и весь заряд с пыжом вошел ему в ногу.

Некий возчик из Кралёвой (деревня в получасе ходьбы к северу от Модры) возил в тот день к железной дороге в Шенквице дрова и, возвращаясь домой в Кралёву полевой дорогой между полями и виноградниками, названными «Шнауди», через модранскую тер-

риторию, он подошел к месту, где раненый Людовит Штур лежал. У возчика по фамилии Шврлинек была только телега с боковыми решетками, а на решетках были цепи, скрепленные крест-накрест. На эту телегу при помощи тех двух достаточно взрослых юношей-загонщиков он положил раненого Людовита Штура так, что спиной он из-за отсутствия другой подпорки опирался на цепи, и без промедления привез его на квартиру вдовы Карола Штура, которая жила на площади в том самом доме (Эмресовском) с семьей доктора Гайари. Этот Шврлинек просил, говорят, за то, что довез раненого Штура, пятьдесят крестеров, которые ему и заплатили. Он не знал, что такое христианский долг и любовь, для него не был примером милосердный самаритянин, который бескорыстно, даже с жертвой для себя позаботился о раненом и спас его, перевезя в гостиницу!

Когда Штура раненого привезли, сразу жандармы прибежали и стали спрашивать, как это несчастье произошло и не стрелял ли в него кто-то другой. Он им сказал, что о нем заботятся, что в него никто не стрелял, что выстрел случился у него самого. Он говорил им это по-немецки, и под конец сказал следующее: «Jetzt wir aber die Regierung froh sein, wenn sie von meinem Unglueck hoeren wird!» («Вот теперь будет правительство радо, когда услышит о моем несчастье»). Жандармы ушли.

Доктор Гайари был первым врачом, которого, так как он жил в одном доме с вдовой Карола Штура, позвали к раненому Людовиту Штуру. Но поскольку у Людовита Штура в Братиславе был знакомый доктор по имени Майер, он написал ему письмо и попросил, что-

бы тот сразу, как его получит, приехал к нему в Модру. Он нетерпеливо его ожидал, а меня попросил, чтобы я следил, когда он приедет, и сразу ему сообщил, как только увижу, что чужой экипаж приближается к дому. Наконец я заметил, как с нетерпением ожидаемый экипаж поворачивает у башни по направлению к площади, и сообщил о его прибытии. В ответ на мое сообщение Людовит Штур воскликнул: «Позовите всех семерых детей, чтобы они пришли ко мне!» Все были во дворе и, вбежав в комнату, должны были в ряд встать у его постели. Как только доктор Майер вошел, Штур указал рукой на детей, поставленных в ряд у постели, и сказал по-немецки: «Sehe, Dr. Mayer, das sind meine Waisen!» («Посмотри, доктор Майер, это мои сироты!»), и только потом его приветствовал. Я сразу понял, что это означает. Потом сошлись трое врачей — Майер, Гайари и Эмрес и, осмотрев рану, прошли в заднюю комнату совещаться. Через минуту, вернувшись, они утешили Людовита Штура, и Майер уехал. И больше он к нему не приезжал. Гайари прописал ему зловонную зеленую жидкость зеленого цвета для промывания и смачивания раны, чтобы жар, якобы, разгонять. Поскольку эта вода причиняла ему в ране жгучую боль, которую он не мог выдержать, по совету ухаживающего за ним вместе со мной Михала Гиля Людовит Штур согласился, чтобы тот промывал и увлажнял ему рану конской мочой. Так как он не мог ни сидеть, ни стоять, мы должны были перекладывать его на простыне. Мы заботились о нем вчетвером, т. е. я, Йозеф Кухта, Ондрей Лауда и уже упоминавшийся Михал Гил.

За ним ухаживали больше трех недель. Рана у него уже заживала, затягивалась, и он был бы спасен. Перед тем, как рана полностью зарубцевалась, лежа еще в постели, он оглядел себя, раненую ногу и обнаружил, что она укоротилась и останется короче здоровой ноги. 12 января 1856 г. около девяти часов утра к нему пришел доктор Гайари, и Людовит Штур сказал ему: «Пан доктор, эта нога у меня короче — я должен буду хромать? Попробуйте ее вытянуть». Когда Гайари не захотел этого делать, он сказал: «Но вы должны — я вам приказываю под свою ответственность!». После таким образом высказанной просьбы Гайари осторожно взялся за ногу и попробовал ее вытянуть; когда же при этом Штур застонал от боли, Гайари отпустил ногу, а когда боль немного стихла, он опять должен был попробовать ее вытягивать. Штур, я думаю, испытал сильную боль, ощущал свою раненую ногу, и в этот момент из раны пошла кровь. Увидев это, он сказал: «Мне плохо», и в ту же ночь умер. Я был около него с Кухтой, когда он скончался. Когда он умирал, кроме нас двоих присутствовали уже покойные: профессор Ян Калинчак, заместитель ректора Ян Яромир Майер, которого Штур очень любил, их связывала искренняя дружба (позже Майер до самой смерти был евангелическим учителем немецкого языка в Модре, обучая старших мальчиков в подготовительном классе для поступления в гимназию, и хотя он был учителем немецкого, он был надежным словаком с кристально чистым характером и восторженным будителем национального самосознания среди словацких горожан), вдова Карола

Штура, а также еще здравствующий Даниэл Миних.

На другой день, когда должно было состояться официальное вскрытие тела Штура, пришел Ян Калинчак и сообщил, что он также обязан быть свидетелем при вскрытии; но, поскольку, сказал он, вскрытие человека он видеть не может, то попросил меня занять его место. Далее при вскрытии были врачи: доктор Гайари, доктор Эмрес, доктор Зибель и ветеринар Йозеф Гайичек.

***

Похоронен Людовит Штур на модранском евангелическом кладбище, в самом его начале — среди священнослужителей. Хоронил его д-р Й.М. Гурбан. Таких торжественных похорон не было с того времени в Модре. Перед гробом шагали двое студентов, держащие скрещенные сабли; за ними шла девушка, несущая на подносе венок; гроб несли попеременно двенадцать ремесленников, двенадцать студентов и двенадцать крестьян; с обеих сторон гроба несли двенадцать горящих факелов.

На его могиле поставлен памятник, который обнесен железной оградой шириной два метра и длиной два с половиной метра. Памятник, выполненный в виде пирамиды высотой два метра пятьдесят восемь сантиметров, изготовлен из красивого белого гранита. Он состоит из двух частей — из двух гранитных частей основания и собственно из пирамиды. Нижнее основание — высотой пятьдесят три сантиметра, передняя и задняя его поверхности — длиной восемьдесят два сантиметра, а боковые поверхности —

шириной по пятьдесят сантиметров. На передней стороне этого нижнего основания находится двойной (патриарший) позолоченный крест, а под ним — три горы, символизирующие Татру, Фатру и Матру. Над нижним основанием расположено более узкое основание, высота которого также составляет пятьдесят три сантиметра, длина передней и задней поверхностей — по семьдесят одному сантиметру, а ширина боковых поверхностей — по тридцать четыре сантиметра. На этом верхнем основании стоит пирамида, ширина передней части которой внизу составляет шестьдесят два сантиметра, а вверху — тридцать один сантиметр. На передней поверхности пирамиды расположен замечательно обработанный из белого мрамора, имеющий кругообразную форму венка (диаметром двадцать девять сантиметров), а под ним высечены день и год рождения и смерти Людовита Штура. Родился 22 октября 1815 г., умер 12 января 1856 г.

Я был с покойным Людовитом Штуром в дружеских отношениях, познакомившись с ним примерно за два года до его кончины. Знакомство наше произошло следующим образом. Я был болен. И меня пришел навестить

Лайко Долежал с Людовитом Штуром, с которым я тогда еще не был знаком. С Долежалом мы были и друзьями, и дальними родственниками, поскольку его мама тоже из семьи Лачных. Долежал представил меня Людовиту Штуру, и мы поговорили потом примерно четверть часа. Прощаясь, Штур сказал, чтобы я его посетил, когда выздоровлю. Он мне очень понравился, и с тех пор до самой его смерти мы оставались в дружеских отношениях. Часто Штур посещал и Йозефа Дубровского, мельника, и его брата священника; далее — уже упомянутого Яна Яромира Майера, заместителя ректора, которого он выделял среди других ученых в Модре; потом профессора Яна Калинчака, городского коменданта Самуэла Месика; городского голову Й. Гайичка и священника Даниэла Миниха. Но Гайичке он не доверял, он сам мне это сказал. После работы он больше всего любил гулять среди виноградников и иногда для развлечения ходил на охоту, и в этом ему даже жандармы препятствовать не могли, не имея на это права. Ему тяжело было умирать в таком еще молодом возрасте, я это сужу по тому, что он сказал: «Не хотелось бы умирать, у меня еще много работы».

Перевод Евгении Майоровой

(Из книги «Современники о Людовите Штуре. Воспоминания, сообщения и свидетельства». Братислава, 1955)

СЛОВАЦКАЯ ЛИТЕРАТУРА

(Предисловие к книге: Поэзия Славян. Сборник лучших произведений славянских народов в переводах русских писателей, изданный под редакцию Ник. Вас. Гербеля. Санкт-Петербург, 1871)

Словаки причисляются обыкновенно к чехо-моравской ветви западно-славянского племени. Они занимают почти сплошной массой Тренчинский, Турчанский, Оравский, Липтавский и Зволенский комитаты или столицы северо-восточной Угрии; затем, населяют большую часть округов Нитранского, Спишского, Шарышского, Тековского, Землинского, Геморского и Гонтского и меньшую часть округов Пресбургского, Новоградского и Абуи-варского. Но отдельные поселения и колонии словаков выбегают далеко за пределы территории, обнимаемой исчисленными пятнадцатью комита-тами: они встречаются в двадцати дру-гих столицах Угорщины, вплоть до са-мой Савы, где они уже соприкасаются с этнографической территорией сербов и хорватов.

Так-как условия жизни в горной подтатранской родине словаков не вполне достаточны для пропитания быстро возрастающего населения, то непрерывный почти поток словацкой колонизации, по течению рек Вага,

Грона и Нитры, неудержимо стремится к Дунаю, а по Бодрогу и Гернаду в до-лину Тисы, в то роскошное угорское дольнотерье, которое некогда принадле-жало, хотя не исключительно, пра-прадедам словаков и, быть-может, еще станет со временем наследием, хотя тоже по исключительным их правну-ков.

Численность словацкой народно-сти не может быть точно определена по причинам как социальным, так, и по-литическим. В среде словаков сущест-вует с одной стороны непримиримая рознь между дворянством и народом: первое стыдится даже своего проис-хождения и причисляет себя к мадья-рам, подобно тому, как западнорусское дворянство причисляет себя к поля-кам. С другой стороны мадьярская ад-министрация, озабоченная возвыше-нием мадьярской народности над дру-гими угорскими, особенно словацкою, в смешанных округах игнорирует по-казания языка и причисляет словаков к мадьярскому племени, что отражает-ся и на статистических данных. Как бы

¹ Антон Семёнович Будилович (24 мая (5 июня) 1846 — 13 (26) декабря 1908) — русский филолог, славист, публицист, популяризатор славянофильских идей, профессор и ректор Варшавского (1890–1892) и Дерптского (1892–1901) университетов, член-корреспондент СПбАН. Текст дается в первоначальном виде

то ни было, мы безопасно можем определить минимум словацкого населения в 3 миллиона душ. Но, как уже сказано, это население быстро возрастает, несмотря на гнёт австрийского, особенно мадьярского правительства.

Словацкая народность обладает значительную претворяющую силою: она расширяется особенно на счет мадьяр. Но и немцы в среде словаков не могут долго сохранять своей народности: так значительные их поселения в Спишской и Гемерской столицах совершенно ословачились.

Есть еще одно обстоятельство, которое увеличивает значение этого свежего, даровитого и симпатичного племени. На территории словаков приходится этнографическая грань нескольких ветвей славянского племени: за рекою Моравою и городом Суловою начинаются поселения чехо-моравские; за Дунайцем и Бескидами живут поляки; за Бодрогом начинается Русь. На юге, как сказано, отпрыски словаков соприкасаются с крайними побегами селений юго-славянских. Таким образом, словаки представляют как бы этнографический центр славянства, что отражается и на их языке. Он является как бы связующим звеном между юговосточной и северозападной ветвями язычного дерева славян. Незаметными переходами словацкое наречие сливается на северо-западе с чешским (говор нитранский), на северо-востоке с польским (говор оравский, шарышский и т. д.), а на юго-востоке с русским (говор гемерский, сотацкий). Собственно же срединное словацкое наречие (говоры турчанский, тренчинский, липтавский, зволенский и т. д.) представляет в своем составе и строе тип

чрезвычайно замечательный по богатству слов и форм, по звуковой полноте и цельности, а во многих случаях — по чертам старины самой отдаленной, праславянской. Это объясняется консерватизмом жизни народа замкнутого в местностях горных, глухих, недоступных для внешних влияний, и притом народа почти не имевшего еще самобытной исторической жизни, сохранившего в своем быте и нравах много младенческого, первобытного. С другой стороны края подтатранские могут быть названы колыбелью славянства в Европе. В продолжение может-быть двух уже тысячелетий живут здесь славяне, в недоступных убежищах народной свободы, в этом центре праславянской географической области, откуда вытекают множество рек и притоков Вислы, Одры, Днестра, Тисы и Дуная, следовательно у водораздела морей Черного и Балтийского. Вот почему есть основание думать, что словацкие территория и народность, язык и нравы должны представлять неисчерпаемый источник важных, открытых для славянского археолога, этнографа и филолога. Но для историка, особенно историка литературы, здесь жатва очень скромная, потому-что эта народность, как сказано, находится еще на ступени развитая довольно младенческой и потому может представлять более надежд в будущем, чем воспоминаний в прошедшем. В этом отношении, как и во многих других, словаки представляют аналогию со словенцами. Некогда они имели даже общую историю, когда Паннонская долина была занята тремя родственными и дружественными державами: великоморавскою Ростислава и Святополка, блатенскою

Коцела и болгарскою Симеона. Но удар мадыарского нашествия, сокрушивший первую и вторую, оттолкнул за Дунай третью. С тех пор словаки, составлявшие зерно великоморавского царства и принявши из рук солунских братьев семена славянского просвещения, оторваны от связей с православным югом, отодвинуты в свои сумрачные, но родные татранские голи и поляны; с тех пор они должны были делить судьбу угорского государства, основанного мадыарами в Паннонской долине, на развалинах государств славянских. Нельзя однако сказать, чтобы словаки были совершенно пассивными зрителями событий, разыгрывавшихся затем в угорском государстве. Можно даже доказать, что самое основание этого государства, его организация Стефаном Святым, совершена была по тем культурным началам, которые выработаны были в непродолжительное, но блестящее существование славянских придунайских государств, особенно же великоморавского, т. е. словацкого. Мадыары не принесли с собой никаких новых культурных начал и потому должны были усвоить себе те, какие они построили в стране новых своих поселениях. В первый арпадовский период угорской истории славянские народности давали политическое направление государству; тоже продолжалось и в последующие периоды, с тем лишь различием, что Угрия все более втягивалась в круг интересов и понятий европейского запада, постепенно отрываясь от начал, унаследованных было от славянского востока. В этом отношении история Угрии представляет замечательную параллель с историей Польши. Но главные основы старую-

горской конституции: административная децентрализация, местное (жупное или комитатское) самоуправление, равноправность народностей и свобода вероисповедания, упорно были поддерживаемы и в позднейшие периоды угорской истории. Итак, несомненно, что и словаки принимали деятельное участие в событиях угорской истории; но, по разным причинам, они не успели подчинить мадыар влиянию своей народности в такой степени, как это случилось например с ордою болгарскою в странах балканских.

Единственным, политическим представителем словаков, как народности, был знаменитый Матуш Тренчанский (в начале XIV века); но его усилия привлечь Угрию в союз с чехами не удались. На поле наук, и искусств словаки произвели не мало замечательных деятелей, но их сочинения появились на том же латинском языке, который с XI до начала XIX века был административным и дипломатическим языком угорского государства. Но за-то словаки два раза давали у себя приют письменности своих чешских соплеменников. Раз это было в половине XV века, когда гуситы из опустошенной Чехии целыми массами переселялись в гостеприимную и либеральную Словачину (особенно в Нитранский, Новоградский и Зволеницкий комитаты). Другой раз это случилось в XVII веке, после белогорской битвы: на этот раз словаки приютили у себя и знаменитого основателя научной педагогики Амоса Коменского. Вместе с гуситством словаки приняли тогда от чехов их литературные произведения и чешский литературный язык. Можно даже сказать, что единственно благодаря

чешским писателям из словаков (как Трановский, Крман, Грушкович и другие) поддержаны были литературные предания так называемого золотого периода чешской письменности, в полуторавековую умственную летаргию убаюканных иезуитами чехов. Это немало облегчило литературное их возрождение в начале нашего века.

Первые опыты литературной обработки словацкого наречия начинаются не ранее XVIII века, следовательно в этом отношении собственно словацкая литература новее всякой другой славянской, не исключая и словенской или хорутанской, имеющей один памятник X века и несколько XVI-го. Первое же крупное явление словацкой письменности составляют грамматические и лексикальные труды Бернолака (умер. 1813г.) и поэтические произведения Голого (умер. 1849г.). Их значение в словацкой литературе может быть несколько уподоблено значению в литературе сербской филологических трудов Вука и поэтических опытов Милутиновича. Разница лишь в том, что Вук обнял сербский язык во всех его разветвлениях и из их сравнения извлек норму сербского литературного языка; между тем, как Бернолак ограничился одной западной ветвью словацкого племени, вследствие чего его опыт вышел более односторонним и недостаточным. Гольый проявил в своих эпических произведениях большой талант и одушевление; но он не свободен был от пристрастия к псевдо-классической напыщенности, некоторой ходульности и холодности, во вкусе нашего Хераскова или сербского Мушицкого. Как бы то ни было, Гольый дал первый толчок словацкой

литературе, справедливо считающей его отцом и основателем. Можно предполагать, что и Коллар, знаменитый автор и «Дочери Славы» и первый пророк панславизма, не вполне был свободен от влияния автора «Святополка», «Кирилло-Мефодиады» и «Славы». Впрочем, имя Ивана Коллара лишь отчасти принадлежит словацкой литературе: главные его произведения написаны на чешском наречии, равно как и произведения другого знаменитого словака, Павла Иосифа Шафарика, автора «Славянских Древностей». Но содержание и направление произведений как того, так и другого более имеет родства и — вероятно — связи с настроением и духом народа словацкого, чем чешского.

Как бы то ни было, не должно представляться случайностью то, что первыми проповедниками идеи славянской взаимности и панславизма являются сыновья словацкого племени, уже самую свою природою и географическим положением как бы призванного примирять противоположности разных славянских народностей и соединять их в сознании племенного единства и общности исторических задач.

С 40-х годов в Словачине закипает более оживленная литературная деятельность, являются новые деятели, новая литературная школа. Основателем ее был знаменитый словак Людевит Штур, политик, поэт, ученый и публицист. Первые его заботы обращены были на установление нормы словацкого литературного языка. Он осудил мысль Бернолака, поддержанную Голлым, о возведении на степень литературного органа одного из многочисленных окраинных словацких говоров. Литературный язык должен, по

мнению Штура, пользоваться всем разнообразием народных говоров, чтобы черпать лучшее из каждого, особенно в отношении их лексикальном. Что же касается стороны формальной, то предпочтение должно быть оказываемо тем звуко сочетаниям и формам, которые находят себе наибольшее оправдание в этимологии и истории славянских языков, и следовательно наиболее приближаются к среднему или нормальному типу словацкого наречия. А так как наиболее чистый и цельный звуковой и грамматический тип представляют говоры центральные, нагорные, то они и приняты Штуром за основу форм наречия литературного. Эта мысль была очень сочувственно принята словаками, особенно их молодым поколением, на которое Штур имел самое сильное и благодетельное влияние. Авторитет его был поддержан в этом случае согласием двух других знаменитых и влиятельных членов словацкого общества: Гурбана и Годжи. Их соединенными усилиями дело установления нормы словацкого литературного языка было поведено очень успешно. Реакция старочешской партии в среде словацкого народа была сломана, и литературный раскол словаков совершился, повидимому, окончательно и безвозвратно. Словак Гаттала довершил это дело составлением прекрасной грамматики нового словацкого литературного языка. В среде словаков нашлись значительные таланты поэтические, представившие прекрасные образцы высокохудожественных произведений на словацком языке. Наряду с названными тремя литературными корифеями штуровской школы (Штуром, Гурбаном и Годжей), мы должны на-

звать особенно два имени: Сладковича и Халупку. Их значение в литературе словацкой может быть отчасти сравнено со значением в литературе чешской Челяковского и Эрбена, а в сербской — Мажураича и Негоша.

Около этих корифеев словацкой литературы группируется целая плеяда других более или менее значительных талантов. Назовем Заборского, Грайхмана, Желло, Полярика, Викторина, Иозефовича, Зоха, Кузмани и Павлини-Тота. Большая часть сюжетов словацкой поэзии заимствуется из народной жизни современной и прошлой, словацкой или общеславянской. Идея панславизма продолжает быть вдохновляющей музой словацкой литературы. Это не изменилось даже после горьких разочарований 48 и 49 годов, когда заря народного освобождения, казавшаяся уже брезжить, снова скрылась под тучами сначала баховского, а потом аидрашиевского деспотизма и преследований. Исчезло одно поколение народных деятелей (Штур, Гурбан, Годжа); но их место не осталось праздным: Франциски, Кузмани, Павлини-Тот, епископ Мойзес и другие снова взялись за дело народного пробуждения и возрождения. Самым важным событием последних десятилетий было учреждение в 1863 году словацкой магиицы, образовавшей центр, вокруг которого собрались все лучшие силы страны и из которого стала направляться просветительная деятельность патриотов на образование народных масс. И дело подвигается, народ просвещается, развивается, хотя не с такой быстротой, как бы можно желать, но с большей, чем бы можно ожидать, имея в виду многочисленность и значительность

противодействующих условий и влияний. Народ беден и одинок; он не имеет нигде поддержки, а напротив всюду встречает ненависть и презрение: дома от своих дворян-ренегатов, в стране от мадыарского управления, в государстве от габсбургского правительства. Чехи довольно равнодушны к Словакии за их литературный раскол, произведенный во имя словацкой народности с одной стороны и идеи панславизма (в форме литературного единения славян) с другой. Польские политики не благоволят к словакам за их демократизм, за их панславизм, за их дружбу к России. Но, несмотря на все это, словаки не унывают и не отчаиваются в своей будущности. Они веселы и довольны, потому что добродушны и непритязательны; они певучи и смелы, потому что молоды и предприимчивы. Словаки вдвое нам сочувственны — как славяне и как друзья. Не только в географическом, но и в этнографическом смысле это самый близкий к русским из западных народов, подобно тому как болгары из

южных. Наука и литература словацкая, конечно, еще бедна и едва только зарождается; но если можно о будущем судить по настоящему и прошедшему, то мы имеем право возлагать самые блестящие надежды на словацких писателей и ученых: так живо во всех их произведениях отражаются черты могучего таланта, широкой кисти, самобытного творчества и философских порывов, несколько роднящих мыслителей словацких — например Штура — с русскими славянофильского направления.

В заключение нашего беглого обзора литературной истории словаков позволяем себе выразить убеждение, что ближайшее ознакомление и теснейшее общение русского народа с словацким не осталось бы без важных для них последствий, тем более, что словакам предстоит, повидимому, играть не маловажную роль в событиях, которых в более или менее отдаленном будущем должны разыгаться на склонах Карпат и в долине среднего Дуная.

НАШИ СОВРЕМЕННОКИ О ЛЮДОВИТЕ ШТУРЕ

Мила Гаугова

Ловля глубинных (смы)слов

22 декабря 1855 года: он ранит себя на охоте

1.

Тишина в костеле слов.

Чуть слышный выстрел в вакуум канавы. Овраги.
В каменистом дне ручья отражается
оловянное зимнее солнце и его свет; теперь смотреть только вверх,
на белый потолок модранской комнаты (небосвода).
Неподвижно думать об одном и том же слове...

Шаги над ним, он ходит сам над собой.
Словно продираясь медленно
сквозь пальцы дыхания и
волокна сердца: он молчит целый
день: все осталось за окном,
никто окно не откроет

2.

Остальные
в соседней комнате, где приглушен свет
и звуки; лица, обращенные к источнику
света (слова),
которое вот-вот придет: в холодном
декабрьском поле валит мокрый
тяжелый снег, бежит через поле

3.

белый конь без наездника...

Мужчина у порога: все случится потом,
когда его уже здесь не будет:

тело невозможно подготовить к боли,
к единственной кровоточащей ране

4.

Он шагает один? С фамильным ружьем
(серебряной чеканки?)
каждый след немного длиннее
предыдущего... (и каждый, каждый след
исчезает за горизонтом виноградников в окантовке холодной
пуленепробиваемой мглы)... над ручьем внезапно
кто-то появляется... ранит сам себя и падает:
ловец снов и бескомпромиссной чистоты,
листва, на которой он лежит... влажно и больно.
Под ней гранит (воля): песок и тихие
саламандры на своей локальной
зимовке.

5.

Иней, мороз, безупречно синее небо: 24 декабря,
отныне мысли и сны будут заперты в единственной комнате
(в цинковом свете он все теперь ясно видит: он знает, что из этой
комнаты уже не выйдет, никто не может представить этого
прекрасного мужчину без ноги: даже он сам)

6.

разлученный с миром...
подниматься и спускаться
по лестнице Иакова
сон... сон за сном...

7.

Предрождественские дни, дни словно
голос, то тише, то громче

где мы его найдем? В его честь
назвали карликовую планету
(средних размеров астероид, который можно
разглядеть в телескоп)
и язык, на котором я это пишу (мы пишем)
язык, на котором мы любим, язык, в котором
есть слово *clivota* (тоска) почти
непереводимое на другие языки

8.

Язык это попытка снова
отыскать Бога
(несколько слов мужчине,
несколько женщине, несколько ребенку)

***

правду, в которую мы ляжем
в преддверии долгой ночи. Поклянись.

Не клянись. Патрон уже заряжен.

9.

Его
жизнь
ворота монастыря раскрытые в нужное
время;
в урочный час; как нам нужна
эта речь

10.

Ему удалось выстоять
остаться на грани
в лабиринте
в этой комнате еще
не время спать:

11.

женщина не воплотится в этом молчании
 мистически претворится
 в его молчание

никто его не знает словно он
 не был весь от мира сего

12.

он мог умереть каждую ночь
 отбрасывая
 равнодушный тлен.

Правда была
 страной без языка, пока он не...

Что бы они ни сказали, его это может убить.
 Тонкий механизм его сердца (М. М. Н.)
 точно настроен...

Этот миг
 (тело отказывающееся
 повиноваться), головокружение (это движение) когда уже известно
 что-то упадет (выстрелит) и мы не в силах его остановить

в непрерывном, бесконечном движении
 мы хотели бы узнать больше

13.

Единственное наслаждение правит им:
 язык речь и волны осеннего света
 оно в законах и правилах...
 в быстром биении сердца тихо укрылось
 Как сохранить след, когда его преследует
 одиночество?

14.

Он не целился, но выстрелил: куда он смотрел?
страсти исходят из сердца воли, не из тела.

От крови тяжелеют и все чище становятся бинты.

Решаться рано.

15.

Верность повторенным стократ
созданным словам
Шаг от экзистенции к трансценденции;
прихотливо движутся мишени (в том числе он сам)

сердце стальная пещера звезда; беззащитное горло
прекрасных и диких зверей творит
он в них стрелял на самом деле?

16.

Как вел он себя тогда,
десятилетним ребенком, еще не отдавшим себя
храму?

31 декабря он думал, каким будет 1843 год
исключительный момент: такой больше не повторится
и не притупится острота бесконечного опыта.
Вокруг зеленые стены виноградников.
И семь детей брата.

***

Он опускается
в высокую желто-коричневую траву
*(его мать слышит там Там по ту сторону
чистое сопрано десятилетнего мальчика)*
он падает
его руки подхватывают движение
по камням вместо воды шумит одно-единственное движение...

Intermezzo I

На этом языке в 2012 году я напишу

*“За окном влажные звезды
сумерки и ледяные ветви
следы оленей и косуль в зимней траве
ангел золотым крылом коснется”*

17.

... clara et distincta в пространстве
согласных нами
овладевает этот язык
птицы (летающие к решетке гласных)
касаются не касаясь

в круглом детстве нашей речи
(не спит, не спит голубица...)

слои небосвода вечер Богоявления
ночь невдалеке на поле косули
смотрят на Полярную звезду

18.

Одиннадцатое января, предпоследний день,
предпоследняя ступенька лестницы Иакова.
Ангел держит равновесие и вот без колебаний он всходит:
теперь последняя опора один лишь язык:

недопустимые слово и тело
Benedictus... Angelus Dei... Kyrie eleison

законченная фраза
... еще взглядом хотел он прикоснуться...

Intermezzo II

Страх того, во что мы обратимся, если покоримся,
прямая дорога к поэзии...

запах роз под снегом серебряные следы оставляет в...

словно бы со дна доставали бриллианты

словно бы мы разбивали всегда одно и то же слово

словно бы мы слушали всегда одно и то же слово — — —

19.

Мы путешествуем из сказанного
в написанное,
где же тот самый единственный язык?

20.

Как я попаду домой, о Боже?

... как свернувшаяся кровь... как свернувшаяся кровь
которую ничто не одолеет
мгла укрывает лазурь небосвода

он знал. он знает. он видит.

Эпилог

12 января 1856 года

Следовать за ветром. Январь. Тишина и холод.
белые зайцы на белой равнине. никаких следов... ни... кто смеет
сейчас за Него говорить?

мороз сжимает ветви деревьев, белые кони на белом небосводе. дни потом...
открытые ворота... двери. Боже не спрашивай я не знаю. небо хранит.
без звезд... не так красиво... не так болит, и не так уже воплощается в снах...
в вечности...

12 января 2014 г. hommage à Ludovít Štúr

Перевод Дарьи Анисимовой

МУЗЕЙ ЛЮДОВИТА ШТУРА В МОДРЕ

Музей Людовита Штура был основан в 1965 году в местечке Модра неподалеку от Братиславы. Его основной задачей является презентация материалов, касающихся жизни, деятельности и творчества Людовита Штура, а также представителей его поколения в контексте эпохи национального возрождения. Музей расположен в доме № 84 на главной площади Модры. Именно здесь в 1856 году Людовит Штур скончался.

Комната, в которой провел свои последние дни жизни и умер Людовит Штур.

...ТВОЙ ЛЮДЕВИТ

ПОЙДЕМТЕ ЖЕ ТУДА, КУДА ЗОВУТ НАС ЗВЕЗДЫ, БРАТЬЯ!

На сцене оркестр и хор, сзади появляется дирижер — Штур, пожимает руку хору и оркестру.

Звучит музыка — увертюра.

ХОР. Славим славно славу Славян славных.

ХОР. Вы слышали? В Будине только что вышла «Дочь Славы» Коллара.

Входит Анна. Анна и Людевит приветствуют друг друга знаками. Анна подходит к Людевиту, берет у него нить, подает ему дирижерскую палочку. Снова делают знаки руками.

ЛЮДЕВИТ. Похороны 15 января 1856 года в Модре¹. (Гонг).

Хор с зонтами в руках двигается, изображая погребальную процессию. Колокола, арфа. Хор открывает зонты, идет дождь — гобой, треугольник.

ЛЮДЕВИТ. Была ты белою, хоть Модрою² тебя зовут,
Но черной, кажется, еще ты станешь для меня когда-то!³

ХОР. Эти строки были написаны Людевитом еще в студенчестве, не позднее 1835 года. Тогда еще мы писали по чехословацки.

АННА. В Прешпорке, 16 февраля 1837 года. Дорогой брат, жизнь течет, часы убегают.

ХОР. Я еще в 1836 году спрашивал, что значат слова: «Но черной, кажется, еще ты станешь для меня когда-то»?

---

¹ Модра — словацкий город, где Л. Штур провел свои последние дни и был похоронен.

² Название города Modra означает «голубая».

³ См. Примечания.

ЛЮДЕВИТ. Но послушай, отчего эти мои давние строки не выходят из твоей головы? Ты уже много раз меня об этом спрашивал. И вправду не стала бы для меня Модра когда-нибудь черной!

АННА. В Прешпорке, 26 июня 1836 года. День был ясный, светило солнце.

ХОР. Он умер тогда, когда окончил великие дела и готовился к свершениям еще более великим.

АННА. Что до меня, то я своей судьбой вполне доволен.

Хор закрывает зонты. Уходит с погребения. Анна тянет за нить.

АННА. В Прешпорке, 4 ноября 1835 года, шесть часов вечера. Я молчал и слишком долго! Молчал, но хочу рассказать вам об истинных причинах моего молчания.

ХОР. Сонет 217. *(Во время пения Анна разворачивает бумагу).*

УГРОВЕЦ, 1815 ГОД

ЛЮДЕВИТ. Угровец, 1815 год. *(Гонг).*

АННА. 8 мая. Татры — колыбель славянства. Татры гордые, но красивые, разнообразные, и воды их текут, как вся жизнь славян. То зашумят они, разгонятся, то вдруг утихнут, снова потекут медленно, словно довольны и берегами, и существованием своим.

ХОР. *(Буря, Анна продолжается возиться с бумагой).* Угровец со всех сторон окружен горами, и лишь полноводная быстрая река прокладывает себе путь из долины. Там высится над всем прекрасный Рокош, который зовется еще Черной Горой — так именуют его в народных сказаниях. Чуть ниже его, но не менее прекрасен Княжеский стол, за ним виднеется Птачник, а ближе сюда, к Угровцу — Гомоля, милые Брезины и дальше Чисто Поле, костёл с колоколенкой и старинный замок, белеющий на фоне темных гор. Вокруг него — сады, горные склоны, скалы, полные дивных сказаний, и новый родовой замок семейства Зай, украшающий собой селение. Это очаровательная колыбель, воспитавшая дух талантливого мужа, который с молодых лет впитал в себя эти природные красоты.

АННА. Церковная книга евангелического костела в Зай-Угровце, запись о рождении и крещении нашего Людовита, да будет благословенна память его.

Клавесин = книга регистраций, Людевит диктует.

ЛЮДЕВИТ. Anno, 1815 baptisatus est per Steph. Schimko, p. t. Ecclesiae Evang. Zay-Ugroczensis V. D. Ministrum, sub. Nro. curr. 95 die 29 mensis Octobris Ludovicus; parentes: Samuel Štúr, Anna Michalecz

Анна+Людевит — игра с клубком

ЛЮДЕВИТ. Вы просите меня, чтобы я описал вам моего отца. И если я не могу отказать, то вынужден отбросить скромность перед вашей просьбой.

Людевит диктует, гобой — отец, арфа — мать.

АННА. Представьте себе человека роста среднего или немного выше среднего, сильного и мускулистого, с лицом вытянутым, с глазами голубыми, большими и ясными, с выражением печали на лице — это и есть мой отец. А мать моя была певунья, очень добрая и простая, задумчивая и сердечная.

ЛЮДЕВИТ. Вот то, о чем ты меня просила.

ХОР. Четырех сыновей и одну дочь воспитала эта бедная семья. Отцовским девизом было строгое повиновение. А добрая мать Штура действовала в духе ослабления этой строгости.

АННА. Передавайте мой поклон родителям.

ШКОЛА

ЛЮДЕВИТ. Школа. (Гонг.)

ХОР. (Спит. Анна будит их.)

Трижды поют:

Словакия в руинах! Здесь никто не плачет,
покинутый наш дом, ты гибнешь, не иначе!
Мать наша умирает в горе и мученьях,
и что с тобою будет, наше утешенье?

ЛЮДЕВИТ. Колыбель стоит в долине,
влагой сыновьям доньине,
сладкий сон их охватил.
Но однажды с гор тенистых
сквозь шумы деревьев речистых
голос скорбный долетит:

ДАМЫ. Сын, восстань! Призывы с дрожью
прозвучали — мать, а кто же, —
плачет и зовет тебя.

ХОР. Не нарушь мой сон сладчайший,
дай мне дальше в нем качаться,
есть ли дело до тебя?

АННА. 2 ноября. Человеку нужен домашний покой и сладкие воспоминания, чтобы жить и работать в большом мире.

ХОР. Стоял конец августа 1827 года, когда нашему Людовиту впервые предстояло покинуть эти прекрасные леса, эти высоченные горы, это широкое поле, этот шумный горный поток с его раками и рыбешками, этот великолепный Рокосш и эти скалы, полные тайн и сказок. Перед ним лежал путь в Рабу.

ДАМЫ. Сын, восстань! Призывы с дрожью
прозвучали — мать, а кто же, —
плачет и зовет тебя.

ХОР. Не нарушь мой сон сладчайший,
дай мне дальше в нем качаться,
есть ли дело до тебя?

АННА. Я испытал это на себе. Из непосредственной, такой сладкой природной близости — в центр жизни, где дух роится и руководит всем.

ХОР. На втором году учебы он уже занимался греческим; латынь, конечно, была освоена, как и венгерский, но дух его уже проникал в воды более глубоких наук. Здесь обуздывалась дикая фантазия, и все вставало на свои места.

Диктует.

ЛЮДЕВИТ. Сын, привыкший только спать,
сон не хочет прогонять,
отдается сновиденьям.

ДАМЫ. Сын, восстань! Призывы с дрожью
прозвучали — мать, а кто же, —
плачет и зовет тебя.

ХОР. Не нарушь мой сон сладчайший,
дай мне дальше в нем качаться,
есть ли дело до тебя?

Профессор Пец магически воздействовал на сознание Людовита тем, что от классических идеалов греческого и римского мира он чаще всего выходил в сфере поэзии и филологии славянской, связывая их друг с другом.

АННА. Сын, восстань!
Время тяжкое, печали
путь с бедой мне повенчали,
краткой жизни хлещет плеть.
Сын мой, дитяtko родное,
с песней выкормленный мною,
дашь ли ты мне умереть?

ХОР. В Братиславе Людовит нашел еще более широкие возможности для приобретения знаний и воспитания своего духа, нежели в Рабе.

БРАТИСЛАВА

ЛЮДЕВИТ. Братислава. *(Гонг.)*

ХОР. Австро-Венгрия. Прешпорок, Пожунь, Братислава-над-Дунаем, Посониум. Конвентна улица. Евангелический лицей.

Учебный год 1829–1830 промелькнул для Людовита в Братиславе очень быстро, ведь тогда уже вовсю бурлила жизнь в кругу словацкой молодежи.

ЛЮДЕВИТ. Поэты: Халупка, Браксаторис, Краль, Матушка. Естествоиспытатели: Лихард, Шулек. Исследователи природы: Слобода, Голубы.

АННА. В Прешпорке, 4 ноября, 6 часов вечера. Хочу объяснить вам причины моего молчания: у меня очень много работы и занятий, ведь это четыре лекции в день, а еще уроки греческого и французского.

ЛЮДЕВИТ. Будущие педагоги: Червенак, Кирай, Ормис, Шкульгеты, Гросманн. Филологи, философы, археологи: Годра, Зоx, Паулини-Тот.

АННА. Еще одно мое занятие — это то, что славянское общество доверило мне быть его секретарем, что требует очень многих усилий, поскольку я должен и разбирать документы, и писать всевозможные письма, а все это занимает много времени.

ЛЮДЕВИТ. Врачи: Климачек, Шулек. Теологи: Главачек, Кузмани, Годжа, Молнар, Гробонь. Юристы: Врховский, Турзо, братья Мудрони.

ХОР. Людовит пришел к философии после изучения славистики, греческого, латыни, французского и поэзии, был членом библиотеки и общества словацкого, проводил дни и ночи за чтением славянских книг на различных языках.

Людевит превратился в настоящего гиганта, который очень скоро должен был стать центром молодежи.

АННА. Что же до прочих наших занятий, то они напомнят Вам те времена, которые были и у Вас когда-то: обычно мы проводим время у Штайнметцла, где мы пьем лучшее пиво и поем песни нашего народа.

Л.+ХОР.

Пробегают по долинам
Ваг наш быстрым током,
и летит над ним отважно
всадник резким скоком.

Люди по пути взывают:
«Молодец, скажи нам,
на коне куда летишь ты
так неудержимо?»

«Земляки, на бой спешу я,
к бою, люди, к бою!
Будем воевать, доколе
не вернем покоя».

АННА. Благословенные времена молодости! Безумные дни! Как бесконечный текучий и бурливый океан!!! Кажется, даже словак сможет воспрянуть от глубокого сна. Мы надеемся, что славянские общества, которые теперь у нас возникли, будут пользоваться большим успехом.

Л.+ХОР.

Пробегают по долинам
Ваг наш быстрым током,
и летит над ним отважно
всадник резким скоком.

Люди по пути взывают:
«Молодец, скажи нам,
на коне куда летишь ты
так неудержимо?»

«Земляки, на бой спешу я,
к бою, люди, к бою!
Будем воевать, доколе
не вернем покоя».

АННА. О, если бы судьба благоволила нам! О, если бы солнце и нам послало свой благословенный лучик!!!

ХОР. Завоевать душу народа — это был девиз Людовита с самых ранних лет его молодости, и это стремление раскрылось, как прекрасный цветок, в Братиславе. Он летал, как орел, и увлекал за собою всё, всё, что имело хоть какие-нибудь крылышки.

ЛЮДЕВИТ. *(декламирует сонет «Дракон», потом падает в обморок).*

КАНИКУЛЫ В УГРОВЦЕ

ЛЮДЕВИТ. Каникулы в Угровце. *(Гонг.)*

ХОР 1. Огромное количество дневной и ночной работы, которую он делал со всей страстностью своего чрезвычайно деятельного духа...

ХОР 2. ...эти ожоги от внешнего мира на его сердце

ХОР 3. ... эти многочисленные страдания и боль, в конце концов, превозмогли и эту могучую силу природы.

АННА. Угровец, 1838 год. Я был тяжело болен. Лежал с воспалением легких, которое я заработал, по словам врачей, переусердствовав в труде. Но уже все прошло, и я снова в лоне моей милой Славии. Я должен был преодолеть эту болезнь ради нашего дела.

ХОР. Родители Людовита испугались, увидев своего сына, когда тот приехал на каникулы в Угровец. Кожа и кости остались от когда-то цветущего, полного сил и молодой крови угровского юноши.

АННА. 19 июня. О Берлине мне даже и думать нельзя из-за тамошней дороговизны, так что я еду в Галлу.

ЛЮДЕВИТ. Да будем любить друг друга в правде, добре, красоте. С Богом.

АННА. Твой Людевит.

ХОР. Итак, осенью 1838 года он отправился для продолжения учебы в Германию.

УНИВЕРСИТЕТ В ГАЛЛЕ.

ЛЮДЕВИТ. Университет в Галле. *(Гонг.)*

Импровизированный немецкий язык.

ХОР. Профессоры немецкие, увидев несчастную фигуру Штура, отправили его на консультацию к лучшим своим физиологам и медикам. Те прописали Людовиту быть разумным и умеренным в учении, часто и регулярно заниматься гимнастикой, фехтованием, конной ездой и много путешествовать в каникулы.

АННА. В Галле, 9 июня 1839 года. Искренне благодарю тебя за те твои несколько строчек в письме брата, это было очень мило. Вы даже представить себе не можете, как приятно получить на чужбине весточку с родины от старого приятеля.

ХОР. Как опытный пловец в глубоком море, так наша душа плавала в глубинах философии Канта и Гегеля, погрузившись в нее с головой, но выплывала из нее всегда на берег родной отчизны со здоровыми мыслями.

ГРАДЕЦ КРАЛОВЕ

ЛЮДЕВИТ. Градец Кралове *(Гонг.)* Это прекрасная судьба, но много ран от нее.

ХОР. *(Поет сонет «Любимая»)*

Возвращаясь из Германии с учебы, наш Людевит остановился в Градце Краловом у известного книготорговца и славянского патриота Яна Гостивита Поспишила. Нашего Людевита в Градце постиг несчастный случай: он неудачно поскользнулся на лестнице и повредил себе руку. Долгое время за ним очень заботливо ухаживала дочь Поспишила благородная Мария.

АННА. 6 ноября 1840 года. Ваш Градец меня серьезно ранил. Та рана на правой руке заживает довольно быстро, но вот сердце мое было ранено милой моей покровительницей, и эта рана глубока и не заживает.

ЛЮДЕВИТ. Спуститесь с высот, облачка снеговые,
вы, быстрые лодки небесных просторов!
Возьмите мечты мои, вздохи живые
и с ними плывите в закатную сторону.

АННА. Милая, скромная Мария Поспишилова невероятно подействовала на меня, она принесла в мое сердце долгожданный покой.

ЛЮДЕВИТ. Проворная ласточка, взмой же над роком,
посланница резвая солнечных далей!
Неси мои чувства к Орлицы потокам,
где мысли мои с патриоткой остались.

АННА. В Градце Краловом, 15 сентября 1840 года. Мы отправились на праздник цветов. День был прелестный. На обратном пути все веселье нам испортил сильный дождь.

ЛЮДЕВИТ. Забудь, дорогая, о юноше дальнем,
над кем грозовые тучи сгустились.

ХОР. Всем членам дорогой семьи Поспишилов Людевит выразил благодарность, сердечную свою признательность. И еще в тот же день отправился экипажем в Братиславу.

АННА. На другой день вечером я добрался до дому. Наступают времена тяжелых сражений между нами и венграми. Я для них настоящая заноза. Дорогая Мария, Вы знаете, что я словно качаюсь на волнах: они то поднимают меня ввысь, то низвергают в глубину. Кто знает, что может случиться? Поймите меня. Ваша жизнь прекрасна! Не печальтесь о сердце юноши — ему это суждено судьбой. Просто примите эти стихи как мое искреннее послание с тем, чтобы вы помнили сына Татр.

ЛЮДЕВИТ. Скрываются Татры во мгле и печали,
и юноша грустен — на что Тебе он?
Зачем Тебе тот, кто знает в начале,
что в грозах жить навсегда осужден;
он в вихре забудет о жизни сладкой,
и только о милой вспомнит украдкой.

АННА. Так как не могу пошевелить правой рукой, то писал левой. В Братиславе, 3 декабря.

МЕЧТЫ, СРАЖЕНИЯ, ПОРАЖЕНИЯ

ЛЮДЕВИТ. Мечты, сражения, поражения. (Гонг.) Кто не желает себе личностных прав, тот их потеряет, кто позволяет наступать на себя, тот того и заслуживает, кто сам не защищается, тот не достоин поддержки и защиты от других.

Сонет.

ХОР. Во времена, когда Людевита лишили права преподавать в братиславском лицее...

АННА. Они отдали приказ заколоть меня кинжалом или застрелить где-нибудь вечером, а потом разбили мне окно, целясь в меня камнем, чтобы убить, когда я сидел напротив окна с книгой. Но из всего этого ничего не вышло.

ХОР. ...Он закрылся в своей комнате и размышлял, болея разумом и сердцем, над ужасной судьбой так любимого народа своего.

ЛЮДЕВИТ. Если мы утратим образованный класс и литературу, то мы вымерем и останется лишь несколько тысяч словаков из числа простых людей, подобно остаткам лужицкого народа.

АННА. Я не хочу лениться, хочу принимать решения как можно быстрее. Я буду играть совсем на других струнах. Нужно скорее издавать журнал. Нам он давно был нужен. Он будет литературным громоотводом в народной жизни. Это так чисто, справедливо и свято, что требует полного самоотречения, причем до самого конца, то есть до смерти.

ЛЮДЕВИТ. Я здесь живу скромно: что-то часами делаю, а что-то мне дают наши добрые люди, и я живу, как возможно.

АННА. Страстный Людевит.

ХОР. Работа по получению прав на «Новины»¹ была очень тяжелой, все это продолжалось долгие годы.

АННА. В первую очередь, сообщаю Вам, Отец, самую важную новость, что я получил так долго выбиваемое разрешение на «Словенске народне новины», оно у меня в руках.

ХОР. Ведь это самое естественное — говорить и писать на языке своего родного дома.

ХОР. Мы — словаки.

ЛЮДЕВИТ. Никакие мелкие препятствия не помешают мне заниматься тем, на что меня благословил Бог, — словацким языком и размышлениями о славянстве.

¹ Газета «Словенске народне новины» (дословно — «Словацкая национальная газета»), издававшаяся в 1845–1848 гг., учредителем, издателем и главным редактором которой являлся Л. Штур.

ХОР. Он уже писал на чистом словацком языке, но еще с бернолаковской орфографией без ипсилона и с обозначениями мягкости над мягкими согласными.

ЛЮДЕВИТ. Если уж вы будете вводить у в наше правописание, то я бы хотел указать случаи, в которых мы бы хотели упростить использование других обозначений мягкости согласных. В словацком языке *d, n, t* перед *e* почти всегда произносятся мягко, за исключением некоторых случаев.

(Аккорд.) Вникнув в труды Шафарика, Коллара, Добровского, он воспринял их теории и описанные ими основополагающие черты словацкого языка. И после этого глубокого изучения святых глубин языковых татранских шахт вынес оттуда на поверхность огромный бриллиант словацкого языка.

АННА. В Липтовском св. Микулаше, 4 числа девятого месяца 1844 года. Так или иначе, у нашего словацкого языка друзей становится все больше и больше. Фейерпатаки уже его принял, Кузмани уже издал один словацкий документ, Халупка Самко уже тоже послал свои стихи в «Позорник». Его победа ясна, хотя некоторое время у него еще будут противники.

ЛЮДЕВИТ. Он напоминал цветущую в долине скромную лилию, а звонкость его, связанная с привлекательной порывистостью, заставляла вспомнить бурю в Татрах, тысячью горных потоков обрушивающуюся вниз на долину с горных склонов и уступов.

ХОР. baláchať, boženík, chabina, chmatať, chmára, chmúliť sa, chňápať, chotár, chrochoť, chrumkať,

chrúst, chýr, chytlianka, chytľavý, česnút, črieda, čudo, čudný, čujem, čujný, čvirikať, driečny, dosalápiť, dumbier, domrzáť, dopáliť, dovedal sa, drglovať, drúzgať, dúčela, dudlať, dudlavý, dúla, dunieť, dunčať, durandzia, duriť, dusiť, dívať sa, dvojčatá, džavkať, fikať, fíkať, fíknúť, garázda,

garazdovnik, gebziť, gebzuvať, ganiť, grlo, grznár, grúň, hyd, hlaváň, holus, halienska, haluz, hapkať,

haspra, hať, hatať, hegnúť, hlien, hlivieť, holohumnica, huľa, humno, hradská, hrada, hrkavka, hrkluvať, hrkútať, hromžiť, hrúžliť, huckať, hupnúť, hýkať, jasíť, jedovať sa, jucha, inoväť, íver, izba, kmásať, kenteš, kynožíť, kar, kabáč, karpavý, kabaňa, káčkuvať, kechtať, kálat, kalabný,

kamenica, kasanica, kazár, kepeň, kešeň, kiepiť, okiepiť, kloňa, klonka, kliať sa, knísať, kobyľa, kolísať,

kolísať sa, kolmý, konár, konkanina, kornatieť, korytnačka, kosier, koťuh, kotulať, kozub, kraslica, kúdeľ, krdeľ, kresačka, krosná, krútel, kukučka, kukulienka, kundoliť, kutáč, kutica, kuvik, kyla, kypťavý,

ligotať sa, mrkať, mrholiť, nátoň, nadrážať, okacerný, ozorný, ponášať sa, nanášať sa, prekárať, potvárať, poparatiť, pavúz, perlík, slaruť, syp, smäd, stoh, sýpka, svorka, samokysa, sokorce, srdíť sa, šumný, šuhaj, zveleť, zvelatok и тысячи других слов.

АННА. Вначале сообщаю тебе о своей глубокой печали. Мой брат Карел, преподававший в Модре, а позднее служивший священником, навсегда покинул нас 13 числа этого месяца. Мой несчастный брат умер от чахотки. Перед своей смертью в тяжелые для него дни он спрашивал меня о нашем будущем и так же печально глядел на него, как и на своих семерых маленьких детей, которые остались несчастными сиротами без всяческих средств к существованию.

МОДРА

Письмо 1. Я взял сироток себе и воспитываю их. Теперь это и литература — я работаю сейчас над историей славян — и есть мои единственные занятия. Должность я никакую не принял.

Письмо 2. Моя невестка получила из Прешпорка сукно, благодарит Вас за заботу и передает Вам наилучшие пожелания.

Письмо 3. О родительском доме мне ничего не известно, они мне не пишут, и я им тоже, чтобы не умножать их печали. По этой же причине и домой боюсь ехать. А ведь меня мало радует весь этот мир, и только наше славянство и сироты дорогие несчастные еще связывают меня с ним.

Письмо 4. Прошу Вас сердечно, пришлите мне, пожалуйста, мой плащ и брюки по почте, или по железной дороге, или любой другой оказией как можно скорее, чтобы уже через несколько дней они были у меня.

Письмо 5. «Тихо всюду, глухо всюду»¹, и у нас так же. Некоторые небольшие словацкие гимназии мы уже получили и более крупные должны получить. Если дело начало воплощаться в жизнь, то последствия будут очень серьезные.

Письмо 6. Получил две головки сыра, за которые горячо благодарю. Было вкусно.

Письмо 7. Не желала бы еще ваша Матица Чешская за свой счет издать мой текст и мне заплатить за него? На это у меня есть серьезные причины. Вам известно, что у меня нет сейчас никакой службы, а еще я вынужден содержать маленьких сирот покойного моего брата, что является моей святой обязанностью.

Письмо 8. Здесь ничего нового. А все остальное новое ты и так знаешь.

Письмо 9. Поговаривают, что в Белграде меня избрали или вот-вот изберут профессором политических наук, что и вправду очень возможно. Если этому не помешает никакая интрига, я соглашусь на это приглашение и отправлюсь туда,

¹ Строки из поэмы А. Мицкевича «Дзяды». (Прим. переводчика).

на гораздо более подходящую мне службу. Там мою жизнь еще ждет расцвет, потому что здесь у меня в последнее время все очень грустно! Обстоятельства унылые, друзья вокруг меня печальны, и я слоняюсь от могилы к могиле!

Письмо 10. Не забудьте про могилу отца, закажите для него лучшее надгробие. Мама даст вам деньги.

Письмо 11. Всю ночь мне снился твой Светуш¹; я обнимал это милое дитя. Утром я ожидал хороших новостей.

Письмо 12. Вставай пораньше и сразу же, еще по росе, иди прогуляться в поле хотя бы на часок — и увидишь! Этот весенний ароматный воздух сильно действует на человека. Прошу тебя, попробуй так сделать.

Письмо 13. Пошли мне послезавтра лошадей.

Вечером в Одреев день².

КОНЕЦ

*Перевод Анны Песковой
Стихотворения даны в переводах Наталии Шведовой*

Примечания

И.М. Гурбан. Последние дни Штура

Он умер именно так, как хотел: задолго до своей смерти он говорил мне об этом, рассуждая о личности Юлия Цезаря и его смерти. Штур умер тогда, когда окончил великие дела и готовился к свершениям еще более великим. «Вот прекрасная смерть, — говорил он, — когда герой умирает в молодом возрасте, раньше, чем мир увидит его немощь, которая, в конце концов, приходит к каждому». Тут я не был согласен с Людовитом, но в этих словах было его предчувствие трагической судьбы. Пророческое предчувствие своего конца выразилось и в этих его строках, посвященных Модре:

*«Была ты белою, хоть Модрою тебя зовут,
Но черной, кажется, еще ты станешь для меня когда-то!»*

¹ Светуш — сын И. М. Гурбана Светозар Гурбан, позднее взявший псевдоним Ваянский. (Прим. переводчика).

² 30 ноября по католическому календарю. (Прим. переводчика).

Эти строки были написаны Людовитом еще в студенчестве, не позднее 1835 года. Тогда еще мы писали по чехословацки и Модра еще никак не была связана с семьей Штура.

Эти когда-то услышанные строки казались мне странными. Еще в 1836 году я спрашивал своего близкого друга, раньше меня познакомившегося с Людовитом, Юрая Бойислава Заборского, что значит эта фраза: «Но черной, кажется, еще ты станешь для меня когда-то?» Он не мог мне этого объяснить. Когда я познакомился с Людовитом, это было первое, о чем я его спросил. Людовит улыбнулся и произнес: «Мне просто так пришло это на ум, когда я подумал о Модре, ничего конкретного я здесь не имел в виду». Уже словно забыв об своем вопросе, я в 1848 году снова спросил его, что он хотел тем самым сказать? То был последний раз, когда я ему задал этот вопрос, потому что ответ его пробрал меня до костей. С тех пор я начал бояться за его жизнь. «Но послушай, — ответил Людовит, — отчего эти мои давние строки не выходят из твоей головы? Ты уже много раз меня об этом спрашивал. И вправду не стала бы для меня Модра когда-нибудь черной!»

С тех пор мы не обсуждали с ним вопрос об этих случайно пришедших ему в голову строках, но все равно мысли о них меня не отпускали долгие годы. И вот на Рождество 1855 года из Модры прибыла черная, как ночь, весть: 22 декабря во время охоты Людовит неудачно упал, его ружье выстрелило и смертельно его ранило. [...] Все это окончилось его смертью 12 января 1856 года. Он прожил 40 лет, 2 месяца и 14 дней бурной, деятельной, творческой жизни.

Он окончил свои дни в пору молодости и самого расцвета сил, как и мечталось ему когда-то, в том месте, которое задолго до этой катастрофы было названо его воображением «черным». Черными были те дни его страшных страданий с 22 декабря 1855 по 12 января 1856 года, когда он мучался от последствий огнестрельного ранения, потому что врачи не решались ни извлечь пули, ни ампутировать ногу. Черный убор надела на себя Модра в день похорон Людовита Штура и черный убор надела на себя его любовь — меланхоличная Словакия, а весть о его смерти опечалила всех славян на просторах обширной Славии. [...]

(Из книги: *Hurban J. M. Ľudovít Štúr. Rozpomienky. Bratislava, Slovenské vydavateľstvo krásnej literatúry, 1959*)

Перевод Анны Песковой

Камил Жишка (род. 1978, Подунайске Бискупце). Окончил режиссерско-постановочное отделение театрального факультета Высшей школы музыкальных искусств в Братиславе в 2004 году, курс Любомира Вайдички. Уже выпускной спектакль К. Жишки — постановка комедии-фарса Фернана Кроммелинка «Великолепный рогоносец» — был номинирован на словацкую театральную премию «DOSKY» в категории «Открытие сезона-2004». Еще в 1996 году вместе с режис-

сером Якубом Нвотой основал музыкальный театр «Túlavé divadlo» (дословно «Странствующий театр»), с которым и по сей день продолжает сотрудничать как автор. По окончании обучения стал активно работать в качестве режиссера, драматурга, музыканта, постановщика во многих профессиональных словацких театрах, среди которых Словацкий камерный театр в Мартине, Трнавский театр, Радошинский наивный театр, театр «LUDUS», Братиславский кукольный театр и другие. Сегодня Камил Жишка — обладатель нескольких престижных театральных наград, его спектакли неоднократно становились участниками международных фестивалей. Помимо профессиональных театров, он работает и с любительскими труппами словацких городов Горна Стреда и Модранка. В настоящее время не состоит в труппе ни одного театра, но продолжает сотрудничать с ведущими театральными коллективами по всей Словакии.

Среди многочисленных спектаклей Камил Жишки выделяется целая серия авторских постановок, посвященных биографиям различных словацких и зарубежных выдающихся личностей. Так, в основе спектакля «Будем говорить шепотом» (*A budeme si šepkať*, Словацкий камерный театр в Мартине, 2009) лежат автобиографические тексты четырех известных словацких писательниц: Ганы Грегоровой, Людмилы Подъяворинской, Элены Мароти-Шолтесовой и Терезии Вансовой. Продолжил эту линию следующий спектакль «Чем тише, тем лучше» (*Čím tichší tón, tým lepšie*, 2011), поставленный Жишкой в том же театре, который представлял собой своеобразный коллаж из текстов (прозы, поэзии, дневниковых записей, корреспонденции) классиков словацкой литературы, чья судьба была связана с городом Мартином, — Павла Орсага Гвездослава, Йозефа Гурбана Ваянского, Йозефа Шкультети. В ту же серию биографических работ можно включить спектакли Жишки «Черно-белое сердце Чарли Чаплина» (*Čiernobiele srdce Charlieho Chaplina*, 2007, театр «LUDUS»), «Не произноси имени Господа напрасно» (*Nevezmeš meno Božie nadarmo*, 2014, в рамках проекта Словацкого Национального театра «Десять заповедей»), и, наконец, постановку о жизни и творчестве Людовита Штура «...Твой Людевит» (*...Tvoj Ludevít*, 2012, театр «LUDUS»). Во всех этих биографических спектаклях сценическое действие вступает в тесную взаимосвязь с современными реалиями, и наряду с тем чувствуется глубокое погружение режиссера в исторический материал. Довольно часто в своих постановках Жишка выступает и в качестве автора музыки, которая великолепно ложится на драматический материал и всегда создает необходимую атмосферу, непосредственно сопровождая сценическое действие и подчеркивая игру актеров. Так из соединения авторского текста, режиссуры и музыки рождается современное театральное произведение, предлагающее зрителю некую аллегорическую историю.

Значительная часть творчества Карола Жишки связана с кукольным театром, а также постановками для детей и молодежи. Здесь он также часто выступает одновременно в роли автора, режиссера и композитора. Его постановки, предназначенные для юных зрителей, как правило, отличаются занимательным сюжетом, динамичностью действия, метафоричностью, необычным художественным оформлением и взвешенной режиссерской концепцией. Если речь идет о поста-

новках детских сказок, то в них всегда присутствует добрый юмор, который понятен и детям, и взрослым. Часто это связано с забавными характерами персонажей, придуманных Жишкой, и сопровождается музыкальными номерами. В своих детских спектаклях он большое внимание уделяет истории, работе с предметами и игре как режиссерскому принципу, тогда как в серьезных драматических постановках его внимание всегда направлено на актера, на проникновение в его внутренний мир, психологические мотивации его поведения.

*****

Миро (Мирослав) Дахо (род. 1983, Братислава) — режиссер, постановщик, драматург, сценарист, актер, преподаватель театрального факультета Высшей школы музыкальных искусств в Братиславе. Его дебютная пьеса «For sale» была поставлена в 2006 года на сцене братиславского театра «Лудус». С 2010 года активно и плодотворно сотрудничает с режиссером Лукашом Брутовским, который с 2015 года является художественным руководителем Словацкого камерного театра в Мартине. При выборе сценического материала М. Дахо и Л. Брутовский явно отдают предпочтение мировой, в том числе русской классике. Среди поставленных этим творческим тандемом на сценах самых различных словацких театров спектаклей «Смерть Тарелкина» (2010) А. Сухово-Кобылина, «Доходное место» (2012) и «Лес» (2014) А. Островского, «Дачники» (2012) и «Мещане» (2016) М. Горького, «Полночная месса» (2014) П. Карваша, «Сирано де Бержерак» (2015) Э. Ростана, «Игроки» (2016) Н. Гоголя и другие. В последние годы М. Дахо и Л. Брутовский все чаще сотрудничают с чешскими и моравскими театрами, где уже успели представить публике постановки пьес «Мариша» (2014) А. и В. Мрштиков, «Мизантроп» (2015) Мольера, «Крейцерова соната» (2015) Л. Толстого. В настоящее время в репертуаре словацких и чешских театров можно найти несколько успешных проектов, созданных с участием М. Дахо, в том числе: «Евгений Онегин» (2017) в Театре Йонаша Заборского в Прешове (совместно с М. Пецко), «Дядя Ваня» (2017) в Государственном театре Кошиц, «Электра» (2017) в Театре «АСТОРКА Корзо '90», «Дневник моего отца, или История о настоящем человеке» по повести П. Виликовского в Театре А. Дворжака в Острове.

М. Дахо признается, что старается работать с драматургическими текстами таким образом, чтобы как можно меньше подвергать их изменениям, поскольку пьеса для него — это не просто текст, с которым режиссеру и актерам можно делать все, что вздумается. В то же время в его постановках по классической драматургии всегда прослеживается стремление найти такие темы и такой способ подачи материала, которые были бы созвучны сегодняшнему дню и вызвали отклик в душе современного зрителя.

Анна Пескова

ИСТОРИЯ СЛОВАКИИ

Мирослав Даниш

ИЗ СЛОВАЦКО-РОССИЙСКИХ СВЯЗЕЙ В XVIII ВЕКЕ

Культурно-просветительские и научные контакты в XVIII веке

Словацко-российские культурно — просветительские и научные контакты в XVIII веке были разнообразны. Их развитие зависело, как правило, от конкретных политических, общественно-социальных или территориальных условий. Научная корреспонден-

ция, обмен взглядами и научные связи в разных отраслях гуманитарных и естественных науках осуществлялись сознательно и имели важное место в развитии просветительства и культуры в рамках стран центральной и восточной Европы.

Переписка Матей Бела с петербургскими академиками

Переписка петербургских академиков с зарубежными коллегами является ценным материалом для изучения отношений между российской и словацкой наукой. Она показывает, что у истоков этих связей уже в первой половине XVIII столетия стояли словацкие ученые Матей Бел и Самуэль Миковини, а также русские ученые Т. С. Байер, Х. Гольдбах и И.Г. Гмелин. Одним из первых осознал важность нового научного центра в Европе —

в Петербурге Матей Бел. Его переписка с Христианом Гольдбахом начинается во время пребывания Гольдбаха в Словакии.

Гольдбах посетил Словакию в 1722–1723 гг. В это время Бел направил Гольдбаху два письма, которые являются первым значительным фактом научных связей. Они показывают, что Гольдбаха в Словакию привели научные интересы и мировая слава словацких горнорудных городов. Гольдбах

предпринял путешествие по Венгрии и посетил Братиславу, где находился с середины сентября до конца 1722 г. В конце января 1723 г. он покинул Братиславу, период с августа 1723 г. по январь 1724 г. провел в Банской Быстрице, посетив при этом, скорее всего, и Банску Штявницу. Однако по корреспонденции трудно выяснить, чем конкретно петербургский ученый занимался в Словакии. Переписку Матей Бела и Христиана Гольдбаха во время пребывания последнего в Словакии дополняют четыре письма 1732–1740 гг., отправленные как из Братиславы, так и из Петербурга.

В первом письме (1732 г.) Матей Бел написал: «... я думал, что могу себе позволить при случае обратиться к Тебе с письмом и оживить в Твоей памяти воспоминание обо мне. Верю, что ты не истолкуешь это превратно, тем более, что, могу тебя заверить, что ты никогда не исчезал из моей памяти, хотя и исчез из глаз моих...». Самой важной частью письма являются рекомендации Самуэлю Миковини, астронома и сотрудника М. Бела при издании труда «для совместных астрономических наблюдений фаз планет и затмения солнца одновременно в Братиславе, Нюрнберге, Париже, Лондоне и Петербурге».

Следующее письмо датировано 1738 г. В нем Гольдбах сообщает о смерти их общего друга, петербургского ученого Т.С. Байера. Одновременно он считает своим долгом продолжать товарищеские контакты и обещает выполнить все дружеские просьбы. В своем ответе Бел выразил соболезнования в связи со смертью друга и приветствовал предложение продолжать сотрудничество, ибо ему было уже

Матей Бел

Матей Бел (1684–1749) — деятель словацкой и венгерской культуры, ученый. Получив образование в Галле, Бел стал священником. Сначала он был директором евангелической школы в Банска-Быстрице, а затем с 1714 г. — ректором лицея в Братиславе. Бел, писавший на латинском, венгерском, немецком и чешском языках, был признан не только в Венгерском королевстве, но и в Европе. Он являлся членом Лондонской, Берлинской, Санкт-Петербургской академий, некоторых других научных обществ. В своем главном труде «Исторические и географические сведения о современной Венгрии», вышедшем в 1735–1742 гг. в четырех томах, ученый предпринял попытку критического анализа источников. Он рассматривал словаков как потомков славян, населявших Великую Моравию. Утверждение этого словацкого патриота об автохтонности словаков, так же, как и высокая оценка им литературных качеств словацкого языка, сыграли заметную роль в становлении словацкого национального самосознания.

трудно в его возрасте находить новых друзей, особенно среди иностранцев из дальних стран, где, как он отмечал, господствует «глубокое молчание, или же нежелание и неприятие нашего имени, якобы варварского». В завершение он сообщает Гольдбаху, что заканчивает книгу «*De re Rustica*», копию которой он хотел бы направить петербургской академии, чтобы «...не только у лондонцев и берлинцев, но и у Вас (т. е. в Петербурге — М.Д.) осталась для потомков память имени Бела...». В последнем из сохранившихся писем Бел через Гольдбаха предлагает петербургской академии рукописную генеалогию Австрийского дома и представляет свою «Хунгарию», которую хочет послать российской императрице.

Переписка Матая Бела и Христиана Гольдбаха является важным источником для изучения первых контактов словацкой и российской науки. Она свидетельствует о том, что отношения между Белом и Гольдбахом были близкими и дружескими. Это подтверждается очень личным и сердечным характером некоторых писем. Например, перед поездкой Гольдбаха по словацким городам Бел пишет: «Да вернет мне тебя Бог в здравии. Будь здоров и храни любовь к твоему Матаяу Белу», или «...поэтому считаю своим долгом уверить Тебя и, спустя столько времени, в своем уважении и желании охотно оказать Тебе все дружеские услуги, о которых ты меня просил...». В другом месте Бел пишет: «...будь здоров, и поскольку я, по Твоему предложению, постоянно пользуюсь Твоей дружбой, так и ты приказывай, чтобы ты хотел, чтобы я сделал для Тебя или для Твоих друзей в этом уголке света...».

Корреспонденция Бела демонстрирует нам стремление включить развивающуюся словацкую науку в более широкие рамки европейской науки. Бел стремился преодолеть насильственное прекращение контактов с зарубежной наукой, которое было обусловлено контрреформаторским давлением иезуитского ордена в конце XVII — начале XVIII вв. Он обратил свое внимание на восток, на Россию, которая, благодаря политической деятельности Петра Великого, была связана с не католической частью Европы, чтобы постепенно создавать условия для восстановления научных связей с другими странами. Переписка Бела с петербургскими академиками, которые происходили из протестантской Германии, показывает, что он проявлял в этом направлении широкую инициативу, которая является признаком приближающегося Просвещения.

Еще более это проявилось в переписке с другим петербургским академиком — Теофилом Зигфридом Байером. Первое письмо адресовано М. Белу из Кенигсберга и датировано 12.01.1726 г. Уже тот факт, что Бел включил его в свой труд “*Adparatus ad historiam Hungariae*“ под названием “*Appendix Epistolica de originibus Hungarorum*“, позволяет предположить, что его содержание связано с проблемой происхождения мадьяр, что интересовало профессора греческих и римских древностей Т.С. Байера. Опираясь на взгляды других историков, он не допускал, что венгры происходят от гуннов.

Второе письмо Матей Бел направил «многоуважаемому господину» Теофилу Байеру 24.09.1726 г. из Братиславы.

Квинтэссенцию обширного письма составляет научная проблема происхождения венгров. Бел отвечал здесь на выводы Байера о том, какие народы можно считать народами скифского происхождения, о чем говорилось в предыдущем письме. По его мнению, существовали Скифия азиатская и европейская. Каждую из них населяли свои народы, которые описывали еще античные авторы. Бел, на основании исследований и по зрелом размышлении пришел к выводу, который обосновывает происхождение венгров от гуннов, а гуннов, в свою очередь, от скифов. Тем самым Бел критически оценил взгляды Байера, высказанные в предшествующем письме. Данное письмо является образцом научной полемики. Несмотря на различия в научных взглядах оно выдержано в дружеском тоне. Бел предлагает продолжать обмен письмами и пишет, что он не относится к тем, кто объявляет войну научным взглядам других, или к тем, кто любит отрицать достаточно обоснованные вещи.

В третьем письме от 08.01.1730 г. Бел призывает Байера и далее продолжать обмен научными взглядами, которые касаются изучения скифских древностей. В частности, он писал: «... тогда я Тебе ответил и достаточно обширно изложил свои взгляды. Но так как я ничего не получил от тебя, то думаю, что мое письмо пропало, и что то большое расстояние, которое нас разделяет, лишило меня удовольствия прочтения Твоего письма...». Далее Бел просит Байера прислать свои исследования о скифах и обещает послать ему готовящуюся к изданию «Хунгарию». *Novae...*(...)

Для полноты изложения, говоря о корреспонденции М. Бела с Т. С. Байером, необходимо вспомнить имя еще одного петербургского академика — Иоганна Георга Гмелина, которое появилось в письме от 24.09.1732 г. Из письма явствует, что Гмелин проявил интерес к научному сотрудничеству и обмену взглядами с Матеем Белом и попросил Байера, чтобы тот стал посредником в этих контактах. Переписка Матея Бела с петербургскими академиками и инициатива Самуэля Миковини по сотрудничеству в области астрономии показывает нам, как зреющий дух Просвещения сближал словацких и российских ученых, побуждал их совместно решать многие научные проблемы. С одной стороны, у Бела мы находим сведения о научных планах, о деятельности ученых, стремление к взаимной информированности, интерес к обмену научными публикациями взглядами, а с другой стороны, — у Маковини — серьезную попытку к установлению прямых научных контактов с российскими учеными. Однако условия, в которых эти научные контакты между Словакией и Россией начали складываться, были весьма сложными — касалось ли это территориальной отдаленности или вопросов политического характера.

Для развития науки российская среда была гораздо нейтральнее и терпимее, чем в остальной Европе, где насильственная контрреформация, осуществляемая иезуитским орденом, вызвал раскол науки и оформление замкнутых округов, с одной стороны протестантских, а с другой — католических стран. В России лично Петр I, лишенный религиозных предрассудков,

создал научный институт на неконфессиональной основе — Петербургскую академию наук, в которую пригласил ученых из-за рубежа, прежде всего, из протестантской Германии.

Австрийская монархия существенно пострадала в результате контрреформации, а условия для развития науки, в том числе и для заграничных научных контактов, были неблагоприятными. Если они и существовали, то были ограничены по преимуществу католическими областями Европы. Наука, монополией на которую обладали, прежде всего, иезуиты, была консервативна и поддерживала связи с католическими научными центрами. Все, что проникало с другой стороны, считалось недопустимым и опасным. Матей

Бел, великий ученый и сторонник религиозной терпимости, а также Самуэль Миковини поднялись над рамками тогдашней науки и встали на совершенно нетрадиционный путь. В Словакии, в отличие от остальных земель Габсбургской монархии, это было возможно, отчасти и потому, что венское правительство до определенного предела терпимо относилось к некаатолической среде в Венгрии. Ситуация изменилась во второй половине XVIII века, когда Просвещение достигло своего расцвета. Эпоха терезианского просвещения начала решать задачу обновления более широких связей с зарубежными научными центрами. Границы для взаимной информации и обмена научными взглядами постепенно открывались.

Адам Франтишек Коллар и русская наука

Продолжателем, исходящим из исторических и филологических трудов Матея Бела, стал сотрудник придворной венской библиотеки, а затем ее директор Адам Франтишек Коллар.

В Вене Коллар находился под влиянием тамошних просветителей, прежде всего, своего покровителя Г. Ван Свитена, который в это время был директором придворной библиотеки и личным врачом Марии Терезии. Просветительский дух, охвативший А.Ф. Коллара, повлиял на всю его научную и политическую деятельность. Скорее всего, под влиянием Герхарда Ван Свитена, члена Петербургской академии наук, и интереса к восточным языкам и истории он обратил свое внимание и на Россию. В 1762 году он адресовал ученому Вехтлеру письмо, в котором проявил интерес к установлению научных кон-

тактов с российским ученым миром. Письмо разделено на 6 пунктов-вопросов. В первом пункте он просил о рекомендациях кому-либо из российских ученых в Петербурге или Москве, с которым он бы мог вести научные дискуссии.

В следующих пунктах он просил у своего русского коллеги русский словарь (русско-латинский, русско-немецкий или русско-греческий), интересовался русскими работами по истории, прежде всего, русскими летописями, спрашивал о работах историка Т.С. Байера и, прежде всего, его корреспонденцией с Матеем Белом о происхождении мадьяр, просил послать ему образцы языка монголов, татар и других народов, живущих вблизи китайских границ и, наконец, высказал желание к разысканию источников

по венгерской истории, прежде всего, в Польше.

Сохранился черновик ответа на письмо Коллара историка Г.Ф. Мюллера, который приветствовал предложение Коллара консультироваться по вопросам, касающимся российской истории, составной частью которой он считал также историю гуннов, аваров и венгров. На вопросы о русских словарях он отвечал, что существуют два словаря русского языка: Поликарпова и русско-французский словарь. О летописи Нестора он упомянул в том смысле, что она еще не была издана. По просьбе Коллара он разыскал в архиве наследие Байера, где нашел шесть писем его взаимной корреспонденции с М. Белом. Что касается лингвистических работ, то он отослал Коллара к работам Байера в «*Commentarii Academiae Petropolitanae*».

Ученый Й. Вавра указывает, что не сохранилось ничего, кроме этих двух писем, и предполагает, что переписка не получила продолжения. Окончательный ответ может дать только подробное исследование наследия Коллара, поэтому пока подобные выводы являются преждевременными. Точку зрения Йозефа Вавры можно подкрепить тем фактом, что после вступления на престол Екатерины II отношения между Россией и Австрией ухудшились. Успехи русских войск в семилетней войне произвели впечатление на Францию и союзную ей Австрию, которые с опаской наблюдали за усилением России и стремились создать альянс против нее. Российская заграничная политика наоборот стремилась противопоставить францужско-австрийскому союзу коалицию северных госу-

дарств — России, Пруссии и Англии. В результате этой международной ситуации возможности научных контактов между двумя странами были ослаблены. С другой стороны, о вероятности контактов Коллара с российским ученым миром свидетельствует его литературная организаторская деятельность.

В 1767 году А.Ф. Коллар написал латинскую поэму в честь российской государыни Екатерины II «Обращение к реке Волге». Латинский текст не сохранился, но нам известен его русский перевод, который опубликовал Н. И. Новиков в своем сатирическом журнале «Живописец».

Важным фактом, который одновременно является свидетельством ориентации Коллара на Россию, является его попытка организовать научную жизнь в Словакии. Он был одним из авторов труда «*Alleruntert hänigst — unvorgreiflicher Vorschlag zu Erichtung einer Academie oder Gelehrter Gesellschaft zu Pressburg in Hungarn*», проекта по основанию ученого общества или академии в Братиславе. Этот проект в 1771 году он анонимно представил Марии Терезии. Ученое общество должно было называться «*Academia Augusta*» и строиться по образцу европейских ученых обществ, прежде всего, Петербургская академия наук, которая по своей структуре наиболее соответствовала венгерским отношениям и потребностям. «*Academia Augusta*» должна была иметь четыре секции: философскую, которая занималась бы естественными науками, математикой и физикой, горным делом и т. п.; историческую, к которой кроме истории относилась бы и пра-

вовая наука; экономическую, в центре внимания которой были бы проблемы сельского хозяйства и виноделия. Члены четвертой секции должны были заниматься вопросами школы, образования и культуры в Венгрии, а также научными переводами и созданием словарей. Если посмотреть на структуру Петербургской академии, то мы увидим, что главный упор также делается на естественные науки. Мы находим здесь также секцию математическую с арифметикой, алгеброй, геометрией, астрономией, географией и механикой, затем секцию экспериментальной и теоретической физики, химии и ботаники и, наконец, секцию историческую, содержанием которой были древняя и новейшая история, а также правоведение. Члены братиславской академии подобно тому, как это было в петербургском научном обществе, должны были быть разделены на несколько групп: членов почетных, действительных, членов-корреспондентов и кандидатов. Общим признаком обоих ученых обществ была их подчиненность центральной власти. Если в России академия была подчинена прямо императору, который был ее протектором, то в братиславском проекте таким протектором должно было быть некое высокопоставленное лицо, которое обеспечивало бы связь между обществом и государем.

Проект основания академии в тех условиях был весьма сложным и дорогим и, вероятно, поэтому в результате позиции венских официальных кругов не был реализован.

Следующим примером интереса Коллара к русской истории является его труд об угорских народах в России,

который он в духе просвещенного абсолютизма и при поддержке Марии Терезии написал в 1772 году. В этой работе Коллар обосновывает правомерность претензий венгерского государя на территорию Малороссии и Подолии.

Видимо, самым важным свидетельством духа и ориентации Коллара является его библиотека, каталог которой вышел в 1783 году. На 290 страницах списка среди 1310 названий книг мы находим произведения научные, прежде всего, исторические, всех славянских народов — чешские, хорватские, польские. Но больше всего в ней русских книг. Среди них политические труды, описания путешествий, лингвистические работы, исторические труды Татищева, Ломоносова, Крамшенникова, Писарева, Новикова, Сумарокова, затем научные труды иностранных членов Петербургской академии наук. Среди российских историков больше всего Коллар ценил Л.А. Шлецера.

Это имя он оценивал именно в те времена, когда мадьярское дворянство все более подчеркивало свои права на словацкие территории. Коллар доказывал, что дворянство имеет лишь право пользования, тогда как реальным непосредственным правом собственности обладает только король. Эти взгляды, равно как и представления о автохтонности в центральной Европе, он сформулировал в книге «*Historiae iurisque publici Regni Hungariae amoenitates*» — «Занимательности истории и публичного права венгерского королевства». В этой книге он высоко оценил Л. А. Шлецера, просвещенного человека и специалиста по всеобщей истории, нордистике и проблематике происхож-

дения славян. «Это человек прогрессивных взглядов и специалист по славянской истории, который легко распознал современные русские идиомы, многое из их истории, а также русскую летопись Нестора. И хотя у него немного благожелателей, и ни один историк права не хочет его признавать, но он первым среди всех напомнил, что славянский народ пришел в римские провинции в VI веке».

Интерес к России был присущ Коллару в течение всей его жизни. Он попытался завязать контакты с русскими учеными, чтобы познать русскую историю, русский язык, русские исторические труды. Также как и М. Бела, его интересовал вопрос происхождения

мадьяр, который должен был ему помочь в объяснении вопроса о происхождении и приходе славян и акцентировке права славян на свою территорию в центральной Европе.

Если Матей Бел стоял у истоков словацко-русских научных связей, то Адам Франтишек Коллар поднял эти научные контакты до сотрудничества в области славистики. Это произошло в эпоху зарождения национального движения, когда, прежде всего, те славянские народы, которые не имели собственной национальной государственности, начали опираться на идею родственности славянских народов, как великого этнического образования.

Из научных связей

Словацким ученым XVIII века были хорошо известны труды таких замечательных ученых, как Ломоносов, Татищев, Паллас, Гмелин, Прокопович, Баранович и других. Словацкий историк Юрай Прай в своей работе по ранней истории Венгерского королевства, выпущенной в 1774 году, широко использует, местами дословно приводит высказывания великого русского ученого М. В. Ломоносова. В своей поэме, посвященной присоединению Крыма к России, делает на каждой странице многочисленные сноски на исторические работы Ломоносова и Щербатова и фактически излагает историю Российского государства с древнейших времен. Одна из работ Юрая Прая находится в Отделе редкой книги Украинского гос. архива. Владельцем ее, как записано в книге, с 1768 года был Йозеф Глинский.

В 1786 году в Словакии, в городе Склене Теплице было основано «Общество для развития горного дела», в работе которого участвовали представители 14 государств и областей (Австрийская монархия, Англия, Швеция, Мексико, Франция, Россия и другие). От каждой страны на учредительной конференции был избран так называемый директор, который должен был заниматься решением задач своей страны в соответствии с общей программой. Из России принимал участие в работе общества знаменитый ученый С.П. Паллас. От Словакии членами общества стали профессора горной Академии в Банской Штьявнице А. Руппхер и К. Гандингер, горный советник И. Селецкий. Цели общества были передовыми и гуманистическими — посредством развития горного дела приносить пользу всем участвующим.

щим странам и человечеству вообще (...)

Особое место в развитии российско-словацких научных и культурных связей принадлежало распространению русских книг в Словакии. В XVIII веке значительный размах приобрела доставка книг со славянского Востока в Словакию через территорию Закарпатья. Русские книги привозили с собой на родину и словацкие студенты, завершившие

курс обучения в Киеве, Львове, Москве, Петербурге. В этот период в Словакии, прежде всего в интеллектуальных кругах были известны произведения Ломоносова, Державина, Смотрицкого, Прокоповича, Козачинского и других. Широко известной была и российская периодика XVIII века, «Санкт-петербургские ученые ведомости», «Труды Вольного экономического общества», «Экономический магазин» и другие.

Роль учебных заведений в развитии российско-словацких культурных связей в XVIII веке

Одной из важных страниц истории российско-словацких связей в XVIII веке являются культурно-просветительные контакты в области образования. В этот период значительное место в их развитии принадлежит Киево-Могилянской академии, влияние которой распространялось далеко за пределы России и Украины. Она полноценно включалась в процесс общеевропейского культурного развития. Ученые Академии живо интересовались достижениями европейской науки, педагогики, литературы. Фонды библиотеки постоянно пополнялись зарубежными изданиями.

Киево-Могилянская академия вступила в начале XVIII века в период своего расцвета. Число студентов в ней в 1700 году достигло 2 тысяч. Впоследствии оно колебалось в пределах 600–1100 человек.

Учебный курс Киево-Могилянской академии, являвшейся одновременно начальным, средним и высшим учебным заведением, состоял из 8 классов с 12-летним сроком обучения. В них последовательно изучались грамматика, пиитика, риторика, философия и бо-

гословие. В середине XVIII века в Киевской академии были введены новые учебные предметы — немецкий, французский и русский языки — и выделен специальный математический класс. До конца XVIII в. Киево-Могилянская академия являлась учебным заведением гуманитарного направления, в ней обучались студенты всех сословий (до середины XVIII в. преобладали учащиеся светского звания).

«За наукой и мудростью» в Киево-Могилянскую академию, кроме молодежи Украины, России и Белоруссии направлялись юноши из других стран, в частности из Словакии. Этому способствовали уровень и характер обучения, распространения трудов киевских ученых за рубежом, их активная просветительская деятельность.

Ряд вопросов, связанных с учебой в Академии выходцев из балканских стран, уже нашли свое освещение в исторической литературе. Сохранилось несколько документов, свидетельствующих об учебе в Киево-Могилянской академии выходцев из Словакии (...)

В XVIII веке все больше студентов из России училось в учебных заведениях по всей Европе. Прочное образование становилось необходимой предпосылкой служебной карьеры. Частые переходы студентов из школы в школу — типичное явление того времени. После окончания учебы на родине они продолжали учиться в учебном заведении за рубежом. Этому также способствовало издание именного Указа Елизаветы Петровны от 4 июля 1745 года, позволяющего всем молодым людям из Малороссии, желающим обучаться в чужих краях «от ея императорского величества на то повелению, для каждого, пашпорты же давать».

Поездкам воспитанников Киево-Могилянской академии в «австрийские владения» способствовала основанная в 1747 году в городе Токае Русская комиссия по разведению винограда и заготовке вин для царского двора. Руководители Токайской комиссии приглашали студентов академии на разные должности и содействовали их обучению прежде всего в городах Будапешт и Брагислава.

Учеба и деятельность воспитанников Киево-Могилянской академии в Брагиславе является одним из интересных моментов словацко-русских культурных взаимоотношений(...)

Брагислава была в XVIII столетии не только политическим центром и столицей Венгерского королевства, но и городом с богатыми традициями, значительными общественно-культурными контактами. К концу столетия она стала крупным студенческим городом. В протестантском Лицее, католической гимназии и в Королевской юридической академии обуча-

лось свыше 1000 студентов. Лекции в Брагиславском лицее каждый год посещало около 400 студентов. Здесь преподавали и изучались выдающиеся представители словацкой национальной жизни и науки. В первой половине XVIII века ректором лицея был знаменитый венгерский историк, словак Матвей Бэл. Он значительным образом повлиял на его характер и дальнейшее развитие. Идея органического единства словаков и других славянских народов, общности словацкой народности с славянским народом (*natio Slavica*) — неотъемлемая черта идеологии словацкого народа, создателями которой в XVIII веке были представители словацкой интеллигенции. Обращение к идее единого славянского народа характерно и для других славянских народов. Теоретическая концепция Матвея Бэла о великом славянском народе нашла свое воплощение в практике. В списке учеников Брагиславского лицея мы находим фамилии словаков, сербов, поляков, чехов, украинцев, русских, македонцев, представителей других народов.

История Брагиславского лицея, его роль в процессе формирования национального самосознания словаков и значение для укрепления межславянских общественно-культурных контактов мало изучена и с точки зрения современного развития исторической науки недостаточно разработана. Называя работы венгерского буржуазного историка С. Маркушовского, написанные в конце XIX столетия, и югославского историка Ристо Ковиянич, посвященные учебе сербов в Брагиславском лицее в XVIII–XIX веках, необходимо отметить, что научная работа, которая

бы полностью раскрыла историю Братиславского лицея, его место и роль в словацкой политической и культурной жизни, значение в общественно-культурных отношениях словаков с другими славянскими народами, еще не написана.

Архивные материалы Братиславского лицея XVIII века почти не сохранились и не донесли до нашего времени многих фактов. В списках учеников Лицея, полностью сохранившихся за 1747–1835 годы, мы находим кроме трех студентов из России и фамилии других.

Сведения о них даем в хронологическом порядке.

В статье В. Серебренникова об истории Киево-Могилянской академии во второй половине XVIII века дан список преподавателей Академии, содержащий фамилию Константина Крыжановского. В. Серебренников приводит факт, что в 1753 году Крыжановский был назначен преподавателем Академии. Данные об учебе Крыжановского за границей находим в списке студентов, обучающихся в Братиславе в 1747 году. В Лицее он обучался до мая 1750 года, с августа 1751 года он перешел в Академию Фридрикиана (Пруссия). Вместе с Крыжановским в Лицее обучался и 19-летний Антон Деметрович из Москвы, прибывший в Братиславу в 1749 году(...)

Наиболее полны наши сведения об Иване Фальковском, прожившем в Венгрии 8 лет. Он оставил чрезвычайно интересные и детальные записки об обстоятельствах своей жизни за границей.

В них мы находим также известия о пребывании в Венгрии Андрея Ста-

вицкого и Аарона Пекалицкого, получающих образование также в Братиславском лицее.

В 1775 году молодой Иван Фальковский был вынужден прервать учебу в Киево-Могилянской академии потому, что его отец Юстин был назначен иеромонахом православной церкви при русской Токайской комиссии в Венгрии.

28 февраля 1775 года Фальковский прибыл с отцом в Токай(...) После неудачной попытки устроить сына в Венский университет, отец направляет его в Братиславский лицей, где конфессиональное направление не было определяющим, а вместе с латинским на высоком уровне изучались современные иностранные языки.

В Братиславу Иван Фальковский прибыл вместе со Стефаном Осватом из Токая, с которым учился в одном классе. В начале обучения Фальковский заявил, что он родом из Киева, ему 16 лет, сын церковного служителя. Он стал студентом третьего класса (синтаксима), и у него единственного среди студентов в личных материалах было отмечено, что был лучшим среди учеников (...) В период своего проживания в Братиславе Иван Фальковский вел книгу расходов, по которой можно узнать о его материальном положении и образе жизни. В здешних книжных лавках он купил много книг, среди них работы словацких ученых — Яна Томка Саского и Матея Бэла, которые он впоследствии забрал с собой в Киев. В рукописной работе историко-географического характера о Венгерском королевстве Фальковский соглашается с научными взглядами Матея Бэла и признает себя его учеником.

После пожара в Киевской академической библиотеке в 1780 году многие преподаватели жертвовали свои книги в эту библиотеку. Среди них и Иван Фальковский. 816 книг было куплено у Константина Крыжановского, учившегося в 1750 году в Братиславе. В списке купленных книг у Крыжановского находятся книги венгерских ученых, а также книги чешского ученого — педагога Яна Амоса Коменского.

В каталоге книг Киевской академии конца ХУШ века мы находим более 20 книг, изданных в типографиях Трнавы, Братиславы, Кошице, Будина, Дебрецена, вероятно, попавшие в академическую библиотеку из личных библиотек преподавателей Академии, которые когда-то учились в Венгрии.

В 1778 году умер отец Ивана Фальковского. После года обучения в Братиславском лицее он переехал в Пешт, где продолжал учебу в гимназии ордена пиаристов. Причина этого переезда состояла в сравнительной дешевизне платы за квартиру и питание в Пеште, имеющая при слабом материальном обеспечении студентов за границей значительную роль в их жизни и учебе. Плата за квартиру в Братиславе, столичном городе Венгерского королевства, достигала 80 гулденов, тогда как в Пеште — пятьдесят.

В одном из своих писем Фальковский констатирует: «В Братиславу я ради совершенного изучения немец-

кого языка и других учений охотнее бы поехал»(...)

Обучаясь в Братиславском лицее, студенты из России не пользовались привилегиями, а жили так же, как и сотни других студентов. Свидетельством их тяжелого материального положения являются записки и письма Ивана Фальковского и Андрея Ставицкого. Только дети богатых родителей получали материальную поддержку из родных мест.

Студенты из России, окончив Лицей в Братиславе, или продолжали учебу в учебных заведениях Западной Европы, или возвращались на Родину, чтобы передать приобретенные знания своей стране. После возвращения в основном работали преподавателями Киево-Могилянской академии или других школ в России.

С 1707 года в Трнавском университете были для студентов из России открыты три с выплатой стипендий. В университетской типографии издавались книги, напечатанные кириллическим (русским) шрифтом. Так, в 1698 г. мукачевский епископ Йосиф де Камелис издал в Трнавe «Казуистику». В 1725 г. там же была напечатана новая казуистика под названием «Краткое припадков моральных или нравных собрание» Г. Бизанция. В 1725 году кириллическая типография из Трнавы перенесена в сербский город Клуж.

Словацкие медики в России

Сфера отношений в области медицины представляет собой достаточно хорошо изученный материал. Всамой Словакии XVIII века медицина не была достаточно развита. Прежде всего отсутствовали специальные учебные

заведения — школы и медицинский факультет. По этой причине словацкие студенты посещали западноевропейские университеты вплоть до появления в Трнавe медицинского факультета в шестидесятые годы XVIII в. Среди на-

иболее популярных у студентов учебных заведений можно выделить главные немецкие университеты — в Халле, Йене, Гёттингене, а также голландские университеты. Именно в университетах и завязывались контакты между словацкими и российскими медиками.

Уже в 1717 году завершил свое обучение в голландском Лейдене Ян Милетер, уроженец Спишской Новой Вси, талантливый выпускник, выбранный руководством университета по просьбе русского царя Петра II для оказания помощи в систематизации и описании российской археологической и естественнонаучной коллекции. После выполнения задания Милетер вернулся в Словакию, где работал в качестве комитатного доктора Спишской области.

Предложение работать в российских медицинских учреждениях получил ещё в период своего обучения в университете в голландском Гардервийке и Павел Дьёндьёши. Как сын кальвинистского проповедника, он часто подвергался преследованиям иезуитов. Жизненный путь Павла Дьёндьёши, уроженца г. Кошице, человека беспокойной, божественной натуры, был пёстрым. Он обошёл всю Европу и получил незаурядное образование. После обучения в Голландии он не вернулся в Словакию, а по совету доктора Боргаавого принял приглашение приехать в Россию на хорошо оплачиваемое место лекаря в Петербурге. Согласно подписанному договору, он должен был получать 600 р. в год, и сверх того, ему полагалось 100 рублей на дорожные расходы, что было довольно большой суммой. Несколько лет он преподавал в медицинской школе в Петербурге и, в конце концов, в 1766 г. стал лейб-ме-

диком императрицы Екатерины II. Однако через несколько лет по причине болезни он отказался от всех должностей и вел уединённый образ жизни.

Ещё более выдающейся была карьера Христиана Пекена на российской медицинской службе. Он учился в Виттенберге, Халле и Йене. Когда по возвращению на родину ему не удалось устроиться по специальности, он принял приглашение приехать в Россию, в котором ему посодействовал его дядя, служивший в царской полиции. На запрос разрешения на поездку в Россию, с которым он обратился к Марии Терезии, он получил в 1753 году следующий ответ: «...Христиану Пекену, верноподданному Её Величества, сообщаем, чтобы он направился в Россию, в Петербург лишь по предоставлению своих математических студий и по их оценке разрешаем ему пребывание в России на период трёх лет .....»

Он начал карьеру с должности военного врача в Петербурге, а затем в Москве. После возвращения в Петербург он стал главным врачом в госпитале. Кроме работы в госпитале он читал лекции вместе с другим медиком из Словакии Павлом Гьёнгьёси, а также ещё и в школе для военных хирургов. После учреждения государственной медицинской коллегии Христиан Пекен получил там место секретаря. Для Пекена это было важным событием и означало проявление доверия, которое он заслужил бескорыстной работой и обширной публикационной деятельностью. Коллегия, подобно тому, как медицинская комиссия в Венгрии, должна была контролировать степень квалификации работающих врачей и давать рекомендации и оценки по ме-

дицинским вопросом. Каждый медик, который принял решение работать по специальности на территории Российского государства, должен был выдерживать специальный экзамен в Коллегии. Работая в приемной комиссии Коллегии, Христиан Пекен таким образом проверил квалификацию десятков врачей, которые решили практиковать в России, среди них, например, выпускника венского университета Иосифа Веча и доктора Станислава Элли из чешского Колина, назначенного в дальнейшем директором экономической канцелярии Государственной медицинской коллегии в Петербурге. В 1770 году, когда в России вспыхнула эпидемия чумы, Пекен помогал организовать меры по предотвращению распространения заразы. За большой вклад в развитие медицины в России Екатерина II в 1779 году назначила его лейб-медиком. Христиан Пекен был также одним из учредителей Вольного экономического общества, которое ориентировалось на издательскую деятельность. Кроме того, Общество отстаивало идеи отмены крепостного права в стране.

Среди первых трудов Общества вышла и публикация Пекена «О строении жилых покоев для простого народа», в которой он охарактеризовал влияние окружающей среды на человека и состояние его здоровья.

Отношение к гигиене в сельской России в тот период было, как и в остальной Европе, на очень низком уровне. Пекен обращал внимание, прежде всего, на небольшое жизненное пространство, на отсутствие проветривания помещений, открытые очаги и другие недостатки сельского жилища.

Пекен интересовался не только организацией сельской жизни в России, но и культурной жизнью, прежде всего как советник Академии изобразительных искусств.

Несмотря на большую нагрузку, он нашёл время и для издательской деятельности. Под его руководством был составлен и опубликован первый русский лечебник *Pharmacopea Rossica*, который стал ценным и популярным помощником в русской медицинской практике. Лечебник рассылался всем больницам, аптекам и практикующим лекарям.

Христиан Пекен писал и популярно-просветительские книги для простого народа по медицине о способах лечения разных заболеваний. На протяжении нескольких лет вышли четыре издания его Домашнего лечебника, в количестве от 2 до 7 тысяч экземпляров, что по тем временам считалось огромным тиражом. В этой объемной книге, которая была издана на русском языке, Пекен последовательно упомянул обо всех факторах, влияющих на здоровье. В отдельных главах книги он охарактеризовал способы лечения различных наиболее распространённых заболеваний наиболее доступными средствами. Отдельную часть книги составляла Домашняя аптечка, в которой он перечислил множество наиболее известных лекарств, как в виде порошков, так и солей, эликсиров, эссенций и масел самого разного состава. Там же он описал и рецепты по их приготовлению и рекомендации по их применению.

В 1799 году, спустя двадцать лет после смерти Христиана Пекена, вышел ещё один его труд для народа, «Дере-

венское зеркало», в котором описывалось устройство и оборудование сельской больницы.

Домашний лечебник стал для широких слоев населения подспорьем на все случаи жизни. В книге содержались советы и основная информация о том, как в домашних условиях лечить наиболее распространённые заболевания зверей, о лекарствах и способах их приготовления и т. д. Книги Пекена, принятые в России с восхищением и восторгом, преследовали именно эту цель.

Христиан Пекен умер в 1779 году в Петербурге от поражения мозга.

Успешную научную карьеру Христиана Пекена продолжил его сын Матвей.

Матвей Пекен родился в 1756 году в Петербурге. После окончания обучения в Гёттингене он возвратился в Россию, где за время своей работы на медицинских факультетах Москвы и Петербурга составил и перевел несколько учебников по медицине (Физиология, наука о естестве человеческого; О сохранении здоровья и жизни). Вплоть до своей смерти в 1819 году он считался одним из наиболее известных практикующих врачей и преподавателей медицины в России.

Христиан и Матвей Пекены внесли свой вклад в развитие медицины в России. В известной мере они способствовали развитию как научной, так и практической популяризаторской деятельности в области российской и мировой медицины.

В России работал и брат Христиана Пекена, Карл. Начало жизненного пути Карла Пекена нам неизвестно. Известны также мотивы, по которым он

решился в 1751 году уехать в Россию и поступить на военную службу в российской армии. Однако остаётся фактом, что уже за несколько лет до этого в России в царской полиции работал дядя Карла Матвей Фукер, который мог ему посоветовать поступить на службу в российской армии и оказать протекцию в этом.

Карл Пекен начал свою военную карьеру с низшей ступени. Заслуживает внимания факт, что вскоре после приезда в Россию он выучил русский язык и постепенно дослужился до звания генерала. За свою пятидесятилетнюю карьеру в России он принял участие во многих военных походах и войнах на всём европейском континенте.

Как офицер венгерского, а потом молдавского гусарского полка он принимал участие в семилетней войне, в войнах за Крым и с султанской Турцией. В 1774 году он участвовал в военном подавлении последней крестьянской войны в России под руководством донского казака Емельяна Пугачёва.

Вплоть до прошения об отставке и ухода на пенсию в 1798 г. Карл Пекен был комендантом Азовской крепости, которая в том числе благодаря его военному таланту была навсегда присоединена к России после победы России над Турцией и подписания Кючук-Кайнарджийского мирного договора (1774). Шестнадцатилетнее командование Карла Пекена Азовской крепостью связано с последним периодом её стратегического, военного и торгового значения на черноморском побережье. После завоевания Крыма и основания портового города Одесса крепость утратила значение передового торгового центра на юге Российской империи.

В отличие от военной карьеры Карла Пекена, его младший брат-погодок Христиан (1730–1779) избрал в России путь лекаря и заслужил славу выдающегося представителя русской медицины того времени (...)

Словацко-русские связи в области медицины имеют особенный характер, проистекающий из характера медицинской науки. Эта наука своей практической ориентацией, главным образом, в XVIII столетии, когда было много войн, и появлялись неизвестные болезни, давала возможность врачам реагировать на эту ситуацию и решать

её. Если в силу разных причин они не могли реализовать себя на родине, то уезжали за границу. На примере трех докторов из Словакии мы видели, что своим полем деятельности они избрали Россию, несмотря на то, что перед этим все получили образование в немецких или голландских университетах (...)

Мы видим, насколько разнообразны были области, в которых развивалось словацко-русское научное сотрудничество. Однако эти контакты были более или менее случайными и не имели систематического характера.

(Статья печатается с сокращениями. А.М.)

РОССИЙСКАЯ ПРЕССА О НОВОМ ГОСУДАРСТВЕ В ЦЕНТРЕ ЕВРОПЫ

(исторический экскурс)

1 января 2018 года отмечалась 25-я годовщина образования Словацкой Республики, авторитетного государства в самом центре Европы, политический курс которого привлекает внимание дальних и ближних соседей. Эта дата является основанием не только для подведения итогов пройденного самостоятельным словацким государством пути, но еще и поводом вернуться к истокам его появления, а также тем оценкам, которыми четверть века назад сопровождалось его рождение на карте Европы.

Несомненный интерес в этом плане представляют оценки в российских СМИ накануне и в момент становления новой словацкой государственности, которые репрезентуются на материалах контент-анализа трех известных российских периодических изданий. Прежде чем рассмотреть их конкретное содержание, следует заметить, что распад СССР в 1991 г. привел, помимо всего прочего, к тому, что страны Центральной Европы в информационном поле были как бы «списаны в архив». Весьма значимый ранее для СССР регион стал полуавтоматически квалифицироваться как зона влияния трансъевропейских структур.

Особенно «не повезло» в этом плане Словакии как части федеративной республики — ЧСФР, ориентировав-

шейся на большую независимость, и как уже самостоятельного государства. Сложностей с провозглашением независимости страны было не меньше, но они не попадали в поле зрения ни аналитиков, ни ведущих СМИ. Все же о некоторых исключениях из этого «слепого пятна» следует вспомнить.

Итак, 1 октября 1992 г. вступила в действие Конституция Словацкой Республики, де-факто закрепившая ее самостоятельный статус, а 10–11 октября в Колодеях состоялась встреча ее правительственной делегации с делегацией Чешской Республики, обсуждавшего меры по предотвращению стихийного распада ЧССР?¹ До провозглашения независимости оставался один шаг. Цепь событий, приведшая к появлению нового государства в центре Европы, так или иначе, освещалась: излагались результаты политического анализа и делались какие-никакие прогнозы, а ходу этого процесса и его основным итогам давались оценки.

¹ Одна из проблем рецепции указанных событий — форсированные перемены даже названий государства, включая потерю букв в аббревиатуре наименования государства. Эта смена с трудом улавливалась неспециалистами; журналисты часто, а иногда нарочито, не замечали этих квазиинюансов. Подробнее см.: *Власть — общество — реформы. Центральная и Юго-Восточная Европа. Вторая половина XX века*. М., 2006. С. 2. С. 305–346.

В настоящей статье анализируются материалы трех авторитетных российских печатных изданий: появившейся в конце 1990 г. «Российской газеты» — органе Верховного Совета; «Независимой газеты», учрежденной тоже в конце 1990 г., считающейся лидером неангажированной журналистики, ориентированной на аналитическую ее составляющую; газеты деловых кругов «Коммерсантъ» (в ее названии стоит твердый знак: газета часто ссылается на себя, используя при этом символ «Ъ», который призван продемонстрировать ее преемственность с деловыми изданиями до революции 1917 г.). Она была учреждена в конце 1989 г. и пользовалась признанием бизнесменов.

Временной интервал контент-анализа — 8 месяцев: с июля 1992 г. — времени принятия словацким парламентом «Декларации о суверенитете СР» по март 1993 г., когда в российской печати появились первые отклики на образование нового государства. Попытки заполнить лакуны в освещении происходивших в центре Европы событий с элементами прогноза были предприняты в 1993 г. в ведущем академическом научном журнале «Вестник Российской Академии наук»¹. Других значимых научных публикаций на данную тему в отечественной историографии в тот период — за редчайшими исключениями² — обнаружить не удалось.

Что же говорилось о судьбе нарождавшегося государства — Словацкой

Республики? Как оценивалась перспектива сотрудничества РФ и СР?

Ответ на эти вопросы можно почерпнуть из выявленных нами 85 материалов, появившихся в этих ключевых изданиях российской печати. Из них 22 напрямую посвящались стране, 44 рассматривали ее проблематику в рамках федерации, а затем содружества двух государств и 19 — в широких общеευропейских контекстах.

Весьма репрезентативным материалом по Словакии можно считать пересказ объемного интервью французской газете министра иностранных дел Словакии экс-диссидента М. Княжко. Он советовал в деле уже проходившего распада страны «не бежать впереди паровоза», а в комментариях газета призывала «к более справедливому разделению полномочий». Это-де может предотвратить распад Чехо-Словакии и ее сохранение в форме конфедерации. «Словаки — не сепаратисты, — заявлял Княжко, — вопреки утверждениям некоторых чешских политиков».

Княжко ратовал и за развитие экономических отношений с Францией, чтобы уравновесить «вездесущий Берлин», уже ставший столицей объединенной — а не распадавшейся, как социалистические федерации — Германии. «Чехи и словаки без посторонней помощи смогут навести порядок у себя в стране», — заверял министр как раз в то время, когда проходило (с 23 июня) формирование словацкого, а затем и чешского правительств [«Российская газета». 1992. 2 июля].

Остается добавить, что рассматриваемая публикация, да и российская пресса в целом так или иначе держала в поле зрения одну политико-психоло-

¹ Вестник Российской академии наук. М., 1993. Т. 63. № 12. С. 1103–1109; см. также: *Herald of the Russian Academy of Sciences*. М., 1993. Vol. 63. № 12. P. 1103–1109.

² Вопросы истории. М., 1993. № 7.

гическую установку, которую можно представить так: «Не мы...». Ею обозначалось нежелание допускать распад страны, но допускались обвинения в нем своих партнеров по переговорам. Об этом с большей правомочностью говорили А. Дубчек, В. Гавел и М. Чалфа, но это же твердили допускавшие и даже побуждавшие данный распад В. Клаус и В. Мечъяр; так могли говорить парламентарии и Чехии, и Словакии, а также носители общественного мнения и деятели культуры. И все это происходило по трудно объяснимому, но все же неудержимому алгоритму распада. Замечу, что в устах лишь весьма немногих политиков пресловутое «Не мы...» разительно менялось на «Именно мы!».

Материалам о Чехо-Словакии «Российская газета» обычно давала заголовки с негативными коннотациями, весьма мягко не одобряя возможного распада страны. В сообщениях «Развод Чехии и Словакии вряд ли будет тихим» особо подчеркивались моменты конфронтации между Гражданско-демократической партией (ГДП) и Движением за демократическую Словакию (ДЗДС). «Последнее прости социализму» — о первых шагах ваучерной приватизации, менее успешной в Словакии по сравнению с Чехией. В статье же «ЧСФР приказала долго жить. До 1 января» о встрече в Йиглаве соответствующая тональность звучала все громче [Там же. 1992, 26 августа, 8 сентября, 7 октября]. В заключительный день 1992 года «Российская газета» вышла со статьей «Бокал за “бархатный развод”», в которой прослеживался вектор массовых настроений в отношениях между политическими элитами

(почти в полной мере выступавшими за распад) и обществами (в основном выступавшими против него): от нервозности до взаимной враждебности, но без кровавых столкновений, как это наблюдалось в других социалистических федерациях. Сообщалось, что в новых государствах появятся и новые армии (в Чехии численностью 43 тыс. профессиональных военных и 50 тыс. солдат срочной службы). Прогнозировалось сокращение торговых связей с Россией и падение производства, особенно в Словакии; нарушение культурных взаимодействий; возникновение этноконфликтов уже на новой основе. «Что же касается внешней политики обеих государств, то уже явственно просматриваются прозападные ориентации Чехии и умеренные симпатии Словакии к России», — заключала газета [Там же. 1992. 31 декабря]. Это, пожалуй, наиболее яркая публикация из всего массива российских СМИ, но тон ее относительно умеренный, а советов не дается никаких. И то удивительно, что на это судьбоносное событие — появление двух новых государств в центре Европы — получило хоть какое-то освещение.

Примечательно, что «Российская газета» уже в наступившем 1993 г. не откликнулась — как и абсолютное большинство печатных изданий РФ — на факт появления нового государства на политической карте Европы. Лишь в последний день февраля обсуждались шансы относительно того, что «Словакия по-прежнему остается без президента» — несмотря на тот факт, что М. Ковач к тому моменту уже был избран парламентским большинством главой государства [Там же. 1993.

28 февраля]. К счастью, это один из весьма и весьма немногих информационных сбоев, который выглядит, скорее, как оговорка по Фрейду: известно, что как раз в это время Верховный Совет РФ наращивал оппозицию президенту, распространяя недоверие к этому посту и на граждан других стран.

«Независимая газета», если сравнивать ее с остальными периодическими изданиями, стремилась дать более полную картину распада Чехо-Словакии. Так, ее корреспондент в Праге А. Куранов отслеживал проблематику Словакии, в публикации «Словаки отвергают Гавела. А чехи предлагают ему “руку и сердце”», в которой характеризуются итоги первого тура президентских выборов в ЧСФР (тогда выяснилось, что ДЗДС поддерживать кандидатуру Гавела на этот пост не будет). Он, в частности, писал: «Доминирующие на чешской политической сцене правые, во главе с новым республиканским премьером В. Клаусом уже предложили Гавелу “руку и сердце”, заявив о своем стремлении ввести в будущей суверенной Чехии пост президента и предложить на него Гавела... С таким руководящим дуэтом Чехия наверняка лучше устояла бы на ногах после предполагаемого развода со Словакией. Впрочем, еще сохраняются шансы на создание по предложению новых словацких властей конфедеративного государства с двумя республиканскими президентами, каждый из которых поочередно вел бы общие дела. Что думает об этом Гавел — неизвестно. Но он уже не исключил возможность баллотироваться на высший пост в независимой Чехии» [«Независимая газета». 1992. 8 июля]. Остается добавить, что поддер-

живаемая им идея референдума так и не реализовалась из-за позиции словацкой стороны, а ненадежность референдумов в такого рода процессах уже была продемонстрирована в СССР: сегодня его участники голосуют за позицию «да», а завтра соглашаются с позицией «против».

В другой статье газеты дается комментарий на результаты голосования в словацком парламенте по «Декларации о суверенитете Словацкой Республики». «Осуществилась многовековая мечта словацкого народа о собственной государственности», — этими словами подвел итог поименного голосования депутатов словацкого парламента его председатель Иван Гашпарович. В повестке дня заседания парламента был лишь один вопрос: провозглашение суверенитета Словакии. «За» проголосовали свыше 90% депутатов. «Против» высказались лишь немногочисленные представители правых партий, еще полтора месяца назад занимавшие высшие посты в республике. Примечательно, что хотя статья названа «Реакция Гавела на отделение Словакии», о самом Гавеле в ней не упоминается. Тоже оговорка по тому же Фрейду... [Там же. 1992. 18 июля].

За провозглашением Декларации последовало принятие новой конституции Словакии, о чем была информация, в которой указывалось: «Депутаты Словацкого национального совета (Парламента) после двух дней дискуссии во вторник вечером 144 голосами “за” при 16 голосовавших “против” и 4 воздержавшихся приняли проект словацкой конституции, предложенной правительством Владимира Мечьяра. Конституция устанавливает пост пре-

зидента республики, национальный гимн, герб и словацкий флаг» [Там же. 1992. 3 сентября]. В качестве комментария остается добавить следующее: чешские парламент и правительство негромко, но настойчиво и плодотворно работали в режиме почти полной самостоятельности, отдав инициативу заявлений своим уже контрапартнерам в Словакии.

Рубрику материалов и по Чехии, и по Словакии открывает статья о неизбежности их «развода», даже несмотря на тот факт, что только по официальной статистике в ЧСФР более 20 тыс. этнически смешанных семей, включая и семью чешского премьера В. Клауса. Отмечено, что этот процесс развода осуществляется уже не на теоретическом, а на вполне реальном уровне. Словацкий парламент принял Декларацию о суверенитете, а сразу за этим объявил о своем уходе 20 июля с поста президента ЧСФР В. Гавел. «Наверное, — констатирует газета, — нынешние словацкие лидеры все-таки допустили просчет в предвыборной разработке своей последующей политической стратегии. Учитывая покладистость прежнего руководства Чехии, они надеялись навязать собственную позицию государственного переустройства ЧСФР и их преемникам. Но размашистая братиславская коса сразу же нашла на увесистый пражский камень. Клаус и его коллеги по победной коалиции оказались абсолютно невосприимчивыми к словацким идеям о создании некоего совместного оборонно-экономического пространства в виде номинально оформленной унии или конфедерации двух республик при полной независимости и присутст-

вии в международных организациях (вплоть до ООН) каждой из них. Ведущие чешские политики полагают, видимо, что нет смысла чешскому локомотиву тащить за собой в Европу тяжеловесный и стремящийся к иному экономическому направлению словацкий состав да еще и держать оборонный зонтик над этим соседним государством, имеющем принципиально не разрешенные как следует взаимоотношения, по крайней мере, с двумя соседними странами». Приводятся и статистические данные о том, что словацкий состав утяжеляется: безработица в Чехии равнялась 2,3%, а в Словакии — целых 11,9% [Там же. 1992. 21 июля].

Взгляд с высоты начала третьего тысячелетия показывает, что уже в первые годы в Словакии дела обстояли не столь уж плохо, а в Чехии не так уж хорошо, но подобная «война цифр» — дело неизбежное при обосновании необходимости распада любого рода федераций, причем не только социалистических. Как бы там ни было, все же первой ввела евро Словакия.

Примечательно появление в газете от 27 ноября 1992 г. статьи Р. Палдана, советника-посланника, торгового представителя ЧСФР «Можно доллары, потом товар. Можно наоборот. Только товар на товар предпочтительнее». Она предстает, скорее, в качестве так и не реализовавшегося проекта интеграции экономик ЧСФР и СССР. Но вот ее заключение: «Не открою секрета, если скажу: интерес наших предприятий и предпринимателей к торговле с Россией не ослабевает. Торговое представительство ЧСФР в РФ прилагает и будет по-прежнему прилагать необходимые усилия для роста това-

рооборота. Нам нужно сообща наладить способы устранения барьеров, мешающих насыщению рынков наших стран необходимыми товарами. А выход из сложившейся ситуации видится в максимальном расширении поставок в Россию чехословацких (так в оригинале. — Э.З.) в обмен на то, в чем нуждается экономика нашей страны». Стоит ли доказывать, что эта статья уже не имела ни временного, ни пространственного (геополитического) адреса и могла лишь усугубить горькую иронию? Однако этот, скорее, сладкий сон, навеваемый представителем традиционно дружественной страны неизбежно должен сбываться. И динамика торговых связей между Россией и Словакией уже в новом веке это подтверждает.

И все же на время признания Россией Чешской Республики и Словацкой Республики в качестве самостоятельных, суверенных и независимых государств «Независимая газета» вынуждена была зафиксировать усугубляющуюся неопределенность отношений СР и РФ. Этому способствовала «война» парламента и МИД-а России за первенство в разработке внешнеполитической стратегии, при которой приоритеты смещаются, а некоторые страны и регионы попадают в полосу невнимания (что, по всей видимости, отражается и в печатных изданиях, характеризующихся «информационными ямами»). «Многие российские парламентарии, — указывалось в газете, — обвинили МИД в том, что он слепо равняется на Запад. Комитет по международным делам, например, пришел к выводу, что за кровавые события в бывшей СФРЮ следует раздать

“всем сестрам по серьгам”, а не к одной Сербии применять санкции. МИД же настаивает на своем, утверждая, что единство позиции Москвы и западных столиц есть большое достижение российской внешней политики, от которого нельзя отступать» [Там же. 1992. 25 июля]. По сути же речь шла о принципиально новой, отличной от бывшего СССР концепции внешней политики России, в которой будущим Чехии и Словакии отводились третьестепенные места. Газета «независимо» предупреждала о неконструктивности такой линии и в ретроспективе можно признать, что ее предупреждение было услышано.

В целом, именно «Независимая газета» проявила наибольшее внимание к крайне сложным проблемам самого распада государства, не упуская из вида прогноза о будущем государств. Однако и она крайне мало характеризовала самые первые шаги двух новых государств.

Симптоматично, что наименьшее число материалов по всем тематическим блокам появилось в газете деловых кругов «КоммерсантЪ».

Приведем следующие «мелочи»: примечательную информацию под названием «Ни пряника, ни кнута» с данными опросов о положении дел в стране: недовольными им в Чехо-Словакии оказались 77% (как и в Польше), но сожалели об утраченном всего 12% (в Польше еще меньше) [«КоммерсантЪ». 1992. 27 июля]. Извещалось о том, что Чехия и Словакия — даже еще не отделившись — форсировано выразили желание вступить в НАТО, но получили отказ [Там же. 1992. 17 декабря]. Внимание привлекает публикация под

названием «Россия вышла из Варшавского договора последней», в которой упоминается такой курьезный для российского читателя факт: «остался нерешенным вопрос о том, где хранить протокол и ратификационные грамоты — они должны были находиться в Чешской и Словацкой Федеративной Республике¹, которая на 1 января 1993 года прекращает свое существование» [Там же. 1992. 24 декабря].

Любопытно, что газета в 1993 г. проигнорировала факт появления двух новых государств на политической карте Европы, хотя упоминала о Черногории и даже Сан-Марино. Так, Чехия характеризовалась как косвенный пункт миграции с востока в Германию, а о Словакии говорилось лишь в связи с произошедшей там авиакатастрофой [Там же. 1993. 19 февраля]. Создавалось даже впечатление, будто на более важную информацию был наложен мораторий...

Данный феномен можно объяснить, в частности, следующим: ключевое для судеб Чехословакии событие — ее распад — слишком недалеко отстоял по времени от распада СССР, что не могло не повлиять (явно или неосознанно) на редакционную политику всех российских средств массовой коммуникации.

Поэтому можно утверждать, что Словакия в период своего появления попадала в некую информационную «яму», в чем-то похожую на ту, которая имела место при освещении событий, приведших к «бархатной» революции: ведущие российские издания концентрировались на событиях в Чехии, еще точнее — в Праге, а еще ярче — на роли диссидентов, побудивших народные массы (демонстрируемые, правда, скорее на фотографиях). Непосредственно словацкие события заняли здесь менее десятой части.

---

¹ В оригинале — Чехо-Словацкой Федеративной Республике.

СОВРЕМЕННАЯ СЛОВАЦКАЯ ПОЭЗИЯ
(в переводах Наталии Шведовой)

Ярослав Резник

Боязнь

Ночь протекла, взлетает утро к небу,
а я боюсь, как бы удар с тобою не был.
И руки в брюки — близится к нам день,
а я боюсь, что буду не у дел.
Весна, и птицы льнут к востоку, закурлькав,
а я боюсь, что превратишься ты в клубнику.
И облака нам криком начали мешать,
ты прикоснулась — мне осталось лишь дрожать.
Близится вечер, темнота на всем лежит,
а я боюсь, что превратишься ты в ножи.
Трясутся ветви, зло их ветер дразнит,
боюсь уже я собственной боязни.

Ты не выберешь

Ты не выберешь ни места, ни времени.
Я родился всего через минуту
после измученной Пасхальной ночи,
когда тело превращалось в корку хлеба
и вино до дна истекло кровью,
чтобы этот день и его невиновность
навсегда вошли в века

и в бесконечность времени
в нас.
Ты не выберешь ни места, ни времени.
Я родился всего через минуту
после ветреной Пасхальной ночи,
сразу в первое воскресенье
после крестного пути тернового венца
до того пыльного места,
где он расцвел кровью,
что своим теплом залила дерево
и откуда первые человеческие Стихи
вознеслись к небесам,
к своему Творцу.
Ты не выберешь ни места, ни времени.
Я знаю, что не знаю,
когда я умру и где, но знаю,
у кого в объятиях
и сознавая,
что толпа любит прощать Барабасам,
но еще больше
распинает пророков.
Но когда мы, опомнившись, понимаем
бесконечные масштабы творения,
этим пророкам мы потом
молимся.

Бренность

Туман упал на землю
и с болью заковывал
куда-то в неизвестность.
Солнце опять расставило ноги
над пейзажем
и аппликатурой лучей
громко заоплодировало,
так что белые склоны вокруг
резко закашлялись
и пошли пятнами черной глины,
чтобы земля могла
вдохнуть весну.
Так уходит зима...
Я люблю ее.

Я люблю ее, когда она покорно смотрит
 в небеса
 и, смиренная, входит в землю,
 или — мудрая и спокойная —
 уже давно знает о своем предназначении,
 принимает во внимание свою
 Богом данную очередь
 и не ропщет
 над своей бренностью.
 Я люблю бренность
 и выказываю почтение ее невидимой,
 но вечной цепи,
 которой она нас всех,
 согретых любовью
 и пропитанных злобой,
 взаимно привлекла к себе
 и день за днем
 там нам глубинами земли
 и языками расторопного огня
 напоминает,
 что лишь она
 из века в век и на века
 непременно вечна.

***

Ян Замбор

Грабители

На руинах богов и святых
 остались одни осквернители.
Хосе Анхель Валенте

От наследия предков после набегов
 оставить опустошение,
 от построек — развалины,
 от живой земли — пепелище.
 Ликовать над пустотой.
 Ставить себе памятники.
 Но что же с пустой землей?
 Триумфально открывать пространство
 для пришлых растений.

2017

Робкий зов в безграничную темноту

Осторожно,
склон движется,
завалят нас
пыльные,
с острыми гранями,
обломки.
Где нам укрыться?
Куда бежать?
Строй укрепления,
размножай
сдерживающую вегетацию.
Жизнь, не жизнь.
Найди обоснование своего бытия.
Этих ежедневных
спусков,
опаданий,
каменных обвалов,
сдвигов,
лавин,
пепла и лавы,
везувиев!
Господи, дай мне сил,
чтобы выбраться из-под обломков,
зацепиться хоть за переливы росы,
отблески на волнах,
стебли травы,
летающие лепестки,
осенние отлетающие листья,
снежные хлопья,
дай
ухватиться.

2017

Две танки с птицами

***

У деревьев сегодня в парке
выросли белые перья,
но они не взлетят.

Я похож на этих птиц,
полет которых уже — лишь мечта?

***

Есть птицы... Вечно
на них мы смотрим, зная,
что они не прилетят.
Ты не устанешь их ждать,
пока не окажешься на том свете.

2017

***

Юрай Куниак

Снежная мадонна

Негромкая работа падающего снега наслаивает покой.
Лиса отважилась приблизиться, белизна
хочет, чтобы ты потерялся. Ты не можешь отчаяться,
между событиями должна быть нить, твое лицо
найдет тебя, но не на том месте,
куда посмотреть — означает окаменеть.

На дереве созревают плоды, это окна,
являются в них души в виде животных,
растений и птиц: испуганная лошадь
в каменной расщелине,
цветок асфодель из семейства лилейных,
что цветет под музыку пустынь.

Птичка краснокрылая сделает в полете сальто,
чтобы попасть в скрытую трещину с гнездом.
Альбатрос летит навстречу горизонту
и не даст себя обмануть тем, что бесконечный
горизонт пуст.

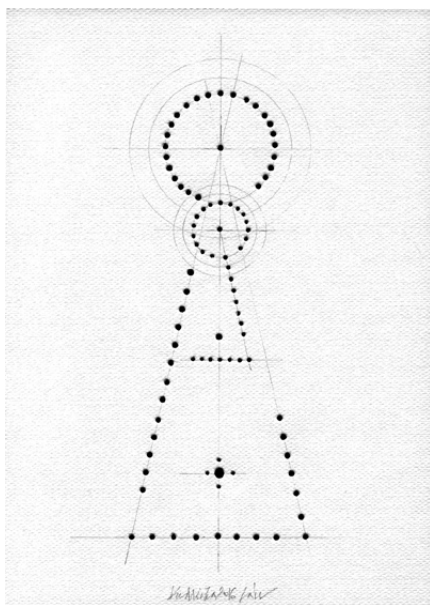
Готическая мадонна

В саду резвятся дети, мячи к ним возвращаются,
когда они их бросают на склон.
Дом затоплен дневным светом. В полдень,

во время летнего солнцестояния, в нем оживает
деревянная статуя: солнце через окно в потолке
достигнет ее лица
со спокойным, обезоруживающим выражением.

Расцветают в ней
белые, розовые и красные олеандры.
Ужас выгнул левую бровь
выше правой, взгляд остановился
на полдороге между ангелом и чудовищем.

У нее отрубили руки, отрубили волосы,
осталась лишь стройность линий, стремящаяся вверх.
Дерево, полное окон, шумит,
красоту не питает объяснение,
у мистерии нет мяча или детей, она самодостаточна.

Иллюстрация Яны Кудлички

КУЛЬТУРА СЛОВАКИИ

Богумир Бахраты

СЛОВАЦКОЕ ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОЕ ИСКУССТВО XIX И XX ВЕКОВ

Эпоха рубежа XVIII–XIX веков и весь последующий XIX век являли собой сложный период, когда начиналась новая, принципиально иная, современная эра. Метаморфозы развития были обусловлены в т. ч. результатами и последствиями промышленной революции в Англии, а также Великой французской революции. Революции составляли неотъемлемую часть тогдашней действительности. Основопологающим принципом стала сила. Энергия природы и в первую очередь энергия человека, человеческого труда, творчества, духа. Развитие имело свой ритм, скорость и динамику. Оно проявляло себя в сферах политики, экономики, культуры и общественной жизни. Зарождалось сознание новой исторической эпохи. Еще было живо многое из прошлого, в то же время события того периода во многом предвосхищали будущее. Это была непов-

торимое время перемен, прогресса и одновременно напряжения, достижений и ошибок, поисков и блужданий, время противоречий. Время феноменов как позитивных, так и негативных: зарождение гуманитарных наук, развитие культурной и духовной сфер, экономики и политики, окончательное исчезновение феодализма и рабовладения, кризисы, эпидемия, социальное расслоение, нищета. В XIX веке формируется новая система взаимодействия по векторам: наука — производство — продукция, искусство — дух — творчество, искусство — общество. Осмысляется традиционная народная культура и вместе с тем формируются новые культуры. Формируются феномены этноса, народа и государства в их современном понимании. На первый план выходят выдающиеся личности, гении своей эпохи. В искусстве начало и конец века озаменованы двумя велики-

ми понятиями: классицизмом и сецессионизмом. А между ними возносится прекрасная радуга различных направлений, стилей и течений — романтизм, бидермейер, реализм, импрессионизм с его нео- и пост-импрессионистскими модификациями, символизм, историзм и нео-стили. Новый язык, новая морфология, новая семантика искусства. Великий синтез в великих объединениях. Литература, музыка, театр и изобразительное искусство. Архитектура, живопись, скульптура, графика, иллюстрация, художественные ремесла, прикладное искусство и дизайн. Зарождение новых, масштабных визуальных медиа: фотографии и кинематографа, трансформация искусства в сложную, открытую и свободную систему. Помимо прочего, новую роль в XIX веке начинают играть государства средней и восточной Европы. Сложной и драматичной была ситуация на Балканах, на сцену начинает все ярственнее выходить «новый свет», Америка. Сложные процессы исторического развития происходили также в Азии. XIX век перевернул весь мир. В духе той эпохи носились апокалиптические эсхатологические настроения касательно того, что грядут последние дни мира и человечества. Преобладает, однако, хилиазм (милленаризм), надежда и вера в новые начинания, обновление и возрождение. Многие из этих общих принципов лишь частично нашли свое отражение в искусстве нынешней Словакии, которая тогда официально называлась Верхней Венгрией и входила в состав Австро-Венгерской монархии. Характер, форма и уровень искусства определялись целым спектром реальных исторических факторов.

К их числу относятся главным образом экономическая и политическая ситуация, (относительное) отставание Словакии, диспропорции в общественной жизни, сложные межнациональные отношения, внутреннее политическое напряжение. Отсутствовало сколь-нибудь четкое культурно-историческое самосознание. Сказывалось отсутствие центра культурной жизни, а также крупных городов. Главным городом территории была триязычная Братислава (Прессбург, Пожонь), где некогда проходили коронации венгерских королей — и наряду с ней скромные Мартин, Липтовский Микулаш, Кошице, где искусство теплилось весьма относительно. Чувствовалось также отсутствие образовательных институтов в сфере искусства, культурных институтов, а также контактов с европейской культурной средой, с Парижем.

Впрочем, наличествовали и позитивные моменты, обусловленные в первую очередь процессом национального возрождения. Сначала он коснулся языка, литературы и культуры и был связан в первую очередь со штуровским движением, а в 1848–1849 гг. проявил себя в активизации революционной деятельности. В мае 1848 г. в Липтовском Микулаше были провозглашены «Требования словацкого народа», а 16 сентября 1848 г. в Вене был создан Словацкий национальный совет. Некоторый спад после 1850 г. был преодолен в 1861 г., когда в Мартине был провозглашен Меморандум словацкого народа, где в число требований входили национальное самоопределение, признание национального языка и введение образования на нем, а также иные требования касательно

административной, просветительской и культурной сфер. Апофеозом этого политического и культурно-общественного процесса стало основание 6 августа 1863 г. в Мартине Матицы Словацкой, которая была задумана в качестве общенационального культурного института, осуществляющего поддержку литературы и искусства. Ее первым председателем стал епископ Штефан Мойзес. При этом в 1875 г. Матица Словацкая попала под официальный запрет и в качестве официального института была закрыта. Нарастало давление Венгрии, стали возникать новые межнациональные конфликты, усилилось давление господствующей нации. Оживление в культурной сфере настало лишь в конце XIX века: в 1881 г. был основан журнал *Slovenské pohľady*, в 1895 г. — Словацкое Музейное общество, а с 1898 г. начал выходить журнал *Nlas*.

В словацком изобразительном искусстве XIX в. можно выделить три главных периода. В первой трети века активно работали художники в Спише, в Левочке и в восточной Словакии (Кошице, Прешов). Это были портретисты и пейзажисты, которые оттачивались от наследия классицизма и тяготели к романтизму и реализму. Основными представителями данного периода были Йозеф Чаучик (1780–1857), Ян Якуб Мюллер (1780–1828), Ян Ромбауэр (1782–1849), Карол Марко-старший (1791–1860), Игнац Климкович (1800–1853) и его сыновья Франтишек и Войтех, также Карол Тибелли (1813–1870), Йозеф Гиновски (1801–1857). Где-то около 1850 г. сформировалось национальное направление в живописи. Ее основными представителями были Йо-

зеф Божетех Клеменс (1817–1883) и Петер Михал Богунь (1822–1879). Оба художника учились в Академии искусств в Праге, чешская культурная и общественная жизнь дала мощный импульс в т. ч. словацкой культуре. Третий период знаменуют 90-е гг. XIX века. На сцену выходят словацкие художники Доминик Скутечки (1848–1921), Йозеф Ганула (1863–1944), Людовит Чордак (1864–1937) и среди них выдающийся живописец Ладислав Меднянски (1852–1919), аристократ и художник европейского масштаба, работавший в Словакии, но также в Париже, Будапеште и Вене, где он окончил свои дни. Творчество всех упомянутых живописцев протекает в духе постимпрессионизма, для него характерны черты символизма и пленеризма, а также определенные элементы модерна в художественной технике, в колористике, в манере письма, в широте и богатстве идейно-тематического разнообразия. При этом Ладислав Меднянски подошел ближе всех к порогу современного изобразительного искусства, с одной стороны он изображал реальную действительность, природу, с другой — также внутренний мир и эмоциональную жизнь как собственную, так и в общечеловеческом масштабе, он писал от имени всех людей той эпохи на переломе XIX и XX столетий.

Словацкий «художественный» XIX век был эпохой тихой и скромной. В городах еще теплилась барочная архитектура классицизма и историзма, в сельской местности в духе классицизма строили усадьбы и курии. Сильная и выразительная волна европейского сецессионизма на территории Словакии проявила себя лишь в отдельных

архитектурных постройках (Требишов, Красногорске Подградье, Спишска Нова Вес, храм Святой Алжбеты в Братиславе, уже в начале XX века). В живописи доминировали портрет и пейзаж, нередко были также графические этюды, городские и ландшафтные зарисовки (Банска Штьявница, Кремница, Высокие Татры). Очень скромным является наследие в области скульптуры — бюсты, надгробия, фонтаны, барельефы. Авторами были скульпторы преимущественно реалистического направления, испытывавшие влияние символизма. Виктор Оскар Тилгнер, Алоиз Стробл, Алоиз Ригеле. Символом той эпохи может послужить картина П. М. Богуня «Ян Францисци — доброволец», написанная в 1850 г. Это портрет конкретной личности, одного из лидеров революции. На заднем плане мы видим лагерь солдат-добровольцев, отважных борцов за свободу формирующейся, молодой нации. Все это происходит на фоне Высоких Татр, символизирующих Словакию. Именно в данной картине романтизм соединен с реализмом и реалиями новой, грядущей эпохи.

Двадцатый век стал эпохой гармонии и контрастов, эпохой парадоксов, надежд и отчаяния. Парадоксальным является в т. ч. тот факт, что опорные пункты столетия составляют две мировые войны. Жизнь в XX веке сопровождала смерть, уничтожение, страдание миллионов и миллионов людей. В развитии искусства и культуры выделяются следующие периоды: 1901–1918, межвоенный период и Вторая мировая война, т. е. 1818–1938, также 1945; и период после 1945 г. В XX веке существовали и другие исторические вехи,

характерные для многих государств мира и Европы, важные также для Чехословакии с 1918 г., для Словакии — с 1993 г. Это период 1948–1968 гг., затем годы абсурдной нормализации — 70–80-е гг. и далее развитие искусства уже после 1989 г.

В истории словацкого искусства XX века существуют две различные концепции развития и соответственно две возможности периодизации. Автором первой, о которой пойдет здесь речь, является К. Вацулик, она основана на поколенческих чертах и срезам: Выделяются: Поколение основателей (первая треть столетия), Поколение 1909 (вышедшее на сцену искусства около 1935 г.), Поколение второй мировой войны или Поколение 1919 (рубеж 30-х — 40-х гг.). Кульминационной эпохой для всей тогдашней Чехословакии стали 60-е гг., за которыми последовала стагнация и повторное ограничение свободы и демократии в последние годы существования коммунистического режима. Новые течения и новые художники появляются уже после 1989 г., также многие из среднего и старшего поколения образуют своеобразный мост к современности и к нашим дням.

Сложный подтекст и генезис словацкого изобразительного искусства XX можно вкратце охарактеризовать так: ключевой в данном случае является живопись, наряду с которой развиваются камерная и монументальная скульптура, а также графика. Важное значение сохраняет рисунок, поскольку с развитием издательской деятельности и публицистики возрастает значение иллюстрации. Среди визуальных медиа доминирует фотография, из ко-

торой произрастают кино, телевидение и видео. Уже такие направления авангарда, как футуризм, дадаизм, сюрреализм, позднее поп-арт и неореализм, искусство объектов, инсталляции и элементы среды, хэппенинг и боди-арт обращаются к синтетическим, полифункциональным и масс-медийным формам. Впрочем, в глобальном плане цивилизация и культура оперировала ими с давних пор. Исходным феноменом здесь являются театральные, игровые формы: культы, обряды, религиозная мистерия, торжество опьянения и экстаза, эксгибиция и манипуляция. Точно так же изобразительное искусство делает своим предметом значимые для авторов аспекты общественной, политической и экономической жизни, позитивных и негативных переживаний. Смыслы, дух и интеллект встречаются и переплетаются. Композитор Рихард Вагнер был провозвестником данной платформы еще в первой половине XIX века, революцию и ниспровержение мифов воспевали позднее Марсель Дюшамп, Жан Дюбуффе, Ив Кляйн. Авангард как искусство протеста становится искусством соучастия...

В словацком искусстве модерна и постмодерна экспериментов было не так много. Поколение основателей выросло на скромном наследии реалистов конца XIX века. Импульсом для них было многолетнее обучение, главным образом в Праге. Позднее появились первые контакты с Европой и с Парижем — импрессионизм и экспрессионизм, фаунизм, кубизм. Концептуальная суть их программы состояла в том, чтобы художественно изобразить и выразить «жизнь и мифы родной земли» (М. Варорс). Это напря-

мую было связано с их эмпатией к Словакии, ее истории, к народному искусству и фольклору. К числу наиболее выдающихся представителей поколения основателей относятся Мартин Бенка (1888–1971), Янко Алекси (1894–1970), Микулаш Галанда (1895–1938), Милош Александр Базовски (1899–1968), Людовит Фулла (1902–1980), из скульпторов только Ян Коньярек (1878–1952), из графиков — Коломан Сокол (1902–2002). Ключевыми пунктами их программы — содержательными и философскими — стали следующие: монументализация и героизация Словакии, горной местности, работающих жителей села (М. Бенка); горячая любовь и пламенный, патетических колорит пейзажных мотивов (М. А. Базовски), четкая стилизация форм, ритм и красочность, вдохновенность народным орнаментом и европейским модерном (Л. Фулла), социально-критический подтекст в сочетании с экспрессивной стилистикой (К. Сокол).

В начале XX века активным было также кошицкое художественное сообщество. Его представителями являются живописцы и графики Конштантин Кевари (1882–1916), Антон Ясуч (1882–1965), Конштантин Бауэр (1893–1928); из младшего поколения Юлиус Якоби (1903–1985). В Банской Штьявнице работал выдающийся художник Эдмунд Гверк (1895–1956). Они творили в духе угасающего символизма и сецессионизма вкупе с элементами идущих им на смену экспрессионизма и футуризма.

Крайне многочисленным в плане авторского состава и широты концептуальных программ было Поколение 1909. К нему относится более трид-

цати художников, скульпторов и графиков. Основными представителями поколения были художники Циприан Майерник (1909–1945), Ян Мудрох (1909–1968), Ян Желибски (1907–1997), Якуб Бауэрфройнд (1904–1982), Андре Немеш (1909–1986), Петер Матейка (1913–1972) и Эстер М. Шимерова (1909), первая женщина в словацком художественном модерне, она принадлежала к Парижской школе. Особняком стоят Имро Вайнер-Краль (1901–1978) и Юлиус Сабо (1907–1972). Среди скульпторов необходимо назвать в первую очередь такие имена, как Йозеф Костка (1912–1996) и Рудолф Прибиш (1913–1984). Художники данного поколения смогли догнать европейский модерн в его палитре от кубизма до сюрреализма. В их творчестве сочетаются лирика и эпика художественного почерка, гуманистические, и, позднее, антивоенные темы, мотивы музыкальные и медитативные. Многие представители поколения активно контактировали с Прагой. Они стали первыми педагогами в Высшей школе изобразительного искусства, открытой в 1948 г. в Братиславе (Я. Мудрох, Я. Желибски, П. Матейка, Ф. Костка, Р. Прибиш). Их зрелое творчество стало классикой словацкого художественного искусства.

С поколением 1909 было тесно связано поколение 1919, вышедшее на авансцену на рубеже 30–40-х гг. — Вилиам Хмель (1917–1961), Винцент Грожник (1919–1997), Ладислав Гудерна (1921–1999), Алоиз Климо (1922–2000), Эрнест Зметак (1919) и др. Их экспрессивное, гуманистичное, метафоричное творчество было связано с направлением словацкого надреализма — Аван-

гард 38, в рамках которого вместе с поэтами они говорили свои однозначные «Да и нет»: *Да* — прогрессу и модерну, человечности и толерантности, *нет* — фашизму, войне и бесправию!

После 1945 г. развитие искусства, грубо прерванное войной, продолжилось. Переломным здесь был 1948 г. С приходом коммунистов к власти в феврале 1948 г. новое государство демонстрирует отчетливую ориентацию на политику Советского Союза и искусство социалистического реализма. Наступивший догматизм в искусстве знаменовал конец свободы творчества и художественного эксперимента, поскольку искусство обязано было обслуживать идеологию и политику. Творчество лишь иллюстрировало уже заданные политические положения и фразы, работать означало прислуживать режиму. Никакие эксперименты и контакты с западноевропейским искусством не допускались. Данная судьба постигла в т. ч. словацкое искусство, однако большинство художников отказалось подчиняться упомянутой платформе. В искусстве той эпохи, в художественной среде появились два новых немаловажных феномена: возникли Национальная Галерея в Праге и Словацкая Национальная Галерея в Братиславе. Были открыты Высшая школа изобразительного искусства в Братиславе и Художественно-промышленное училище (чуть позже, в Кошицах и Кремнице). На смену крупным сообществам художников, основанных после Первой мировой войны (Общество словацких художников и Словацкая художественная беседа) пришел единый Союз словацких художников. Это была практически общегосударст-

венная организация, в первую очередь идеолого-политического характера. Впрочем, 1956 г. и развенчание сталинизма в Советском Союзе принесли первое облегчение. На словацкой художественной сцене появляются первые выпускники Высшей школы изобразительного искусства, историки искусства говорят об эпохе возникновения Группы Микулаша Галанды, появления журналов Жизнь искусства и Молодое творчество, эпохе основания Галереи Циприана Майерника в Братиславе и появления множества региональных художественных галерей по всей Словакии. Молодое поколение принесло с собой новую художественную программу, в которой доминантой являлось осознание собственных корней, возвращение к истокам. При этом молодые художники искали новых контактов с современными им европейскими и мировыми художественными кругами, свои плоды приносило даже сотрудничество в рамках одной только Чехословакии. К пражским *Конфронтациям* в 1961 г. присоединяются братиславские *Конфронтации*. К различным жанрам, формам и стилям современного реализма и искусства изображения присоединяется абстракционизм: информализм, геометрическая и лирическая абстракция, объемная живопись, живопись жеста и художественный перформанс. Началась эпоха свободных и плодотворных шестидесятых, когда искусство отличалось широтой художественного спектра. Стагнация 70-х — 80-х была преодолена после 1989 г., этот год стал переломной точкой, концом социалистического государства, политического и художественного догматизма,

демагогии, однако новая эпоха принесла свои издержки: диктат рынка и бессилие творческой личности в открытом пространстве художественной образности. Основные направления в развитии словацкого искусства представляют следующие наиболее значительные его представители: художники Я. Фило (1921), М. Чундерик (1926–1983), А. Барчик (1928), М. Паштека (1931–1998), М. Якабчиц (1930–2002), Р. Фила (1932), К. Барон (1939), Л. Бергер (1942), Я. Бергер (1943), Л. Голошка (1943), И. Павле (1955), Я. Главати (1955), С. Чарни (1956), Я. Рашка (1962), скульпторы Р. Угер (1913–1987), В. Компанек (1928), П. Тот (1928–1988), Я. Кочиш (1930–1990), Я. Янкович (1937), Ш. Прокоп (1941), Д. Пончак (1941), П. Роллер (1948), Я. Чутек (1957), М. Лукач (1962), В. Ловишка (1964), графики А. Бруновски (1935–1997), В. Гажович (1939), Д. Каллаи (1948), В. Коленчик (1955), Р. Янчович (1958), новаторские тенденции в искусстве представляют своими акциями А. Млинарчик (1934), С. Филко (1937), Я. Коллер (1939), Я. Желибска (1941), Б. Кубински (1966) и многие другие. В современном словацком искусстве следует упомянуть также художественные изделия из стекла, текстильное творчество, керамику и фотографию. Органичной частью художественной жизни в Словакии являются выставки — как дома, так и за рубежом. В Словакии проводятся многочисленные симпозиумы деятелей искусства: скульпторов по камню — в Вышних Ружбанах, скульпторов по камню — в Банской Штявнице, керамиков — в Лученце, стеклодувов — в Ледницких Ровнях, мастеров текстиля и бумаги — в Ружомберке, наконец,

художников — в Банской Штьявнице, в Мораванах над Вагом, в Кошицах.

Прекрасно развивается у нас художественная публицистика, особенно монографическая. Курс истории искусства читают на философском факультете Университета Коменского в Братиславе, а также в университетах в Трнаве и Ружомберке. Художников в широком смысле готовят высшие училища в Братиславе, Кошицах и в Банской Бистрице. Художники входят в Словацкую художественную

унию, а также объединяются в многочисленные союзы, группы и профессиональные объединения, глобальные и региональные. Словацкое искусство на данный момент представляет более двух тысяч ныне живущих деятелей. Их творчество осмысляет, документирует, анализирует, интерпретирует и дает оценку реальности эпохи, состояниям интеллектуальной и духовной жизни художников, но также всех людей и нашего народа в начале XXI века.

Перевод Дарьи Анисимовой

Павел Повинец, Йозеф Дорица¹

СЛОВАКИЯ ОБЛАДАЕТ УНИКАЛЬНЫМ ОБЪЕКТОМ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ ЕВРОПЕ

(Исследования показали фактический возраст
исторической ротонды)

Результаты новейших исследований дают право для включения ротонды св. Юрая у Нитранской Блатницы в Список мирового культурного наследия ЮНЕСКО.

Источник: Facebook / ротонда св. Юрая

Не исключено, а скорее всего, и очень правдоподобно, что в Словакии находится самое древнее из сохранившихся культовых сооружений в Центральной Европе. Это ротонда св. Юрая у Нитранской Блатницы.

Длительное время преобладавшая точка зрения, что она построена в пер-

вой половине XVI в., была опровергнута в результате исследований этого памятника в 70-е годы XX в., когда дата его возникновения была отодвинута примерно на пять столетий назад. Однако в ходе последней реставрации памятника, начавшейся в 2009 г., произошли новые, принципиально важные

¹ Павел Дорица — профессор, доктор наук (Университет им. Я.А. Коменского, Братислава); Йозеф Дорица — доктор наук, заслуженный художник, реставратор.

открытия, благодаря которым возникновение можно однозначно датировать дороманским периодом, т. е. до 1000 г.

Радиоуглеродные исследования образцов дерева, строительного раствора и штукатурки в результате показали, что ротонда св. Юрая была сооружена еще до прихода святых Кирилла и Мефодия в Великую Моравию.

О ротонде заботились отшельники

Ротонда св. Юрая расположена у селения Нитранска Блатница и является единственным сохранившимся свидетелем неизвестного исчезнувшего поселения, которое на этой территории существовало уже с начала IX в. Согласно археологическим исследованиям, предполагается, что заселенная территория достигла хозяйственного расцвета, в том числе, и в связи с добычей и переработкой железной руды.

После исчерпания местных месторождений поселение пришло в упадок и постепенно в течение XIII в. прекратило свое существование. Население переместилось в низменные области с более благоприятными условиями жизни. Ротонда, построенная с некоторым временным отступом после возникновения поселения, постепенно ветшала и со временем превратилась в руины.

На мнение, что ротонда была построена в первой половине XVI в., долгое время влияла запись 1730 г., согласно которой ротонду в 1530–1541 гг. заказала построить Мария Турзова. Однако архивные исследования в ходе реставрационных работ в 2009 г. не подтвердили в указанный период существование лица с таким именем. Мы предполагаем, что поврежденную

исходную кладку ротонды, которая состоит из круглого нефа и подковообразной апсиды, в тот период отремонтировали, а объект подвели под крышу. После этого ремонта ротонда вновь используется для богослужебных целей вплоть до настоящего времени.

В конце периода барокко, в 1777 г., на западной стороне нефа к первоначальному входу в ротонду была построена башня. Интерьеры нефа и апсиды были перекрыты сводом, а в стенах созданы большие оконные проемы. Храм, таким образом, внешне стал выглядеть как барочное сооружение.

Еще в конце XVI в., возможно, в начале XVII в., у южной стены ротонды соорудили маленькую пустынь, в которой (с более или менее длительными перерывами) жили отшельники вплоть до 1814 г. Они, ведя набожный образ жизни, и заботились о ротонде.

Вероятно, в последней четверти XVIII столетия около ротонды была построена так называемая «школа отшельников». Одним из малого числа известных письменных доказательств ее существования является информация, что ее посещал примас Венгрии и архиепископ Эстергома Ян Щитовский (1785–1866). После закрытия школы здание использовалось как охотничий домик и дом лесника, который был снесен в 1962 г.

Образцы были проанализированы в шести лабораториях мира

Первые исследования памятника — архитектора Рудольфа Рейтара (с точки зрения истории строительства) в 1973–1974 гг. и профессора Александра Руткая в 1974–1980 гг. (в области архе-

*Ротонда св. Юрая в Нитранской Блатнице после реконструкции.
Фото: Йозеф Дорица.*

ологии) — принесли важные сведения о том, что здание возникло не позднее середины XI в. В Плане ремонта памятника 1975 года указывается, что, исходя из некоторых данных, не исключается и более раннее происхождение ротонды.

Реставрация ротонды началась в 2009 г. под руководством заслуженного художника Йозефа Дорицы. В 2010 г., в ходе постепенного освобождения самого старого слоя строительных материалов ротонды от наслоений, появившихся в результате более поздних ремонтных работ, были обнаружены новые, принципиально важные находки. Например, были обнаружены дороманского периода окно, дороманские кресты и многие другие детали, которые, вместе с определением технологии возведения стен, безоговорочно отодвинули дату возникновения ро-

тонды к дороманскому периоду, т. е. к периоду до 1000 г. Исходя из указанных открытий реставратор предположил, что ротонда могла быть возведена раньше, а именно — уже в IX в. или, возможно, в X в.

Во время реставрации в древнейших стенах ротонды были обнаружены образцы органических веществ (куски дерева и угли), которые вместе с образцами строительного раствора, взятыми из внутренней части самых старых стен, и первоначальной шпукатурки интерьера были подвергнуты анализу в Центре ядерных исследований и технологий ускорения (CENTA) на кафедре ядерной физики и биофизики факультета математики, физики и информатики Университета Я.А. Коменского в Братиславе.

Возраст анализируемых образцов, определенный профессором Павлом

Повинцем и его коллективом на основе радиоуглеродного анализа, однозначно указывал на то, что ротонда св. Юрая была сооружена в середине IX в.

Учитывая то, что этот результат был чрезвычайно важен для дальнейшего объяснения возникновения ротонды, а также для признания результатов радиоуглеродного метода датирования, как в Словакии, так и за рубежом, был создан международный консорциум, состоящий из известных лабораторий, применяющих радиоуглеродный метод датирования. Его задачей было, путем независимых экспертиз, определить точный возраст ротонды.

В консорциум вошли Лаборатория ускорительной масс-спектрометрии Аризонского университета в Тусоне, Лаборатория ионной физики Высшей технической школы в Цюрихе, Лаборатория ускорительных экологических исследований Венского университета, Лаборатория Гертеленди экологического изучения Института ядерных исследований Венгерской академии наук в Дебрецене, Лаборатория радиоуглеродного анализа Отделения дозиметрии излучения Института ядерной физики Академии наук Чешской Республики в Праге и словацкая лаборатория CENTA.

Члены консорциума получили для анализа образцы дерева, углей, штукатурки и строительного раствора, чтобы каждый образец был подвергнут независимому исследованию хотя бы в двух лабораториях. Всего было проанализировано 12 образцов, в том числе четыре образца дерева, три — углей, один — штукатурки и четыре образца строительного раствора.

Результаты радиоуглеродных анализов показали тождественность оценок отдельных лабораторий, таким образом, были определены следующие калибровочные диапазоны: образцы дерева имели возраст от 771 г. до 882 г. нашей эры, образцы углей — от 771 г. до 881 г. нашей эры. Образцы строительного раствора, взятого из внутренних слоев стен, и образцы внутреннего раствора штукатурки имели возраст от 688 г. до 751 г. нашей эры.

Из указанного следует, что образцы дерева, углей и строительного раствора, с учетом погрешности методов анализа, были примерно одного возраста, и их окончательный возраст может быть определен от 789 г. до 873 г. Этот результат мы можем интерпретировать с 95%-ной вероятностью так: ротонда была построена еще в период до 863 г., когда святые Кирилл и Мефодий пришли в Великую Моравию.

Для читателей, впрочем, будет более понятно, если возрастной диапазон мы выразим в виде примерного возраста ротонды, т. е. 830 г. нашей эры плюс-минус 40 лет. Таким образом, полученные результаты подтверждают, что ротонда св. Юрая у Нитранской Блатницы, вероятно, является самым древним сохранившимся культовым сооружением не только в Словакии, но и в Центральной Европе в целом.

К сожалению, современная международная радиоуглеродная калибровочная кривая в IX в. имеет очень специфический вид и не позволяет определить более точный калибровочный возраст ротонды. Однако ученые-специалисты в области радиоуглеродного анализа и профессор Повинец с его коллективом работают над уточнением

*Вид апсиды Ротонды
св. Юрая (источник:
Йозеф Дорица)*

калибровочной кривой, это позволило бы в ближайшем будущем сократить неточность до менее плюс-минус 20 лет в установлении примерного возраста ротонды св. Юрая, а также других памятников периода Великой Моравии.

Более древнего сооружения у нас не существует

Как известно, христианство в Нитранском княжестве было принято

еще до прихода святых Кирилла и Мефодия в Великую Моравию. Согласно сохранившимся документам, Прибина попросил зальцбургского архиепископа примерно в 828 г. освятить храм в Нитре, который позже, с большой вероятностью, стал составной частью Базилики св. Эммерама. Поэтому существует возможность, что в окрестностях Нитрымогли быть сооружены и другие каменные культовые строения, как еще во времена Нитранского княжества,

так и позже, после 833 г., когда Прибина должен был покинуть Нитру, а его княжество стало частью Великой Моравии.

Согласно последним исследованиям, от периода Великой Моравии в Словакии сохранились еще два маленьких храма дороманского периода — в Костолянах-под-Трибечем и в Копчанах. В других местах сохранились только остатки фундаментов исчезнувших церковных зданий, построенных, согласно результатам археологических исследований, в конце IX в. — начале X в.

Таким образом, можно сказать, что «Юрко» («Jurko», как ротонду фа-

миллярно называли в окрестностях храма) является, вероятно, самым древним культовым сооружением с аутентичными стенами не только в Словакии, но и на всей территории Центральной Европы. Поэтому речь идет об уникальном памятнике исторического значения, доказывающем существование высокой степени христианизации и наличие на территории современной Словакии каменных храмов уже в первой половине IX в.

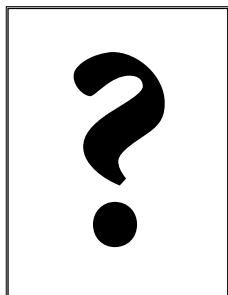
Все приведенные данные дают право для включения ротонды св. Юрая в Список мирового культурного наследия ЮНЕСКО.

Перевод Евгении Майоровой

ПРЕДСТАВЛЯЕМ

ДОМИНИК ДАН

Доминик Дан (рожд. 1955) на протяжении двадцати лет работал в полиции, занимался расследованием преступлений. В своих книгах он рассказывает о людях,

преступивших закон. Ежегодно Д. Дан публикует один-два детективных романа. Всего им написано около 20 книг. Вот некоторые из них: «Бесстыдное дитя» (2005), «Бестия» (2006), «Сара» (2006), «Красный капитан» (2007), «Князь смерть» (2008), «Муха» (2009), «Мухоловка» (2010), «Колодец» (2010), «Ты живешь лишь дважды» (2011), «Кожаное сердце» (2012), «Узел» (2012), «Поэт» (2013), «Одной ногой в могиле» (2014),

«Невиновным не прощается» (2014), «Кровь — не водица» (2015), «Смерть на другом берегу» (2016), «Корни зла»

(2017), «Сигарета на две затяжки» (2017) и др. О себе Дан пишет: *«Я не являюсь таинственным писателем, не прячусь в тайном укрытии, не скрываюсь. Мое объяснение — простое и прозаичное. В том время, когда я начал писать, я работал в полиции, где было нежелательным открывать свое имя и лицо. Контактируя с общественностью, полиция пользуется услугами пресс-атташе, и я должен был уважать этот порядок. Именно поэтому я и выбрал псевдоним и отверг пресс-конференции, всякое появление на публике. Со временем анонимность стала частью моего имиджа, и я привык к этому. Итак, в заключение: я не таинственный человек, только я не испытываю потребности в том, чтобы выставляться на публике».* («СМЭ», 2016).

И далее:

«Я не пользуюсь старыми сочинениями и ни разу не работал в архиве полиции. В основном я воссоздаю свои воспо-

минания и записи — само собой и воспоминания и записи моих коллег, а это не наказуемо. Кроме того, при описании некоторых методик в расследовании преступлений я стараюсь быть очень осторожным, чтобы не нарушить служебную тайну, поэтому, что касается руководства, то оно мне скорее помогает, нежели создает проблемы». («Господарске новости», 2015)

*****

Из интервью газете «Книжна ревью»:

— ...Имеет ли Ваш псевдоним «Доминик Дан» какой-то конкретный смысл и были ли Вы когда-нибудь в Копенгагене?

— Я не играю в тайного агента 007, мое объяснение носит чисто прозаический характер, оно рационально и практично... Коль скоро речь идет о происхождении имени Доминик Дан, то оно возникло несколько десятилетий тому назад, когда я, еще будучи студентом, писал для студенческого журнала, поэтому с Копенгагеном это не имеет ничего общего. К сожалению, в Копенгагене я никогда не был. Доминик Дан — это обычный студенческий вымысел.

— Кто или что побудило Вас стать писателем?

— На вопрос «кто», я отвечаю: «никто». На вопрос «что», отвечаю... «случай!»! В 2002 году во время уборки старой канцелярии я случайно обнаружил свои заметки, касающиеся расследования давнишнего убийства босса в Нашем Городе. Чем больше я вчитывался в эти строчки, тем интереснее казалась мне эта история, пока я, наконец,

решился, стал подробно все восстанавливать в своей памяти, как я это делал в студенческие годы, а потом сел к компьютеру... далее уже все пошло само собой. Я мечтал о том, чтобы иметь на полке в прихожей своей квартиры одну собственную книгу, всего лишь одну... Тогда я даже и не мог мечтать, что из этого родится целая серия детективов. Взявшись за перо, я убедился в том, что если человек очень захочет чего-нибудь, то он все одолеет... почти все..., однако при этом он должен встретить нужных людей в нужное время на нужном месте.

— Ваши романы о Нашем Городе отдаленно напоминают «87 полицейский участок» Эда Макбеяна¹. Кого из представителей мировой литературы Вы читаете? Вас вдохновляет их творчество?

— Эд Макбейн был профессионалом, перед которым я склоняю голову. У него были блестящие консультанты, тонкое ощущение драматических ситуаций и огромная фантазия. Ему не хватало лишь практики работы в нашей области — тогда он стал бы гениальным. Кроме него я прочитал по одной книге многих авторов детективов, которые сказали свое слово в литературе. Но они меня совсем не вдохновляют. В сравнении с ними я практик, и все происходящее свинство я испытал на собственной коже. Полагаю, что именно этого им и не хватает, ведь фантазия — это еще далеко не все. Я иду своей дорогой, дорогой практика, и отзывы

¹ Эд Макбейн (наст. имя Эван Хантер, 1926–2005) — американский писатель, сценарист, автор детективных романов. «87-й полицейский участок» — серия детективных романов Эда Макбеяна.

читателей убеждают меня в том, что эта дорога правильная...

— ...Большинство Ваших историй происходит в Нашем Городе, и читателю не надо быть Эркюлем Пуаро для того, чтобы узнать в нем Братиславу. Чем по-Вашему отличается «нашенское» дно общества от Якудзы¹, Ндрангеты или русской мафии?

— Я не знаю, чем они отличаются. С Якудзой и подобными специалистами я еще не встречался. Либо мы такие маленькие, и они не могут найти нас на карте, либо они боятся наших полицейских... По-любому я не ищу сюжеты в среде мафий, которые некоторые из наших деятелей кино автоматически связывают с тоннами отстрелянного олова, потоками крови и уничтоженными горящими машинами. Насильственная смерть человека — это очень серьезная вещь. Она печальна и трагична и без этих дешевых декораций. Смерть может настичь и в обыкновенном жилом квартале, в обычном панельном доме, родные плачут и недоверчиво качают головами: как это могло случиться... ведь ОН и мухи бы не обидел! После таких случаев остаются плачу-

щие вдовы и испуганные дети и много страдающих людей. Это — жизнь, это — работа в отделе убийств, и об этом я пишу.

— ...Вы дописали последнюю строчку своей новой книги, настало время для отдыха. Поедете на рыбалку, в тир или будете играть в гольф? Или станете слушать джаз и читать новые книги Майкла Коннелли²?

— Коннелли популярен, но иногда он допускает логические ошибки. Однако я желаю ему долгого творческого пути! Я... я — трудяга, и когда выдается минута отдыха, сажусь к компьютеру и пишу детективный роман. Просто так... для себя. Так я отдыхаю. В тир я должен идти в любом случае, это — часть моей работы... рыбалка... рыбки... их у меня в аквариуме 46, редких, из тропиков, но мне никогда в жизни не приходило в голову разрывать им рты металлическими крючками, следить за тем, как они истекают кровью, как трепыхаются, как мучаются... наверное, я ненормальный... Я наблюдал этот процесс почти каждый день, регулярно... и ничего... вероятно, я не нормальный.

Интервью Владимира Радоса
Перевод Аллы Машковой

¹ Якудза — традиционная форма организованной преступности в Японии. Ндрангета — крупная преступная итальянская группировка.

² Майкл Коннелли (рожд. 1956) — американский писатель, автор детективных романов.

«ТЫ ЖИВЕШЬ ЛИШЬ ДВАЖДЫ»

«Добрый день, извините, что я вам надоедаю...»

Девушка вздрогнула и вытаращила глаза на того, кто ей надоедал.

«...я действительно не хотел вас... не хотел вас пугать, еще раз простите».

Она пришла в себя и попыталась изобразить улыбку. Однако получилась лишь вымученная гримаса с немым укором.

«Еще раз извините, что я надоедаю...»

«Ничего, вы не надоедаете, я просто задумалась. Скажите, чем я могу вам помочь?» — Она никак не могла понять, что происходит, и в ее глазах были заметны неуверенность и едва сквозивший испуг.

«Никак. Я собственно и не нуждаюсь в помощи, только вот...» — Он заколебался, перевел взгляд с ее золотистых волос на поверхность реки и продолжал: «Вы обратили внимание на то, как красиво и монотонно вот уже в течение многих столетий течет река, и ее совсем не мучает вопрос о том, какие мысли приходят нам, обычным людям, в головы? О чем мы печалимся, страдаем, о чем мечтаем, чего хотим... ничего. Ее ничего не интересует. Она лишь течет и ей наплевать на нас, а нам порой так хотелось бы излить ей свою душу, обняться с ней, попросить ее о помощи, но она только течет и не обращает на нас никакого внимания.»

Он нагнулся, поставил чемоданчик на землю под скамейку и снова выпрямился. Его взгляд был устремлен на водную гладь.

С минуту она смотрела на его задумчивое лицо, потом стала следить за его взглядом. Они только тарачились на течение реки, и никому из них не хотелось говорить.

Девушка сидела на скамейке возле реки и отдыхала, потому что до этого она больше часа бродила по «Парку Янко Краля», и у нее устали ноги. Она села на спинку скамейки, положив ноги на заледеневшее сиденье. Она бы нормально устроилась на скамейке, но у нее не было с собой ничего, на что можно было бы сесть. Поэтому она приземлилась повыше, на спинку, однако все равно ей было холодно. Она съежилась, руки засунула в пуховую куртку, пожалев о том, что вместо брюк одела юбку. Юбка была ниже колен, толстые чулки и высокие зимние сапоги — все равно ей было холодно. Домой идти не хотелось, поэтому она села и стала размышлять о том, что сказал ей сегодня утром врач.

«Мы... мы знакомы?»

«Нет, по вашему испуганному голосу, девушка, я чувствую, что я вас напугал, наверное мне не следовало вас окликать. Простите, я лучше пойду...»

Это был интересный мужчина. Молодой. Двадцать пять? Тридцать? У подобных типажей не угадаешь, сколько им лет. Он был весь черный: черные густые

короткие волосы, черное пальто, черные джинсы, черные зимние ботинки. Лацканы пальто подняты, и это делало его фигуру секси. Может, он был итальянец или балканский повеса, а, может, происходил откуда-то из Сирии или из Ирака. Наверняка это был южный тип, но вот откуда...? Все южане к югу от Банской Быстрицы выглядят одинаково. У него было обросшее лицо симметричной формы, классический профиль — будучи специалистом по фигурам она в состоянии была это оценить. Наверняка спортсмен. Наверное, иностранный студент из общежития.

Он нагнулся за чемоданчиком, собираясь уйти.

«Нет, я лишь спрашиваю, не знакомы ли мы, почему вы меня окликнули и что, собственно, вы хотите... и вообще, я могу вам чем-то помочь?»

«Ага», — он поставил чемоданчик и улыбнулся. Это была красивая улыбка. От него повеяло теплом.

Ей было холодно. Хотелось немного тепла, и она обрадовалась, что хотя бы мысленно допустив это тепло.

«Я уже сказал вам, что мне не нужна помощь. Я... мне следовало начать так: меня зовут Атнан. Атнан Семири. Мой отец выходец из Косова — отсюда и такое имя, мама работает в посольстве, но она словачка. Я родился и вырос здесь, на родину меня никогда не тянуло. Отец умер, его застрелили, когда он участвовал в правительственной программе разоружения. Он был советником в ООН. Советник по вопросам мира. Парадокс тех времен. Его застрелили в двух километрах от родной деревни в девяносто пятом. Я учился на актера на Факультете музыкального искусства, недавно закончил, пришел сюда, в театр». — Кивком головы он показал на большую стоянку возле здания театра. — «Пришел на конкурс, но у меня в запасе еще час времени, поэтому я решил пройтись по набережной, вот я и увидел вас. Вы сидите тут, извините, вы показались мне такой... такой...»

«Такой, к которой обращаются?»

«Такой, к которой обращаются,» — поддакнул он, сразу же, спохватившись, что его слова могут быть истолкованы двусмысленно, быстро поправился: «Но в хорошем смысле! Такая...» — заколебавшись, он улыбнулся. В его улыбке было много неги и ободрения. И он тоже наверняка нуждался в этом ободрении. Сегодня был его великий день. Сегодня ему надо всем доказать, что он имеет на это право, что он заслуживает доверия и что он не подведет. Он снова улыбнулся и продолжал: «Такая грустная. Вы смотрели на воду, как будто это был единственный выход. Я испугался. Я боялся. За вас. Извините, что я решаюсь, но...»

Она пожала плечами, вздрогнула от холода и откинула голову. Ее золотистые волосы рассыпались по пуховой куртке, издав тихий треск статического электричества. Постучала ногами, с сиденья упало несколько сосулек, которые разбились на бетоне.

«Так что — артист. Деятель искусства. Отсюда и такие поэтические слова о реке. Понимаю. Вы красиво это выразили. И не извиняйтесь. В сущности, ведь

вы правы. Глазею и размышляю. Не стану прыгать, хотя я и близка к этому. Все... рухнуло...»

Она вновь постучала ногами, но сосульки уже больше не падали: она уже всех их побивала.

«Вам холодно», — произнес он и нагнулся за чемоданчиком. Согнул колени как аист, положил чемоданчик, открыл его, достал термос, снова закрыл и поставил под скамейку.

«Я не пью кофе, у меня на него аллергия...»

«Я знаю...мммм...я хотел сказать — понимаю это. И у моей мамы тоже аллергия, поэтому дома мы пьем только чай. Липовой, горячий. С медом».

Он налил в крышку и подал ей.

Она заколебалась, замерла от удивления, и с минуту ей казалось, что здесь снимают фильм о добром Алладине, волшебниках и о всевозможных чудесах, которыми они готовы одарить только ее.

Она взяла крышку, понюхала ее — горячий пар показался ей совсем домашним, приятным, уютным, трогательно родным. Попробовала. Отхлебнула и, обнаружив, что он не такой уж и горячий, стала пить. Минуту обнимала ладонями крышку, наслаждаясь ее теплом. Посмотрела ему в глаза. Он не отвел взгляд, испытывал ее. Она первой опустила глаза.

«Приятно. Благодарю», — пробормотала она.

«Я рад. Люблю помогать. Мне это приносит радость. Знаете, мы там, на юге, пару лет тому назад, тоже нуждались в помощи, но все на нас наплевали. Мой отец умер, а я потерял почти всю семью. Нас там таких было много, брошенных, без помощи. Сейчас раскапывают одно массовое захоронение за другим, а весь трусливый Евросоюз делает удивленную мину: надо же!»

«Страшно. Я видела это по телевизору».

«Я лично был там. Когда видишь все это собственными глазами, слово «страшно» покажется тебе слишком слабым».

«Верю».

«Однако не стоит портить такой приятный вечер, «— он вдруг словно очнулся, как бы желая перевернуть страницу. — «Я не хотел вас расстраивать больше чем...» — Он заколебался.

«Чем я сама расстроена?»

Он покачал головой.

«Вы правы, я расстроена. И мне не просто...»

«Верю».

«Меня зовут Ливия».

«Красивое имя. Не наше, но красивое».

Он долил чай в крышку.

«Пей, Ливия, пока он еще теплый».

Он прервал ее, она не сопротивлялась. Взяла крышку от термоса, стала пить, и с каждым глотком напряжение последних дней исчезало, словно разрушались плохо построенные леса, сооруженные возле старой обшарпаной костольной сте-

ны, лестница за лестницей, площадка за площадкой, перекладина за перекладиной. Подобно неудавшемуся строению. Она не могла припомнить, когда ей было так приятно.

По всей видимости, она уже нуждалась в этом.

«Я еще учусь. Факультет физкультуры и спорта. Последний курс. Три месяца тому назад у меня заболело колено. С тех пор я только и делаю, что хожу по врачам, с одного осмотра на другое, от одного эксперта к другому. Тренер меня устроил...»

Она замерла. Испытующим взглядом посмотрела на дрожащую в ее ладонях крышку.

«Я играю волейбол, в будущем сезоне меня собирались выдвинуть в сборную. Хочу быть тренером...» — Посмотрела ему в глаза. — «Доктор сказал, что попытается сохранить хотя бы часть сустава. Скорее всего нога сохранится в целости...»

Он взял крышку из ее дрожащих рук, закрыл термос, положил его в чемоданчик, который уже не стал класть на землю, а оставил стоять.

«Я хотела быть тренером», — вздохнула она, но не расплакалась. С десяти лет она перестала плакать, не будет и теперь. Ведь и повода-то особого нет.

«Ливия...»

Она спрятала руки в пуховую куртку, прижала подбородок к груди, вскинула голову, поправила свои золотистые волосы на спине и постучала ногами.

«...я играл на факультете в баскетбол, понимаю тебя...»

«И почему только я говорю тебе все это, Атнан, ведь мы практически не знакомы», — она перебила его и вообще не слушала. — «Прости. У тебя впереди конкурс, решается твоя судьба, а я тут тебе надое...»

«Нет! Нет же! Не говори так, не надоедаешь. Наоборот! Я думал, что сегодняшний день важен только для меня, что речь идет лишь обо мне, лишь о моей жизни, и что нет на свете ничего более важного, чем моя персона, но сейчас я вижу, что такой обычный день как сегодня может быть важным и для других, и для тебя, и даже более важным, чем для меня. Ты помогла мне прийти в себя, Ливия. Спасибо тебе за все, что ты сегодня для меня сделала».

«Перестань, артист...»

«Нет, это не фраза, это не роль, я и в самом деле так думаю. Сегодня нас там будет двенадцать, и я рассматривал свои шансы приблизительно один к двенадцати, но... теперь я хочу бороться и выиграть. Я должен доказать, а ты... ты мне в этом поможешь, я чувствую».

«Прекрати!»

«Ливия, прошу тебя, пойдем со мной».

Она зашевелила плечами, чтобы согреться под курткой, и молча посмотрела на реку. Откашлялась.

«Валяешь дурака?»

«Нет, я серьезно!»

«Атнан, я...» — Его предложение показалось ей безумным.

«Ливия, пойдем со мной. Прошу тебя. Я чувствую, что твое присутствие будет мне хорошей поддержкой. Трамплином. Я чувствую».

«Нет, это глуп...»

«... и поверь мне, если я что-то чувствую, то так оно и есть. Возможно, ты это не осознаешь, но это для меня очень важно. Пожалуйста. Сегодняшняя наша встреча для меня очень важна».

«Нет, это...»

«Пойдем там со мной, и если я сдам и меня примут, я приглашаю тебя на ужин, и мы до утра станем разговаривать о жизни и о наших планах, при этом твои планы не будут второстепенными, обещаю, потому как, поверь мне, и без колена можно жить, мечтать, планировать. Мой отец почти всю жизнь прожил без руки и его уважали и любили, в том числе и его семья. Можно, поверь мне. Мы будем обсуждать наши совместные планы. Значит, я не думал об этом так...»

Она улынулась.

«Я знаю. Совместные планы — это что-то иное. Мы с тобой, по сути, совсем не знаем друг друга, поэтому какие уж там совместные планы, но я понимаю тебя». — Она задумалась. — «А что если ты не сдашь?»

«Все равно я приглашаю тебя на ужин, можем еще и выпить как два неудачника, на которых мир наплевал!»

Она спрыгнула со скамейки. Только теперь он осознал, какая она высокая и красивая. Волейболистка против баскетболиста. Она немного подняла голову и они посмотрели друг другу в глаза.

«Знаешь что, ты, бедуй без верблюда, я все же пойду с тобой и все время буду болеть за тебя. Но предупреждаю тебя, что я вышла просто так и что я без гроша.

Он почти подпрыгнул от радости.

«Я забыл тебе сказать, что у моего дяди в Кувейте имеется стальное сооружение в форме башенки — не знаю, как она называется, но из нее все время сыпятся доллары. Именно вот так он мне описывал. Одним словом, я плачú — и конец!»

Она улынулась, хотя и не верила ни единому его слову, но он поразвлек ее и согрел. Хотела уйти, но ее шатало. Голова закружилась, и она вынуждена была облокотиться на него.

«Что было в чае, мне стало как-то слишком тепло?»

«Чай, вода, мед. Что еще? Может волшебство очарования...»

«Ну, этого, я думаю, было достаточно, разве нет? Не придумывай, артист!» — Возразила она, но ее и в самом деле охватило приятное тепло и веселье.

Они обошли скамейку, он обнял ее за талию, слегка поддерживая, так как она и в самом деле качалась. Медленно пошли в направлении театра, и мир ей уже не казался таким серым. Атнан действовал на нее как животворящий опиум, которого ей так не доставало в последнее время, он придавал энергии, так нужной ей. Он обнимал ее и все время говорил — говорил нежно, монотонно и умно. И в самом деле, он — талантливый актер.

Пусть конкурс закончится как угодно — она все равно пойдет с ним на ужин, а потом — будь что будет, ей было все равно.

Жизнь слишком длинная для того, чтобы все время быть образцовой, поэтому она решила, что, хотя бы теперь, пока она прочно стоит на ногах, немного поразвлечься.

«Подожди, поддержишь мой чемоданчик? Я на минутку. Только возьму из машины кеды и тренировочные штаны. Я всегда играю в кедах и тренировочных штанах».

Он подал ей чемоданчик и открыл машину. Стоянка была большая, на ней было полно машин. Две ближайšie лампы не горели, а те, что находились в отдалении, освещали сумерки тусклыми лучами искусственного света.

«Зачем тебе такая большая машина?» — Удивилась она.

«Это отцовская, ему нравились автофургоны. Не хочется предавать отца. Поэтому я и езжу на ней. Что-то вроде семейного сокровища. Память. На ней сложно парковаться, но вообще-то масса выгод», — он рылся за пассажирским сиденьем. — «Кроме того в такой машине можно выспаться, что, как бывший студент, я приветствую. В ней можно поесть, правда, скромно, можно посмотреть телевизор, у меня там даже есть туалет и душ...» — Объяснял он и все время рылся за пассажирским сиденьем.

Она вынуждена была опереться о машину, и холодный металл приятно охладил ей ладони. У нее немного кружилась голова. Она видела лишь ноги и попу Атнана... и та попа в черных джинсах была совсем не плоха.

«Болтаешь!»

«Что?»

«С этим душем!»

«Нет, Ливия, здесь все это есть. Все». — Он вылез из машины, держа в руках кеды и синие тренировочные штаны.

«Покажи».

«Что?»

«Этот твой душ».

Он взглянул на часы.

«Ливия, потом я покажу тебе всю машину, если захочешь, а сейчас...»

«Дай я посмотрю, и пойдём. Или...» — Она заколебалась, осознав, что выглядит надоедливой, — «нет, прости, тебе надо сосредоточиться, прости, я такая эгоистка совсем не понимаю, что тебя ожидает и как это важно для тебя. Прости».

«Ты не эгоистка, ради бога, что ты такое говоришь? И не извиняйся все время. Ты лишь любопытная, и это нормально. Знаешь что», — он снова посмотрел на часы, оглянулся вокруг, словно ожидая прихода соперников на конкурс и желая их спугнуть, — «взгляни, но только быстро».

На стоянке не было никаких соперников, на конкурс сегодня никто не пришел и на стоянке было много свободных мест.

Атнан дернул за ручки на боковых дверях — те послушно на полметра заскользили по дорожке, а потом застряли. Он дернул их снова, но они не двигались с места.

«Что-то внутри, застряли, тебе надо залезть внутрь».

Она подала ему чемоданчик и наклонилась внутрь.

«Тут тем...»

Из темноты показались руки, схватили ее под мышки и быстро втоптали внутрь.

«...а», — послышалось, и она резко наклонилась, так что перехватило дыхание.

Рук оказалось много, одни перевернули ее на спину, другие обездвижили руки, третьи — ноги и...

«Помо...»

Это была всего лишь попытка. Совсем тихая, и никто не мог ее услышать. К лицу ей прижали мокрую тряпку, которая приглушила ее крик. Все, что она хотела прокричать.

Произнеся звук «о», она выдохнула, и ей надо было набрать воздуха, чтобы закричать снова. Она вдохнула, и сладкий запах затуманил ей мозги, так, как это могут сделать руки бармена, которые выжимают лаймы. У нее закружилась голова, перед закрытыми глазами танцевали матовые звездочки, и она в панике стала бить ногами. Била в воздухе. Хотела сорвать тряпку с лица, но руки ее не слушались — на них словно были килограммовые гири. Почувствовала давление на грудь, и что-то невероятно тяжелое как бы выдавило остатки воздуха из ее легких. Она зашипела, будто разорванная пневматика. Снова вдохнула и вновь сквозь тряпку. На этот раз ее голова не закружилась, она была вся в бесконечной карусели, белые звездочки посинели, а затем обрели фиалетовый оттенок глубокого космоса. Она чувствовала, как ее тело нагибается на бок, скользит по синему льду и падает куда-то вниз, на перины, но она не приземлилась на них и не знала, куда упала, так как еще до этого потеряла сознание.

«Вниз, стащи ее вниз, быстро» — раздался голос в темноте автофургона.

Кто-то послушался и стащил мокрую тряпку с ее лица.

Растегнули куртку, затем — рубашку, обнажив тело. Ухо приложили к груди и слушали.

«К счастью, не переборщили, Живет и все о'кэй. Дышит. Посмотри на эти прелести, они великолепны, не правда ли?»

«Для меня важнее, в порядке ли она».

«В порядке. У нее красивое молодое здоровое тело, и она заработает для нас кучу денег, не беспокойся».

«Ну так скажи, пусть трогает».

Окошко за головой водителя приоткрылось, и голос сзади произнес: «Все в порядке, Агнан, едем», — и вновь закрылось.

Артист поехал, зажег сигарету и медленно, осторожно стал выбираться со стоянки. Выехал на главную дорогу и поехал, не нарушая скорости, чтобы не давать никакого повода впереди едущей полицейской машине, которая могла остановить его для контроля.

Останавливать, действительно, было не за что. Подобных незаметных белых автофургонов ездит к вечеру по дороге в Нашем Городе много.

Перевод Аллы Машковой

ВСПОМИНАЕМ...

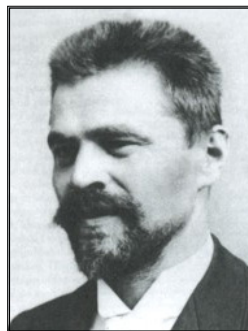
Алла Машкова

МАСТЕР РЕАЛИСТИЧЕСКОЙ ПРОЗЫ: 90 ЛЕТ СО ДНЯ СМЕРТИ МАРТИНА КУКУЧИНА

Маргин Кукучин (1860–1928, настоящее имя Матей Бенцур) принадлежит к поколению прозаиков, оставивших заметный след в истории формирования реалистической прозы. Если Св. Гурбан-Ваянский создавал «прозу идей», в которой он воплощал свои общественно-политические взгляды и идеалы посредством конфликтов представителей различных социальных групп, «традиционалистов» и «новаторов», то Кукучина интересовала жизнь деревни, крестьянства в аспекте вековых традиций.

Еще студентом медицинского факультета Карлова университета (1885–93), он на заседаниях общества «Детван» читал свои сочинения. Атмосфера жарких споров о литературе, чтение и обсуждение произведений мировой классики, сама чешская среда — все это оказало большое влияние на формирование его таланта. Он был поклонником творчества чешских писателей

Я. Неруды и Св. Чеха. Увлечение философией М. Г. Масарика сочеталось в нем с интересом к личности и учению Л. Толстого. Первые литературные опыты

Кукучина (этюды, зарисовки, рассказы) тепло встретили читатели и критика. В них он воссоздал реальную действительность через тему (описание деревенской среды), героя (крестьяне) и сам способ изображения (незамысловатость сюжета, юмор, реалистическая деталь, народный разговорный язык), в котором нет активного присутствия авторского субъекта. В лучших произведениях того времени («Рыжая телка», 1885, «Непробужденный», 1886,

«В день св. Михала», 1886 и др.), написанных под влиянием деревенских сказочных традиций, писатель проявил свою способность мастера-рассказчика. В изображении героев он сочетает психологизм, пластичность с гротеском и карикатурой. Как правило, не вписываясь в идиллическую деревенскую среду, его персонажи вступают с ней в противоречие, которое разрешается двояко: либо комическим путем («Рыжая телка»), либо драмой («Непробужденный»).

Пребывание Кукучина в Праге стало источником его ностальгических настроений, звучащих в подтексте произведений. Позже, когда он покинет Словакию и в поисках заработка в качестве врача отправится в Далмацию на остров Брач (1893–1907), а затем в Южную Америку, в Чили (1907), эти настроения еще более усилятся. Одновременно все настойчивее зазвучит в его творчестве тема гармонии и жизненного постоянства. На рубеже 80–90-х гг. в его рассказах появится образ путника («Рождественские вафли», 1890), мотив отчуждения, порой принимающий форму воспоминаний о детстве, наведения с ним временных мостов («Молодые годы», 1889).

Увлечение философией Л. Толстого дало о себе знать в новелле «Судный день» (1893). Идеи нравственного очищения, всепрощения, подведения итогов перед концом жизненного пути определили способ разрешения конфликта между Сикорой и близкими ему людьми. Годом позже, прибыв на остров Брач, писатель завершает работу над новеллой «Записки из грустного дома» (1894). Вдохновленный творчеством Достоевского, он использует

в ней свой пражский опыт городской жизни. Трагические мотивы (финансовый крах семьи, смерть матери, нравственное падение дочери), которые звучали в его ранних произведениях, определяют здесь психологически прорисованные характеры.

В период пребывания в Далмации Кукучин, очарованный природой южного края, под воздействием событий личной жизни (женитьба на дочери владельца магазина Дидолич) много размышляет о смысле человеческого существования, пытается найти в нем гармонию, о чем рассказывает в так и не завершеном романе. Одновременно он пишет очерки, в которых повествует о своих путешествиях по Далмации. Мотив возвращения, звучащий в его произведениях того времени, найдет свое логическое развитие в романе о жителях острова Брач «Дом на склоне» (1903–04). Один из рукописных вариантов книги автор завершает фразой из поэзии Дж. Леопарди: *«Две составляющие есть у мира — любовь и смерть»*, которая является ключом к постижению ее глубинного смысла (Ю. Ногэ). Эти два понятия образуют рамки, в которые заключено действие романа: любовь рождает жизнь, смерть ее завершает. При этом путь каждого человека строго предопределен, над всем довлеет сила традиций, которые все возвращают в свое русло. Однако мысль о предопределенности пути каждого человека, звучащая и ранее в произведениях Кукучина, обретает здесь новый смысл из-за ее подчиненности идее непримиримого противостояния социальных сил в обществе. Неравная любовь дочери крестьянина Мате Берачца — Катигицы и дворянского сына Нико

Дубчича изначально обречена в виду принадлежности героев к разным социальным слоям общества. В романе показан постепенный крах иллюзий, связанных с возможностью преодолеть все препятствия на пути к счастью, который предопределен все возрастающей значимостью мотива социальных противоречий (его кульминация — сцена прихода Катицы в дом Нико). Таким образом, попытка героев нарушить традиции, устоявшиеся каноны жизни завершается крахом. Каждый из них остается в своей среде, находит там свое счастье (Нико — Дорицу, Катица — Пашко Бобица). Остроту противоречий сглаживает приближающийся конец Мате Бераца, символизирующий крушение старых устоев, в том числе в характере общественных отношений (разрушение патриархально-феодального общества и формирование класса предпринимателей, таких как Зандоме, Анзуля). Одновременно смерть героя отчасти сближает, объединяет всех персонажей, что соответствует взглядам писателя относительно гармонии человеческих отношений, отвечает его представлениям о едином временном жизненном потоке, вливающимся в вечность. В эстетическом плане роман продолжает линию ранних произведений автора, который сочетает широкий охват действительности с сатирой на отдельных представителей общества (главы «Фиеста», «Еще раз Фиеста и что там произошло»), символикой мотивов и образов (мотив дома), разнообразны-

ми средствами психологического анализа, живописными картинами природы, предметной детализацией, использованием цвета, звука и др.

Покинув Далмацию, Кукучин отправляется в Южную Америку (Чили, 1907–22). В письме к Й. Шкультеты свой переезд он объясняет инстинктом бродяжничества, которым одарил его отец. В 1922 г он приезжает в Словакию. Неоднократные посещения Словакии после образования Чехословацкой Республики (1918) принесли Кукучину горькие разочарования. Он не разделял всеобщего оптимизма по поводу ее создания. Вопреки желанию словацкой интеллигенции и настойчивости представителей власти он не захотел навсегда остаться на родине. В одном из писем он вспоминал, что после каждого посещения Словакии он заболевает — *«не физически, конечно»*. Не осуществил он свои планы относительно создания романа о современной действительности, ибо, как он писал, *«современность приводила меня (Кукучина — А. М.) в ужас, а посему я обратился к прошлому»*. В 1925 г. был опубликован его роман «Мать зовет», который свидетельствует о новом этапе раздумий писателя о жизни и судьбе человека. Этот роман критик О. Чепан назвал *«лабиринтом света и раем сердца» словацкого романа*. Последние годы жизни он работает над историческими романами из времен штуровской эпохи («Лукаш Благодеев Красонь» и «Богумил Вализлость Забор»).

НЕПРОБУЖДЕННЫЙ

1

На земле лежит Ондраш Махуля, *гусар*¹ леновецкий. И не то чтобы он был убит или ранен — просто валяется на выгоне, поскольку делать ему нечего. Тело — будто мертвая колода, и только широко раскинутые ноги выдают в нем живого, порою чуть подергиваясь. Не мешают ему и мухи, хотя они так и липнут, ползая по его лицу. Уж так по душе ему отдых на жарком солнцепеке, что даже за половину деревни Леновец не отказался бы он от этой сладкой дремоты. И вкушает он ее вовсе не бездумно, а с жадностью, с удовольствием. Перед его зажмуренными глазами возникает сначала маленькая черная точка, которая постепенно растет, становится цветной, расширяется во все стороны. Но стоит лишь моргнуть — и марево развеивается, потом возникает вновь и опять исчезает — Ондраш засыпает. Ну кто же ему не позавидует? Не надо заботиться ни о жене, ни о детях, ни о скотине, ни о доме, ни о хозяйстве — ни о чем. Живет, словно в раю.

Он — *гусар*, но нет при нем ни коня, пасущегося поблизости, ни мундира, что скрывал бы недостатки, которыми наградила его мать-природа. Вместо этого виднеются его разбредшиеся по всему косогору гуси, которые пасутся, сбившись в кучки — большие или маленькие. Гусиная республика не желает признавать *гусара* своим суверенным господином — только когда приходится. Да и сам он даже не думает без нужды идти против их воли, уж больно хлопотно это, а результата — никакого. Согнанные в стадо гуси все равно, не успеешь перекреститься, снова разбредаются по всему косогору, а гусопас — снова их собирай.

Вот и хорошо, что он так себе и полеживает, ведь это единственное преимущество в его положении. Достаточно он мотается туда-сюда по всем дворам, так пусть хоть тут, на лугу, понежится. В деревне гоняют его отовсюду — всем он мешает. А здесь, на лугу, он не мешает никому, разве что только траве, на которой лежит, отнимая у нее солнечный свет. Но и то — она до осени, слава богу, и эту потерю себе возместит.

Правду сказать, Ондраш Махуля — убогое создание божье. Каждый, поглядев на него, жалеет беднягу. Господь словно нарочно создал его людям на удивление, наделив всякими недостатками. Голова у него большая, поросшая жесткими, торчащими в разные стороны волосами, больше похожими на звериную шерсть. Лоб низкий, глаза необычно маленькие, скулы выступают, нос приплюснутый, будто лепешка, а рот широкий. Вся фигура низенькая, недоразвитая, сгорбленная. При ходьбе руки у него болтаются взад-вперед, будто цепи — и вообще этот чело-

¹ *Гусар* (слов. диалектн. *husár*) — гусопас, гусиный пастух.

век мало похож на человека. Люди с состраданием смотрят на него и обращаются с ним осторожно, как с маленьким, слабым ребенком. Только сам он не считает себя уродом, и, будучи довольным самим собой, никогда не ропщет на судьбу и свое убожество. Он даже, кажется, полагает, что вполне хорош собой, поскольку часто останавливается у края болота и любит свои отражением в нечистой его глади. Вкус у него есть, он может отличить красивое от безобразного, но о своей особе судит предвзято. Что поделаешь, тоже — человек.

Родители его были в Леновце очень уважаемыми хозяевами. Все любили их как порядочных, добросердечных людей. Никто не мог бы сказать о них дурного слова. И каждый от всей души жалел их, когда родился у них этот сын, Ондраш. По деревне стали шептаться, будто его подбросила им ведьма взамен их собственного здорового, красивого ребенка. А иные упрекали роженицу в том, что как-то на ярмарке она засмотрелась на обезьяну...

Махуля пришел в отчаяние, а его жена чуть жизни не лишилась, взглянув на собственного ребенка. Но все же бедняжка покорила воле божьей и с еще большей любовью привлекла к сердцу свое дитя. И любила его даже больше, чем если бы он был таким, каким она себе его представляла.

А отца это еще больше отвратило от ребенка. Он не мог на него даже смотреть. Всякий раз замирало в нем сердце, и терзала жестокая боль. Часто сидел он в задумчивости за столом, подперев руками голову, и лицо его мрачнело от дурных мыслей и отчаяния. Жена не осмеливалась спрашивать, что с ним происходит, она и сама хорошо знала, отчего он так мучится. Лишь однажды решилась сказать ему:

— Яно, не печалься ни о чем. На все воля божья.

Тот посмотрел на нее исподлобья, и во взгляде его была такая ненависть, какой жена еще ни разу не видела. С затаенной болью он воскликнул: — Как же мне не печалиться, если у меня не дитя народилось, а... Да что там, — махнул он рукой, — это не дитя. Все кругом смеются надо мной, по глазам видно, как они радуются моему несчастью. Сердце-то так и разрывается. А они радуются у меня за спиной, думают, я дальше своего носа не вижу.

— Никто над тобой не смеется, нет! Они же не нехристи какие, чтобы над твоим несчастьем смеяться.

Яно горько расхохотался: — Ха-ха-ха! Как же, не смеются! Хорошо тебе говорить — не смеются, ты ведь на людях не бываешь — не смеются! Пошла бы хоть в поле, как я, или в кузницу, увидела бы, как они не смеются! Да и как не смеются родителю, у которого красивое дитя, над родителем, у которого такой задохлик! Господи, если бы у меня было дитя, как мне хотелось! Эх... От его болезненного стога жгало сердце бедной женщины. Но она собралась с силами и стала утешать его, зная добрую, мягкую душу мужа, открытую для мудрого, ласкового слова.

— Видишь, я его и такого люблю, все-таки это создание божье. И ты привыкнешь к нему, главное — взять его на руки. Яно, попробуй... ведь ты его отец...

— Нет, Зуза, нет! Оставь, не могу. Бог и люди свидетели — не могу. Только подумаю о нем, сердце так и заходится. Как же мне его на руки взять? Лучше бы, наверно, его и вовсе не было.

Зуза так и оберла, сердце ее затрепетало от боли. Она принялась горячо и настойчиво убеждать мужа: — Не гневи бога, Яно. До сих пор мы от него только доброе видели, а теперь из-за одного худого должны грешить против него? Нет, это наказание, что он на нас послал, мы будем с терпением нести.

— Да я от всего своего добра сразу бы отказался, только бы этого не случилось, сразу же! На что мне все это добро, весь достаток, если некому будет его оставить?

— Ну, на нас, людей, не угодишь. А вот если бы сейчас исполнилось твое желание, и отнял бы у тебя бог дом, поле, луга, скот, хозяйство, здоровье, разве не стал бы ты снова его гневить — на что, мол, тебе красивый сын, если нечего ему оставить? Знаю, ты снова стал бы требовать от него вернуть твое добро, и пусть бы сын оставался таким, какой он сейчас. Люди всегда гонятся за тем, чего у них нет. А что имеют — то ни в грош не ставят.

Яно сокрушенно молчал, не находя слов. Он знал, что жена говорит святую правду, она угадала, что происходит в его душе. Но именно это его и злило. Не мог он стерпеть от жены поучений; к душевной боли добавилась еще и оскорбленная гордыня. Взгляд его беспокойно блуждал по углам и стал суровым. В гневе и отчаянии Яно выбежал из дома, хлопнув дверь.

Утешение он нашел в корчме — впервые.

Была глубокая ночь, когда он, шатаясь, доплелся домой. Жена не поверила своим глазам — это не он, не ее Яно. Затаив дыхание, следила она за каждым его шагом. Но Яно не беспокоился ни о жене, ни о ком другом. Он устало сел на лавку и, опершись на стол, стал бормотать что-то сквозь зубы. Покачиваясь, сидел он на своем месте, но сон так и не шел к нему. Ребенок в люльке зашевелился и начал плакать. Мать тут же подбежала к нему и принялась баюкать.

— Ну, что не спишь? Ложись, спи! А этот пусть орет, если хочет, хоть до утра...

— Ложись и ты, Яно. Ведь ночь уже.

— Я? Ох, нет... не до сна мне, лучше тут побуду ... и оставь меня в покое... ох, оставь...

Дальше Яно бормотал что-то в полусне. Одной ногой он все еще стоял в яви, а другая уже шагнула на таинственные тропы царства сна, рожденного живой фантазией. Обостренная семейным несчастьем и алкоголем, она, будто в насмешку ему, вызывала в нем сладкие грезы, еще больше затуманивая сознание. Прекрасные сновидения прервал крик ребенка, которому именно в этот день плохо спалось. Яно вскочил на ноги и подошел к жене. Страшные слова вырвались из его уст. В ужасе она воскликнула: — Боже мой, Яно! Уйди, уйди! Не поднимай руку на невинное дитя!

Яно вынул ребенка из люльки и прижал к себе. Но в его взгляде не было любви. Только ненависть, злоба, боль. Мать, почуяв опасность, бросилась к нему и выхватила ребенка из его рук. Яно, зашатавшись, оперся на стол и с удивлением глядел на нее, а она, как была, простоволосая и босая, убежала с ребенком к старшей сестре.

Яно повалился на лавку и спал до самого утра. Проснулся он с тяжелой головой и ничего не мог вспомнить, только отсутствие жены и пустая люлька навели

его мысли на верный путь. Жены и ребенка было ему жаль, и он заплакал, поняв, что наделал, но за ней не пошел, не стал просить ее вернуться домой. Что-то мешало ему — он и сам не знал, что. Остался Яно один. Тоскливо стало в доме — некому ни соготовить, ни прибрать! Запер он двери и снова пошел туда же, куда и вчера, горе свое заливать.

Так прошел год-другой. Яно привык к такой жизни и бывал чаще в корчме, чем дома. Так лишился он даже того малого, что отец ему оставил, да и самому трудиться было незачем — после смерти все равно некому хозяйство оставить. В деревне негде ему было голову приклонить, и еще до зимы перебрался он в винокурню. А там он мог подкрепляться, сколько душа запросит. Весной исчез он и из винокурни, ни слуху, ни духу о нем не осталось. Подался, наверно, в Пешт и там где-нибудь бродяжничает, если пьянство в могилу не свело.

Буза жила у сестры. Отлучив ребенка, стала ходить на заработки. Но жизнь ей, несчастной жене и матери, была уже не мила. Она избегала людей, как могла, видя издевку даже там, где ее не было. В конце концов, смерть освободила ее от всех тягот жизни. Мальчик остался на попечении тетки.

И горя не знал. Она по-матерински за ним ухаживала, потом в школу снарядила. Мальчик хорошо учился, и по всему было видно, что даже в этом неказистом теле живет душа — душа, как у всех остальных. Это служило большим утешением и наградой для заботливой тетки.

2

Ондрашу уже двадцать лет, даже больше, но надежды тетки, которые она питала с раннего его детства, что дальнейшее развитие исправит ошибки природы, не оправдались. Изъяны не только не уменьшались, а, более того, из года в год проявлялись все резче. Тело его было очень слабым, и к другой работе, кроме как пасти гусей, не приспособленным. Ум никак не поспевал за возрастом, и только память и, особенно — фантазия развивались, да и то в ущерб природному уму и сообразительности. О чем бы он ни рассуждал — все было как-то по-детски. Что ни делал — во всем до сих пор проявлялась ребячливость. Тетка и все остальные все еще и обращались с ним, как с малолетним.

Так и живет он в одиночестве, без друга, без сердца, которое понимало бы его. Ровесники сызмала сторонятся его, и только среди детей у него больше всего знакомых и приятелей. С ними он скорее договорится, они прекрасно его понимают. Часто прибегают к нему на выпас всей ватагой, и он забавляется с ними у ручья. Ондраш отводит воду на желоба, сделанные из сухой коры, снизу пристраивает ивовый пруттик, на который крест-накрест насаживает узкие дощечки — и вот мельничка уже крутится. Если работа удалась, он хлопает в ладоши и радуется вместе с ними. Умеет он и сказочки рассказывать — дети слушают его, затаив дыхание. Это и привлекает к ним Ондраша, он доволен, что у него есть свое царство, в котором он правит, и потому с еще большим увлечением рассказывает им, а дети еще больше льнут к нему.

Но сегодня ему не хочется строить мельнички. Он один, а одному играть не интересно. Ему и так хорошо — полежать на зеленой травке. Мысли его летают, бог знает где. Он представляет, будто идет в рыцарских доспехах к замку на сорочьей ножке. Он победил в бою с драконом, и кошка, единственная обитательница замка, превратилась в принцессу. И вот она падает к нему в объятия и клянется в вечной, вечной любви. Как же ему не улыбаться? Разве ему надо вырвать из своей груди жажду счастья? Он улыбается, но только это не улыбка, а кривая улыбка, которая еще больше уродует его лицо.

К нему на лоб села муха, и хотя он ощущает, как муха ползает по нему, не прогоняет ее. Думает, достаточно будет наморщить и разгладить лоб. Муха улетает, но вскоре возвращается и продолжает свое дело. Ондраш не чувствует ничего, он продолжает мечтать.

Муха села на щеку и стала пробираться через редкую щетину на подбородке. Это уж Ондраша доняло. Он поднял руку и со всей силы хлопнул по щеке. Муха успела спастись — вовремя улетела. А Ондраш все мечтал и мечтал.

Долго ли он так лежал и видел сны, он и сам не знал. Только эти сны прервали шаги, такие легкие, что даже трава под ними не сгибалась. Ондраш и поглядел бы, кто это, но тяжело было поднять голову. Верно, мальчик какой-нибудь идет, за мельничкой. Лучше бы сегодня дома остался. Не будет Ондраш мастерить мельничку, хоть бы это и самого старосты сынок был. Ведь принцесса так мило ему улыбается! Даже десять мельниц, не то, что мельничек, не сравнится с этой улыбкой!

Шаги зашуршали совсем близко. Ондраш зажмурил глаза, притворился спящим. Сквозь чуть приоткрытые веки он увидел неясные контуры фигуры — но не детской. Кто-то взрослый. Вот она склонилась над ним, и послышался мягкий, тихий голос:

— Ондраш, Ондраш!

Он открыл глаза — и даже вытаращился. Какой голос, ох, какой голос! Прямо, как у принцессы!

— Это ты, что ли, Зюзка?

Изящная головка кивнула ему — головка Зюзки Бежановой. Ондраш прижмурил глаза — сияние этой красоты ослепляло его. И не удивительно. Ясное лицо ее — словно алая роза, чьи лепестки озарило солнце. Пара голубых очей, словно вобравших в себя цвет неба, задумчиво глядели на Ондраша. Алые губы приоткрывали два ряда белых жемчугов. Ондрашу снова пришла на ум принцесса. Даже она не могла быть прекраснее, только что наряд у нее — со звездочками. Но и Зюзкин был не хуже. Вот эта красная косынка на шее с такими кисточками очень красит ее, да и белые пышные рукава сорочки тоже. А белая гладкая рука, она словно бы вырастает из белых сборок рукава. Ондраш, вытаращив глаза, смотрел на этот милый образ и воображал, будто стоит на пороге волшебного замка.

Зюзка, не замечая, что с ним творится, без церемоний поторопила его:

— Ну же, быстро вставай и ешь!

— Ага — ага! — Ондраш только сейчас сообразил, что перед ним не принцесса, а Зюзка. И пришла она не за тем, чтобы броситься в его объятия и пригласить

в волшебный замок — она принесла ему обед. Ондраш подрядился пасти молодых гусей — по грошу за голову, старых — по два, да при этом, пока выпас не кончится — еще и харч от каждого дома по очереди. Сегодня — от Бежанов. Зюзка принесла ему поесть.

Ну, есть, так есть. Лицо его погасло, потускнело, словно луна, затянутая легким облаком. Он взял двойной горшок-полевик и глянул, что там в нем. Без всякого интереса. Почему Зюзка не пришла к нему, пусть и с пустыми руками, зато с горячим сердцем, как та принцесса? Почему?

— А чего ты так спешишь? — спросил он холодно, посмотрев на нее с безразличием.

— Видишь, что у нас сейчас! — она приподняла кованный серп, зажатый в руке, и указала им на противоположный склон, усеянный жнецами.

— Ага... Ты тоже идешь... мням, мням!

И он стал быстро прибирать ложку за ложкой, так что полевик стремительно пустел. Ондраш весь отдался поглощению пищи, на Зюзку даже не смотрел. По нему было видно, что ест он не просто машинально, по привычке, а вкладывает в это дело всю душу. Опустевший полевик он завязал в платок и подал его Зюзке.

— На! Пустой уже — можешь идти!

И утер рукавом губы.

Зюзка заметила случившуюся с ним перемену, но не могла ее объяснить. Смотрит так холодно, а минуту назад можно было растаять от его жаркого взгляда. Ей не хотелось оставлять эту загадку без ответа. И Зюзка начала издалека.

— Ты, никак, сердиться? Видно, обед не по вкусу пришелся. Но знаешь, как оно сейчас, в страду — уж извини.

— Да что там — обед! Я вот посюда наелся! — и Ондраш провел ладонью по горлу. Видно, для него было важно не какова еда, а достаточно ли ее.

— А все-таки ты на что-то сердиться.

— Я? Вовсе я не сержусь.

Но было заметно, что он при этом колебался.

Зюзку так и подмывало дознаться правды, ответ ее не устраивал, она не понимала, почему Ондраш так изменился. К тому же ее немного обижало и то, что этот бедолага не покоряется ей, выходит за пределы круга, где она раньше властвовала над ним.

— Ну, и хорошо, когда ты не сердиться — больше мне нравишься. Я надутых не люблю, которые, чуть что не по ним, как индюки ходят, смотреть противно.

Ондраша ее слова рассердили. И никакая она не принцесса, и вообще никто — и он резко бросил:

— Вот и не смотри... плакать не буду. Как хочешь!

— Да знаю я, знаю... — и Зюзка притворно вздохнула. — Гордый ты больно, на меня и не глядишь. Почему так, не знаю — даже на двор к нам не заглянешь, когда гусей мимо гонишь. Не знаю... — и кокетливо потупила глаза, вода маленькой ножкой по земле.

Ондраша от этих слов разобрало. — Все-таки принцесса это, принцесса! Точно, принцесса, — возликовал он в душе и подошел к ней.

— И что, обидно тебе это, обидно? Верно, ты больше бы обиделась, если бы Яно Дубрава на тебя не глядел.

От слов гусопаса в ее глазах вспыхнул злой огонь. Тонким, трясущимся от негодования голосом она произнесла:

— Он? Очень нужно — даже и не подумала бы.

— Вы с ним разве поссорились? — Гусопас приоткрыл рот, ожидая ответа. Зузка пыталась ответить твердым голосом, но напрасно. Тихо, почти жалобно она подтвердила.

— Разошлись мы — насовсем.

Судорожный вздох вырвался из ее груди. Ондраш заметил это. Его охватило сладкое ощущение, будто сердце девушки медленно раскрывается перед ним, уголок за уголком. Он открыто и искренне поглядел ей в глаза.

— Не жалею, что он на тебе не женится. Он тебя не стоит. Такую, как ты, ему никогда не найти, хоть весь свет обойдет.

Зузке приятно было услышать похвалу себе, пусть даже из уст гусопаса. Вода, по каким бы трубам она ни текла, главное — чтобы была чистой. Хвали, кто хочешь — главное, чтобы хвалили. Лестны ей были такие речи, и захотелось еще их послушать.

— Это ты мне в глаза так говоришь, а потом... Он тоже так говорил... — она невольно вздохнула. В ее голосе снова послышались прежние болезненные нотки. Ондраш видел, что сердце ее готово разорваться — это его опечалило.

— А ты все по нем убиваешься. Не убивайся, не надо!

Но этим он только разбередил ее рану.

— Как не убиваться: ведь он меня бросил, теперь у него другая.

Щеки гусопаса запылали. Он уже был в ее власти. В восторге Ондраш закричал:

— Не бойся, — я тебя не брошу! Знаешь, сколько раз я шептал тебе ласковые слова, когда ты не слышала? Одной тебе шептал, ты была всех других лучше, так бы и глядел. Раз меня даже побили за это.

Давно уж не чувствовал он, как быстро может течь по его жилам кровь. Да, сейчас ему было куда жарче, чем давече, когда лежал на солнышке. Девушка улыбнулась ему, и от одной ее улыбки Ондраш растаял. Верхняя губа его задергалась.

— Ты ж помнишь? Еще потом тоже меня сторонилась — будто мы и не знакомы. А потом с этим Дубравой закрутила — уж как мне обидно было. Ну, зато теперь все хорошо.

Зузка достигла своей цели: гусопас был покорен. Но ей хотелось насладиться своей победой. Что-то так и подгоняло ее дальше — еще дальше.

— Ну, и что теперь?

Ондраша ее вопрос обескуражил. Он не понимал, как можно не догадываться.

— Теперь? Вот допасу до осени — и поженимся. Пойдем, как полагается, в церковь, напишут оглашение. За катехизис не бойся — я и за тебя все отвечу. И будет нам весь свет завидовать.

Зузка снова повеселела — к ней вернулось хорошее настроение. Ондраш понял это так, что ей понравились его речи. Но она хотела поиграть с ним еще.

— А есть — что есть-то будем?

— Есть? Дадут что-нибудь за выпас — нам и хватит.

— Но у тебя же и пропало много. Сколько гусей ты растерял?

— Ни одного. Поверь, ни одного, — и он положил руку на сердце.

— А Фиаловская гусыня — куда подевалась? Тебя в этом винят, да и Рубалы на тебя жалуются.

Гусопас выслушал ее молча и добродушно улыбнулся.

— Фиаловская гусыня! Так она в лес забрела. Нечего было туда ходить — могла бы уж ума набраться! А Рубаловская домой пришла — это я точно знаю. Видел, как она хвостом по дороге мела. А уж с их двора, должно быть, и ушла — все ей было мало. Забрела к кому-нибудь в сад — и отравили ее. А теперь на меня сваливают.

— Ладно, есть-то будет что, а где жить?

— Ну, как! У тетки, там чулан есть подходящий. Нам хорошо будет.

— Но я — я не хочу по чужим домам ютиться. Мне своего хочется.

— Хорошо — построю... маленький домик.

— А на свадьбу в чем пойдешь?

— В чем? У меня есть в чем.

И гусопас оглядел свою одежду, которая даже когда была новой, совсем не напоминала костюм здешнего леновецкого покроя: она выглядела в точности такой, как шьют мальчикам лет десяти — только что из крашеного холста. Да и то на колене виднелась большая дыра.

— У тебя должен быть наряд, как у других парней.

— Мне его тетка закажет — когда допасу. Сказала — еще и кожушок мне купит.

— Но еще и деньги нужны на пропитание. Ха-ха-ха! — Зузка засмеялась, видя, как он растерялся от ее слов, и пошла прочь.

— Погоди — не убегай! Послезавтра суббота: я приду за букетиком¹.

— Нет — послезавтра не приходи. Я сама скажу, когда тебе приходиться. Ведь еще и ноготки не зацвели. Понимаешь?

Ондраш успокоился.

— Ну, хорошо — хорошо!

Зузка отошла пружинистым шагом. Ондраш долго смотрел ей в след — она ему нравилась. — Гм... хорошая жена из нее будет! Работница. Походка — прямо гренадер, парой мы будем — на заглядение. А Дубрава — да что там, он ее не стоит! Сама мне призналась... гм, гм....

¹ Букетик (перо) — по народному обычаю невеста дарит жениху перед свадьбой букетик или перо, которым тот украшает шляпу.

И гусопас до вечера не размышлял ни о чем другом, а только о принцессе, которую уже нашел — на самом деле. Его замок на сорочьей ножке уже не крутится, остановился. Даже не пришлось ногой на него топнуть.

3

Тетка гусопаса жила в справном домике посреди деревни. Она уже вдова, и вдова набожная. Ни одной воскресной службы не пропустит, хоть бы на карачках пришлось ползти. И это придает ей в деревне большой вес, поскольку она и поступает так же, как говорит. Не оставит в беде нуждающегося, готова даже от себя последний кусок оторвать. Зато своим цепким взглядом осмотрит каждого нищего и если увидит, что тот еще способен работать, так и обдаст его, словно из ушата, целым потоком острых словечек, так что бедняга не знает, как бы поскорее ноги с ее двора унести. И во всем она такая справедливая и порядочная, потому и стоит выше всех других женщин в Леновце. Люди признают за ней эту власть и опасаются ее языка. Вся деревня величает ее уважительно теткой.

Только в собственном доме не может она ничего поделывать. В другом месте она что задумает — то и сделает, а дома — не получается. Тут предметом для ее острого языка бывает Ондраш. И о чем ему тетка ни тверди — все как о стенку горох. Он перед ней шею не гнет, потому ей с его чудачествами не справиться ни по-хорошему, ни по-плохому — никак. Другой бы на ее месте перестал бисер метать и воду решетом носить — но ее энергичная натура не может стерпеть никакого сопротивления, и она не оставляет своих попыток.

Только напрасный это труд — что бычий пузырь в воде топить, что Ондраша изменить. Махуля так и останется Махулей, пока рак на горе не свистнет.

Тетка только что пришла с жатвы и, усталая, отдыхала на завалинке. И тут, откуда ни возьмись, входит на двор радостный Ондраш. Лицо его скривилось от улыбки. Видно, природа уготовила ему одни беды и невзгоды — и даже улыбка его портит! Тетка испытующе посмотрела на него, понимая, что он несет какую-то добрую весть.

— Тетка — если бы вы знали!

— Если бы я знала — тебе бы и говорить не надо было.

— Ну, так я вам скажу что-то!

— Говори! — ободрила его она. Ондраш обнял тетку за шею и по-детски прильнул к ней. Это тронуло ее сердце — оно согрелось и вспыхнуло любовью к нему, настоящей материнской любовью. Каждый раз, когда он так к ней прижимался, она вспоминала свою покойную сестру, которая на смертном одре передала ей свое единственное, несчастное дитя... Глаза ее увлажнились, она погладила парня по жестким волосам. И приободрила его еще раз: — Ну, так расскажи, если это что-то хорошее.

— Как не хорошее! Я жениться буду.

— Что это тебе опять в голову взбрело? Жени-и-ться?

— Да, жениться, — упрямо подтвердил Ондраш.

— И кого за себя берешь — метлу разве что?

— Зузку Бежанову.

— Ты уж, пожалуйста, меня не серди. Зузку Бежанову! Так-таки — и Зузку Бежанову. За тебя, сын мой, и цыганка не пойдет — не то, что Зузка Бежанова. Видно, голову тебе на этом лугу напекло! Говорила я, чтобы не валялся ты там без толку, почитал бы лучше что-нибудь из Нового Завета. Зузку Бежанову! — Тетка зашла от возмущения. В ее голосе уже не было никакой нежности. А Ондраш все твердил:

— Ага, Зузка... пойдет за меня — сама сказала.

— Только если весь ум порастеряла!

— Она сама сказала. Как допасу, так и поженимся.

— Поженит тебя старый Бежан, дожидайся! Разве что дубинкой! Гляди, никому в деревне не рассказывай, а то услышит — язык тебе вырвет.

— Да если Зузка хочет...

— Говорю, совсем ты ума лишился. Подумай только: как может Зузка за тебя выйти? Богатая невеста — за нищего, самая пригожая девка — за пугало! Ты на себя посмотри! Даже нищий так не ходит.

— И я не буду — уже сегодня!

— Да знаешь — знаешь ты, за кого она пойдет? Ведь она уже сговорилась с Яном Дубравой. Весной он помогал Бежанам с пахотой — а нынче у них косит. Ну, разве бросила бы она Дубраву и за тебя бы пошла!

— Они уже разошлись. Сказала, не хочет за него.

— Кто же это тебе наболтал? Скажи мне, только чистую правду.

— Она сказала, когда еду мне на выпас приносила.

— Да? Лучше бы сказала, чтобы ты вот эту дыру на колене залатал, парень! И как не совестно ходить таким оборванцем! Только погляди на себя. Ходил бы хоть, как все люди.

— Ага — куплю себе штаны и рубаху. А вы на Всех святых купите мне шляпу и сапожки, а потом...

— Сходи в лес, наковыряй из коры деревянных грошей. Если тебе сошьют за них штаны и рубаху — тогда ладно.

— За эти не сошьют, а за выпас...

— За выпас? Ничего не получишь, ни гроша. Все ты растерял. А я, грешная, забота, как тебя обушь-одеть на зиму.

— Будет у меня одежда — сошьют. И не одного гуся я не растерял, все на меня сваливают.

— Ну, хорошо. А жить-то где будете? Думаешь, тебя в примачи возьмут и будут там обхаживать?

— Отец даст нам садик — в нем и дом выстрою.

— Разве что только из глины да грязи слепишь...

— Из дерева будет — из дерева.

— Что-то больно много ты захотел. И пасти, и одежду заказывать, и жениться, и дом выстроить. Умел бы руками так работать, как языком... другое бы дело!

— Вы только шерсти на одежду купите. Спрядем ее до осени, пока еще что-нибудь будет...

— Сын мой, пока еще что-нибудь будет, до той поры на овцах десять раз шерсть нарстет. Об этом не заботься! Смотри только, не болтай о таких вещах, как женитьба. Если старый Бежан услышит — на месте тебя прильет. А молодой Дубрава — этот тебе руки-ноги оторвет.

— Я и не болтаю — и не буду. Она мне сказала — я и женюсь.

— Молчи, ради бога, дитя неразумное! Не делай из себя посмешище, довольно, что другие смеются. Моли бога, чтобы дал он тебе благословение свое и на ум наставил.

Ондраш поспешил скрыться от разгневанной тетки, а та решительным шагом направилась к Бежанам, разузнать, в чем тут дело.

Хозяйка Бежанова вытаращила глаза от удивления, увидев, что к ним заявила старая тетка.

— Ой, ведь вы давно у нас не были. Надо бы вам яичко дать. И что же вас сюда привело?

— Да ты только подумай, парню моему что в голову взбрело — жениться хочет. Бежанова от удивления всплеснула руками.

— Ах, да что вы говорите.

— И, милая моя, — продолжала тетка, — твою девку взять собирается

Бежанова, расцепив сложенные на груди руки, махнула, словно отгоняя тетку.

— Да что вы — что вы!

— Так и есть! Меня тоже чуть не разорвало от злости. О женитьбе-то он никогда еще не заговаривал — только сегодня мне похвастался.

— Может, с ним опять что-то случилось. Голова-то у него не совсем на месте. Он ведь как ребенок.

— Ну, конечно — никакого разумения. Только ведь кто-то его взбаламутил. Он говорит, что твоя девка.

— Как?

— Так, что пообещалась ему, когда обед на выпас приносила. К осени и свадьбу должны сыграть.

Бежанова рассмеялась от души.

— А ведь могла она! Снова ей какая-нибудь шалость в голову взбрела — и мгла!

— Так ты скажи ей, пусть оставит парня в покое. Мне ведь потом с ним мучиться.

— Правда... правда. Знаете — молодая девка, болтает как сорока, без всякого толку. А моя и покрасоваться любит. С малых лет была такая ладная, такая егоза — не дай боже, прямо огонь. Но я ей скажу, чтобы не дурила ему голову, бедолаге.

— Да уж, скажи, будь добра. Пусть уж лучше к нему не подходит. Так у него все скорее из головы вылетит.

— А как же иначе? Конечно, вылетит!

И они расстались в полном согласии. Одна хвалила другую — какая та порядочная да разумная. И действительно, обе были порядочными и разумными женщинами.

4

Ондраш Махуля начал серьезно готовиться к свадьбе. Еще в тот же вечер он залатал дыру на штанине, чтобы завтра тетке не в чем было его упрекнуть. Он хотел пораньше собрать свое стадо и потому заранее пришел за едой. Столовался он теперь у соседей, что жили подальше от Бежанов. Хозяева удивились, когда он спозаранку явился к ним в дом. Прежде Ондруш приходил за полчаса до полудня, когда еда уже остывала — а сегодня она была еще на плите.

— Ну, сынок — что-то ты сегодня рано встал. Видать, с вечера не наелся, как следует. Не смог, наверно, больше поесть — Зузки постеснялся.

Ондпаш со значением улыбнулся хозяйке, которая так верно заметила, что у него на сердце и в желудке. А еще больше его обрадовало, когда она по-свойски обратилась к нему: — Ондраш — тебе бы и вправду надо какую ни то присмотреть... годы-то идут... пока молодой, устраивайся. В старости уж поздно будет.

— Ну да — ну да, — горячо поддержал он. — Я уж позаботился.

— Ах, разрази меня гром! Экий ведь, хитрец! Но на свадьбу-то хоть пригласи! Хотелось бы и мне повеселиться.

Ондраш не обещал ей ничего. Много бы таких набежало на свадьбу, если бы он приглашал каждого, кто попросится! Он заглянул на кухню и нахмурился. На плите стояла кастрюля с картошкой, вода еще не закипела, только начала пениться.

— Не дадите чего-нибудь съесть? Я бы уж пошел.

— Да куда ж ты так спешишь? И через два часа поесть успеешь. Вот уж и пена пошла — погоди, покуда закипит.

— А с вечера у вас ничего не осталось? Я бы и холодного съел.

— Еще чего не хватало! Чтоб ты потом про меня говорил, что холодным тебя кормлю! Все ж мне невдомек, что такое сегодня случилось, почему ты так торопишься?

— Сгонять уже хочу, сгонять.

— Да зачем? Еще ведь и телят не прогоняли... Или ты прежде телятника хочешь?

Ондраш сел ждать, вертясь, как на гвоздях. Вскоре — а ему показалось, что год прошел — хозяйка подала картошку с молоком. Он всегда был горячим поклонником этой еды. Но сейчас она не так его радовала. Ондраш быстро закинул в рот одну-две ложки, набрал полные пригоршни картошки и пошел сгонять гусей, додая ее по дороге.

Гусей сгонять — это вам не шутка! Для этого нужно, по крайней мере, столько же, если не больше, сноровки, чем для командования войском. Прячутся от

пастуха его подопечные, так и норовят с глаз скрыться. Только Ондраш знает все тонкости своего ремесла — насквозь видит все коварные замыслы гусяного ума. Он надевает на длинный шест свою шляпу, и гуси боязливо шествуют впереди него. Хорошо еще, что их можно усмирить с помощью такого фокуса — а то справиться с ними было бы невозможно. Ведь даже несмотря на весь свой страх при виде шляпы Ондраша, они без перерыва галдят, перекликаясь друг с другом. Здесь старая гусяня гогочет, созывая свой выводок, затерявшийся в этой сутолоке, там — молодой гусь голосит, почувствовав себя одиноким среди стольких чужаков. А тут одна мамаша клюет другую — та слишком близко подошла к ее стайке. И так по всей деревне. Гусяное гоготание катится с одного ее конца на другой. Вот едет груженная телега, и возчик вынужден остановиться — гуси не уступят дорогу, кидаются, как слепые, под самые колеса. Ондраш тоже не старается сохранять тишину. Он машет на гусей шляпой, надетой на палку, и кричит: — Айда... ай-ай-ай! У-у-у! Гав-гав-гав! — И подражает голосам разных животных. То присвистнет, то застучит палкой по плетню — и гуси мчатся сломя голову.

Но нагнать такого страха можно лишь на малом расстоянии — гуси, оказавшиеся перед пастухом, бегут, а те, что немного поодаль — останавливаются. Ондраш бросается к ним — но теперь уже те, прежние, замедляют шаг, не чувствуя за собой палки, и продолжают перебранку. В результате то справа, то слева возникает своеобразное волнение, и нет ему конца-края.

Эта мешанина гусяных и людских криков так и бьет по слуху. И человек, когда мимо него проходит это стадо, останавливается в растерянности, и долго еще раздаётся в его ушах какой-то звон.

Только Ондраша это не волнует. Он делает свою работу и при этом еще успевает заглядывать в сады и заулки. Ведь гуси, услышав приближение этого гвалта, прячутся по разным укромным местечкам, подалее от глаз своей хозяйки. И сидят там молчком, ненадолго поборов в себе природную болтливость; но как только стадо проходит мимо и воцаряется тишина, они осторожно выбираются из укрытия и забредают, куда не следует. Видать, не очень-то сладко приходится им под жезлом Ондраша.

Вот стадо подошло к дому Брежанов. Ондраш огляделся по сторонам — кто же будет выгонять гусей. Никого не видно — даже гусей. Он забежал на двор и привычным взором осмотрел все вокруг. Гусей нигде нет — одна хозяйка ходит, заглядывая во все углы.

— Проклятые птицы! Как сквозь землю провалились!

— Куда-нибудь спрятались! — И Ондраш стал помогать ей искать. Приоткрыл хлев — ничего. Зашел внутрь и глянул в угол, в маленький загон — и, пожалуйста, туда они и забились.

— Айда — айда! Ай-ай-ай!

Гуси гурьбой выбежали из загона и с большим шумом бросились из хлева. Словно в наказание каждый из них, соскочив с высокого порога хлева, спотыкался и ударялся о него клювом.

А Ондрашу пришлось еще порядочно повозиться, чтобы снова собрать свое разбредшееся по дороге стадо.

На выпасе он не стал валяться и терять понапрасну божий день. Когда гуси разбрелись по лугу, он пошел в ближний лесок. Огляделся — нет ли тут подходящего сушняка. В чаще нашлось много засохших низкорослых пихт. Ондруш вынул из куртки ножик, привязанный бечевкой за пуговичную петлю, и прошелся несколько раз пальцем по острию. Лицо его искривилось в улыбке — он остался доволен заточкой ножика. Кое-как забрался он на сухое дерево и отрезал его верхушку. Вскоре перед ним была уже целая куча таких обрезков. Кору он снял, и вскоре сучковатая верхушка превратилась в удобную кухонную мутовку.

Так проходило у него время. Выступивший на лбу пот стекал обильными каплями по его лицу в редкую щетину на подбородке. Но ему было все равно. Он работал упорно, спеша сделать то, что задумал ночью, лежа в постели. И не замечал времени, пока не подошла к нему хозяйка с обедом.

— Да ты меня и не видишь даже — полны руки работы. Что ты такое мастеришь?

— Так... — Ондруш не стал раскрывать свою тайну.

— Ты только глянь — сколько мутовок! Откуда ж ты их набрал такую пропасть? Ведь мне как раз такую надо — дал бы ты и мне одну.

— Ну — вот эту!

— И верно, хороша. Нет, гляньте — как ладно смастерил-то ее. Ну-ка! — Хозяйка взяла мутовку в руки и принялась вертеть, будто взбивая ею мучную жарку.

— Что же тебе за нее дать? Муки тебе не надо, раз ты по домам кормишься...

— Дайте мне клочок шерсти — только порядочный. Эта-то из всех самая большая почти.

— А на что же тебе шерсть?

— Гм — на что же еще? На штаны.

— А, да ты приодеться хочешь. И правильно. Приходи вечером — получишь шерсть.

Вечером, пока он прошел полдеревни, все мутовки у него уже разобрали. Подмышкой он нес вместо них изрядный пук белой шерсти. Хозяйки ему еще и с походом давали: они были рады, что гусопас хоть к какому-то делу приспособился. И только одну мутовку не хотел он никому уступать. Многие ее спрашивали, только он — нет и нет. Пообещал, что назавтра снова принесет таких же целую связку. И женщины успокоились.

Эта была из всех остальных самая большая и ладная. Ондраш вырезал на ней самые красивые узоры, какие только мог. И подойдя к дому Бежанов, зашел с ней внутрь.

— Что же это ты нам принес такое, что? — улыбнулась ему хозяйка — будущая теща.

— Мутовку. Я видел — у вас нету, и вот...

— Ах, батюшки-светы! Ведь как она мне пригодится! Ну, и что ты за нее просишь?

— Ничего.

— Ой, нет! Разве же так можно? Мы даром даже господу богу не молимся.

Она взбежала на чердак и отрезала добрый шмат сала. А пока спускалась назад — Ондраша в доме уже не было. А мутовка лежала на столе.

Хозяйка поставила ее в решетчатый ящик, который служил подставкой для кухонной утвари. Она улыбалась.

Вскоре вернулось домой все семейство. Впереди хозяин, за ним домочадцы. Хозяйка позвала дочь на кухню.

— Ну-ка, девка — не знаю, в чем тут дело... но этот гусопас что-то больно часто стал к нам заглядывать.

Девушка побледнела и заморгала глазами. Видно было — испугалась. Но разбирало ее и любопытство, и она спросила:

— И что?

— И то, что утром он сам мне гусей выгнал — а это он еще никому не делал; сейчас нам мутовку принес... и ничего за нее не взял. А вчера была тут его тетка, жаловалась, что он прямо-таки помешался... все жениться да жениться. И что будто бы на тебе думает.

— Вот дурень глупый! — И девушка вышла из кухни.

Мать, разжигая плиту, говорила про себя:

— Ай да девка — все ей покоряются. Женихов — хоть пруд пруди! Подраться за нее готовы. Ну, и слава богу!

5

Время течет, словно вода в ручье. Оно убегает так быстро, что его и не замечаешь, если тебе хорошо, или, наоборот — страшно. Но Махуля не может о себе этого сказать. Время не то что течет, оно ползет для него, словно улитка. Часто он с трудом может дожидаться конца дня. Уж и работой пытается его подгонять, и по-всякому — все равно каждый час кажется ему годом. Да и как иначе? Ведь его ожидает столько счастья, и все это в один прекрасный день должно упасть прямо к нему в руки. Сначала разводка¹, потом новая одежда, и наконец — свадьба.

Разводки Ондраш ждет с нетерпением, как больной ждет утреннего света после долгой ночи. Правда, ждать ее он может со спокойной совестью. Ведь недочета у него нет, кроме тех двух гусей. Как сговорился тогда с Зузкой, ни одного не потерял — а это многого стоит.

Одежда будет сшита не сегодня-завтра. По крайней мере, пряжа уже смотана в клубки, скоро пойдет на кросна — а остальное быстро сделается. Думая о том, как легко было заполучить новую одежду, Ондраш радовался. Смастерил немного мутовок, и за неделю у него уже было достаточно шерсти, и черной, и белой. Да и после пошива тоже чем-нибудь разживется. У него уже готовы три корзины, из

¹ Разводка — возвращение скота и гусей к хозяевам после окончания летнего выпаса в стаде.

можжевеловых корней сплетенные. За них ему и денежку люди запросто подкинут — потому что такие корзины даже двух хозяев пережить могут.

Труднее всего новую одежду справить, а там уж до свадьбы рукой подать.

— Гм... добыл я жену — все добыл. У Бежанов меня привечают — а как иначе! Гусей я им нашел и мутовку принес. А теперь, — Ондраш осклабился, от радости у него перехватило горло, — теперь я им еще и не такой подарок дам. До вечера как-нибудь управлюсь. Эх, и утер я этому Дубраве нос! Будет помнить! — Но тут он вспомнил о чем-то важном, и его охватили сомнения. — Гм.. так-то так, но надо бы было нам и встретиться как-нибудь. Я с той поры с ней словом не перемолвился. А букетик... правда, она обещала... гм, ну, букетик — он будет. Тяжеле всего одежду справить. К этой шляпе она мне его не приколет. Надо тетку за новой послать. Вот — и корзинку скоро доплету, будет чем отговориться, как к ним приду. Только бы дома ее застать — но она дома редко бывает. Нужно ленточку ей купить или платочек... Да!

Под вечер он с готовой корзиной пошел к Бежанам. Осмотрелся кругом — но кроме старой хозяйки никого не увидел.

— Никак еще что-то нам принес?

— Угу... — подтвердил Ондраш.

— Ой, корзина нам очень сгодится, как копать начнем. Для крупной картошки будет. Сплел бы ты нам еще и для мелкой! А то все наши порвались как на грех.

Она принялась шарить в изголовье кровати. Вскоре в ее руках появился узелок. Ондраш сообразил, что в нем будет. Он взял шляпу и повернулся восвояси, как в прошлый раз, когда принес мутовку. Но хозяйка загородила ему путь.

— Нет, нет! Так бы мне было совестно взять. Ведь сколько тебе пришлось помучиться, пока ты эти корни из земли выдергивал — как же я ее даром возьму? — И она подала ему что-то белое — шестаки¹.

Ондраш засунул руки в карманы, чтобы как-нибудь по ошибке не взять их, и упрямо завертел всем телом — дескать, нет.

— Да уж возьми, коли дают. Не серди меня! — И она совала ему шестаки. Но Ондраш все отступал, чтобы она не могла к нему приблизиться.

— Да что с тобой такое? Приносит нам сюда каждый день что-то, а взять ничего не хочет. На, возьми — и уходи.

Ондраш поглядел в лицо хозяйке — ясно, искренне. Этот взгляд сказал ей обо всем и подтвердил слова тетки. Ондраш верил — верил! Хозяйка попыталась отмахнуться от того, что увидела в его глазах, и продолжила:

— А почему ты не хочешь?

Он посмотрел ей в лицо и с жаром проговорил:

— Мне это не пристало!

— А разве мне пристало? Мне? Не хочешь денег — как хочешь, но тогда и я твою корзинку не возьму. Кто бы у нищего палку взял?

Ондраш тем же мягким голосом ответил:

¹ Мелкая монета в Австро-Венгрии.

— Я не нищий. У меня их еще пять штук — те я продам. А от вас не приму ни гроша.

— И почему же это?

— Потому! — И он со значением посмотрел на хозяйку. У той от напряжения даже дыхание перехватило, она боялась дать ему еще больший повод для откровения, которым так и светилось сегодня его лицо. И только по привычке спросила: — Ну, скажи уж мне все-таки!

— Ну, ведь мне надо было вам в работах помогать... только не мог я — недосуд было... ну, вот...

— Помогать? Гм — гм...

— Ага, молодые зятя помогают... и мне бы тоже полагалось, только ведь, говорю...

Хозяйка взглянула на него насмешливо.

— Зятек мой милый! Откуда ж ты свалился!

Он не заметил насмешки и доверчиво глянул ей в глаза. Все лицо его словно преобразилось. Неказистые черты залил румянец. От охвативших его чувств, любви, радости задергалась в улыбке толстая верхняя губа. Хозяйке стало жаль его. Ведь не его вина, что таким народился он на свет. Довольно уж, что судьба его наказывает — неужели и ей надо против него восставать? Она поглядела на него с теплотой и положила ладонь на его жесткие волосы.

— И кто же тебе сказал, что ты будешь нашим зятем?

— Кто? — Губы бедняги растянулись в улыбке. Голос его перехватило от счастья и радости. Наконец, он с большим усилием проговорил: — Зюка.

Хозяйка кивнула головой, будто в знак одобрения. Она хотела сказать ему кое-что, но не смогла.

— Нет, не хочу портить ему этой радости — еще с ума стронется, бедняжка. А ей придется сказать. Вот ведь шалопутная — надо ж было такое учудить!

Но тут же к ней вернулась рассудительность. Она твердо решила стоять на своем. И сказала ему спокойным голосом:

— Ну, иди уже домой, сын мой. И смотри — никому не хвастайся тем, что она тебе сказала...

— Нет, ни единой душе. Тетка-то, конечно, знает, но она никому не скажет.

И обрадованный гусопас ушел домой.

Бжанову это дело очень мучило. Сердце у нее так и сжималось, словно на грудь положили камень. Лицо убогого, раскрасневшееся от жарких чувств, преследовало ее повсюду. Только когда стал возвращаться скот, она обрадовалась: хоть за работой можно забыть про этот грех.

Вечером, когда домочадцы уже улеглись, мать остановила Зюзку и спросила:

— Ну, ты и отличилась! Что теперь делать-то будешь?

Зюка побледнела, словно ее застигли за чем-то дурным. И едва слышно проговорила:

— А что?

— Ну, с гусопасом этим?

— Ах! Да что там! — И Зюзка повернулась на каблуке и дернула плечом. Мать накинулась на нее:

— Думаешь, это шутки? Куда там, даже не знаю, как тебе теперь от него отдаться. Он совсем помешался. Ты мне скажи, что между вами было — ведь должно было что-то быть.

Девушка поглядела на огонь и задумалась в оцепенении. Но через минуту она вздрогнула и ответила матери прямо:

— Ничего — ничего не было.

— А вот этому я не верю. Нет уж! Он бы ни с того ни с сего умом не тронулся. Ведь на себя не похож. И уж так мне его жаль, как никогда.

Мать не лукавила. Видно было, что говорит правду. По ее лицу текли слезы. Зюзку это смутило, только теперь поняла она последствия своей шалости.

— Ну, поверьте, мама, ничего такого не было. Я принесла ему поесть и перебрисилась с ним двумя-тремя словечками. Дурень какой — ведь мог бы сообразить, что это не по-настоящему.

— Дитя несчастное, что же ты наделала! Теперь про тебя говорить будут — ни за что ни про что. Глядеть на тебя будут, как на шалаву какую-нибудь. Зачем нам это нужно?

И мать стала заламывать руки. На Зюзку это сильно подействовало. Ее самоуверенность как рукой сняло — предчувствие какого-то неопределенного несчастья охватило ее. Уже давно жалела она о своем легкомысленном поступке, а теперь, видя, в каком отчаянии мать, испугалась еще больше. Тоже заламывая руки, она стала тихо, шепотом переговариваться с матерью. Обе боялись отца — тот быстро разбирался с такими напастями.

— Ведь я ему сказала только, что... что...

— Ну, и что же? Неужели, что любишь его?

Зюзка отрицательно покрутила головой.

— Что пойдешь за него?

— Ничего такого — я ему только пожаловалась.

— Пожаловалась? С какой стати тебе было ему жаловаться? Что он — отец тебе, брат? И на кого же ты ему жаловалась?

— На Яна — что он меня бросил.

— А это правда? В самом деле — бросил?

— Вечером мы поругались — но потом помирились.

— Господи боже! Да зачем же было ему жаловаться! Зачем, зачем!

— И то — зачем! Я и сама жалею. Лучше бы мне было язык прикусить! Но он, когда я принесла ему поесть, так странно глядел на меня. Слова даже не промолвил, будто мы не из одной деревни. Обидно стало — захотелось что-то ему сказать... ну, и пожаловалась на Яна. Вот так!

— Ну, что случилось, то случилось, назад не вернешь. Лишь бы только о тебе никаких речей не было — вот чего я боюсь. Подумай, а вдруг отец...

Мать не закончила фразу. Да и не было необходимости: дочь при одном упоминании отца так и сжалась. Она представила себе его строгое лицо и то, как он

допрашивает ее и, уличив хотя бы в слабом подобии греха, наказывает. Да уж, стоит ему сказать лишь слово, как перед ним дрожит от страха весь дом — от хозяйки до поварешки.

— Но он же про это не услышит. Кто бы ему мог рассказать?

— Нет уж, девка, черт не дремлет. Найдется какой-нибудь доброхот — и лучше б мне потом хоть сквозь землю провалиться. А Яно — он бы промолчал? Они с отцом во всем заодно, он бы тоже не молчал.

Дочь в немом ужасе стискивала перед собой руки. Думать она уже не могла, совета ждать было неоткуда. Гусопас был для нее теперь не только беднягой, но и пугалом, которое ухмылялось на нее из всех углов. Она с отчаяньем глянула на мать, словно спрашивая:

— Что делать?

И мать поняла ее.

— Ну, что тут сделаешь, что? Никто совета не даст. Наверно, самое лучшее — свадьбу справить как можно скорее.

Дочь ухватилась за эту мысль.

— Да, вот бы, действительно!

— Только ведь у тебя еще не куплено ничего — ни на перины, ни на платье. Ярмарку на святого Якуба мы уже прозевали, теперь до святого Галла ждать придется. А пока все это еще пошьем да справим — боже ты мой...

— Да что там — не нужно мне свадебного наряда, и в праздничном можно повенчаться. Он тоже красивый, и столько их у нас, что никто даже не догадается, что этот наряд — всего только праздничный. А наволочки на перины — что ж, их можно и после свадьбы дошить. Ведь все равно — в сундуке им лежать или у красильщика.

— Это бы ладно — но ведь у тебя и чепцов нет, сколько бы надо было. Жду — не дождусь, со дня на день должны быть, а их нет. А хуже всего еще с отцом будет.

— А что?

— Гм... мы же уговорились, что венчание за неделю до Всех святых будет. А теперь, если мы его торопить начнем — думаешь, он не спросит, в чем причина? Ему просто так не укажешь.

— Да почему?

— Такой уж он, его слово — закон.

— Да ведь не мы ему скажем, а Яно.

— И правда, девка! Он с ним поговорит, пожалуется, что во время копки не могут они уже без невестки обойтись. Мол, в жатву и то с трудом без нее управились. Этому он скорее поверит. Скажи только Яну, пусть поторопит отца — может, все еще и обойдется.

6

В воскресенье после обедни в Леновце не говорили и о чем ином, как только об оглашении будущей свадьбы Яна Дубравы и Зюзки Бежановой. Вряд ли какое

оглашение еще так удивило бы почтенную паству, как это. Да и могло ли быть иначе!

Уже и воробьи на крышах чирикали, что свадьба будет только на Всех святых, после страды — а тут вдруг оглашение в середине лета, как гром среди ясного неба! И как же это не обсуждать — если Дубравы сами не хотели спешить, откладывали свадьбу, как могли, и старый Бежан тоже решил уже, что все будет только на Всех святых, и тут вам — оглашение! Интересно, кто все это переиначил? Молодой жених — кто же еще. Помощница, мол, им нужна для копки. Разве этому поверишь: в жатву обошлись без нее, а как картошку копать — уже и не могут! Кто ж ему поверит?

А женщинам-то как было не по себе от всего этого! Не столько поспешность их удивляла, сколько загадка — загадка. Им хотелось все выяснить — ведь всем известно их упорство в разрешении загадок. Не зря же они так терпеливо занимаются пряжей — потому и хотят распутать все загадки, как моток пряжи. Заметив узел, они стараются его развязать. Если не получается — разрезают его и мотают дальше. Правда, порой они принимаются разматывать пряжу с другого конца и обнаруживают новый узел. Но это для них пустяки. Главное — держать что-нибудь в руках.

Так и пришли они к своему выводу — но молчали. Никому не хвастались этим открыто. Лишь по углам перешептывались о чем-то, собравшись по двое по трое. Бежаны — те что-то почувствовали. Зюзка нигде не могла укрыться от любопытных взглядов, которые ее преследовали. Ей было стыдно даже перед самой собой. Мать тоже все это замечала. На каждом шагу попадалась ей какая-нибудь кумушка, которая добродушно глядела на нее, словно хотела спросить:

— В венке¹ пойдет ваша невеста в церковь или как?

Старый Бежан многого не мог понять, особенно его удивляла печаль и растерянность жены и дочери. И оглашение было ему не по душе. Раз уж Дубравы могли с Масленицы ждать — могли бы и еще пару недель потерпеть. Но он не любил вникать в такие дела. У него было одно на уме — надо собрать девке приданое, как полагается — а об остальном пусть женщины сами заботятся. И если что пойдет у них не так, пусть сами и хлопочут. А он, вот ей-богу, не будет ломать себе над этим голову.

Гусопас Ондраш ничего не знал об оглашении. Некому было с ним про это говорить. Хозяйки приносили ему обед, но ни одна не поделилась с ним этой новостью. Ведь не может такого быть, чтобы соседка не сообщила ему об этом еще вчера — так зачем же понапрасну языком молоть? И они не заговаривали с ним об этом, только иногда заказывали у него корзинку или что другое. К Бежанам Ондраш не ходил, не было повода. Прийти ни с того ни с сего он не мог, а дарить ему уже было нечего. С Зюзкой он не виделся, поскольку та по большей части сидела дома, не хотела ходить по деревне, а тетка помалкивала. Она была рада тому, что парень все потихоньку забывает.

¹ Венок — символ девственности невесты.

Но Махуля не знал покоя. Что-то все время мучило его. Хотелось снова поговорить с ней, хоть минутку. Но как пойти к Бежанам, да еще с пустыми руками? Что он ответит, когда у него спросят:

— С чем ты к нам пришел?

— Мутовка у них уже есть, и корзинка тоже. Я обещался еще одну корзинку принести — так ее нет. Как же я пойду, еще подумают, что я пришел плату за ту корзинку просить. А ведь надо бы пойти, сказать Зулке, что сукно уже на этой неделе достанут из корыта и передадут портному, чтобы уж и она начала хлопотать. Но как пойти...как?

С приближением вечера росло его беспокойство. Еще никогда его так не тянуло к Бежанам, как сегодня. Полстада гусей бы отдал, лишь бы кто посоветовал, что ему делать. Но ждать совета было неоткуда. В беспокойстве ходил он туда-сюда. И думал то о Зулке, то об одежде, то о разводе. Мысли пролетали в его голове, как облака во время летней грозы.

Перед закатом Ондраш, наконец, принял решение. Весело смеясь, он замахал в воздухе руками. Если бы кто-то увидел его, подумал бы, что он тронулся умом. Гуси, заметив его странные движения, перепугались и сбились в кучу, словно над ними кружил орел. Ондраша это еще больше развеселило. Его глаза быстро бегали, как будто что-то высматривая. И вот посреди стада он заметил маленькую стайку. И направился прямо к ней — гуси расступились, оставив ему широкий проход. Достав из подмышки свернутую куртку, он развернул ее и набросил на стайку. Стадо кинулось врассыпную, только три старые гусыни вернулись к куртке и, расправив крылья, злобно зашипели на него. Но тут же убежали и они: куртка принялась метаться с боку на бок. Из-под нее, через дырку на спине, высунулась головка — по глазам гусыни было видно: она понимает, что происходит. Рука гусопаса потянулась к куртке, и сопротивляться было уже невозможно. Куртка снова оказалась у пастуха под пазухой.

— Вот я тебя и поймал! Но не бойся, не убью.

Ондраш погладил ее по спине — но гусыня ущипнула его за руку своим острым клювом. — Ну-ну, не бойся... я тебя не обижу.

Он сел на землю, положил гусыню к себе на колени и обнял ее левой рукой. Потом достал из куртки веревку и размотал ее: один конец привязал к лапке гусыни.

— Ну вот, не бойся. Никто тебя тут не съест. А я и так скоро за тобой приду.

Он отнес гусыню в ивняк и привязал к корню. Перекинул куртку через плечо и поспешил к стаду. Перепуганные гуси, чувствуя приближение вечера, сами по себе зашагали домой. Их вела старая гусыня, хромавшая на одну ногу.

Стадо благополучно добралось до деревни. Гуси остановились у ручья, прополоскали горло, разделились на маленькие группы, и каждая повернула к своему двору.

К Бежанам тоже направилась маленькая стайка, в ней было шесть гусей. Но шли они не так весело, как остальные, и робко прокрались на двор. Некому было подбадривать их по дороге: — Га-га-га... Без матери, жалобно бормоча, зашли мо-

лодые гуси на двор. Здесь, почувствовав себя уже дома, они принялись громко гоготать, словно призывая отсутствующую гусыню. Но той нигде не было видно. Вместо нее вышла хозяйка с кормом и высыпала его посреди двора. Гуси, набросившись на него, тут же забыли о своем горе. Но хозяйка сразу заметила, что нет старой гусыни. Она выбежала на дорогу и закричала: — Тега, тега! Тег-тег — тега, на! — Но ниоткуда не было слышно хорошо знакомого гогота гусыни. Бежанова отправилась вдоль деревенской улицы.

— Тега-тега! Тегушка моя — тега-тега!

Та не откликалась.

— Ах, ты, боже! — ведь как нарочно, именно сейчас. И так голова кругом идет, а тут еще гусей ищи. Лишь бы только он ее где не потерял! Ведь что ни год по двенадцать штук высиживала... такой гусыни уж не найти! Ой, боже — ведь и сырники у меня пригорят, да и свадебный пирог надо медом помазать... а приходится тут ноги себе сбивать. Но все-таки загляну к этому негоднику несчастному.

— А моя гусыня где? — крикнула она в окно комнаты.

Ее добродушное лицо так и горело от гнева.

Ондраш испугался. Он хотел уже рассказать все, как есть. Так совестно ему было обманывать эту женщину, которую уважал и любил. Он поглядел на нее кротко и глуповато.

— А что, не пришла она к вам?

— Да разве ж я не заметила бы, коли б она пришла? Конечно, не пришла!

Ондраш уже хотел сознаться, но боялся ее гнева.

— А не забрела она к кому — подкормиться?

Бежанова так и зашлась от злости. Уже без всяких церемоний она раскричалась на него:

— С какой стати моей гусыне у чужих кормиться? Разве не кормлю я ее что ни утро, что ни вечер!

— Что это ты снова натворил, остолоп! — отозвалась тетка, выходя из кухни. — Уж постарался заработать на новую рубаху да штаны! Так бы и свернула тебе шею. Петух ощипанный! И чем он только занимается на этом выпасе! Скоро уж разводка: три гуся потерять — это не шутка. Вижу, ни гроша он не получит.

— Но моя-то гусыня, моя-то! Никому бы ее не отдала, хоть озолоти меня! Ведь она каждый год по двенадцать гусят высиживает, в этом году тоже — правда, тех в корыте передавило.

— Наверно, на пастбище осталась, — обронил гусопас робко.

— Ай, да иди ты к черту! — зло рассмеялась Бежанова. — Она — и на пастбище осталась... да у нее разума больше, чем у десятерых таких, как ты. Осталась она! Ах, ведь мне идти пора... пирог свадебный подгорит. Будьте здоровы! — И она прикрыла окно. Бежанова ушла. А гусопас все еще слонялся по комнате без всякого толку.

— Ступай немедленно! — закричала на него тетка. — И чтобы привел ее назад. Иначе на глаза мне не являйся.

Гусопас ушел из дома, за гусыней. — Не приведу... а вот и не приведу... наоборот — принесу... чтобы вы знали, принесу! Да еще как злится... эта Бежанова —

из-за одной гусыни! Но недолго тебе злиться - . И он через силу улыбнулся, и хотя голос его дрожал от внутреннего волнения и радости, губы судорожно растягивались в кривой ухмылке.

Тетка ходила по дому, мучаясь от тревоги. Из кухни в комнату, из комнаты в кухню, каждый раз забывая, зачем она туда идет. В руке она держала ковш для воды — и вместо ведра с водой погрузила его в горячую кашу. А молоко процедила в плошку, где обычно месила тесто для лепешек. Вышла в сарай за щепками и принесла — жердь. И так — до заката, до глубокой ночи.

— Боже мой, да что такое со мной сегодня? Ах, все это из-за него — все! А я, душа грешная, мучься, ох! Ведь сколько я за него бога молила, и все напрасно — напрасно. Оборванный ходит, как босяк, и все теряет — все.

Обычно в этом часу она ложилась, но сегодня все еще сидела у окна и смотрела в ночную тьму. Наконец стукнула дверь, и раздались шаги под окном. Из непроглядной тьмы вынырнула на свет сторбленная фигура Ондраша. Тетку удивило радостное выражение на его лице. Каждая черточка так и играла от волнения, счастья, удовольствия. Он расстегнул свою поношенную куртку, достал из-под нее половину сырника и дрожащей рукой положил его перед теткой.

— Натэ — это Бежаны послали... в награду.

— А гусыня?

— А что, гусыня тут! Я ее с пастбища принес.

Тетка рассмеялась от всего сердца.

— Да неужели? Принес? А как же ты ее нашел?

— В ивняке, у нее лапка за корень зацепилась. Сама не могла освободиться.

— Слава богу! Хорошо, хоть здесь она!

Она невольно взглянула на сырник. Ондраш снова стал ее угощать:

— Натэ, это я вам принес...

— Нет, нет. Не буду. Тебе самому пригодится... лучше сам съешь.

— Я? А я уже съел... это вам.

Она поглядела на своего воспитанника. Ее взгляд озарился той материнской любовью, которая отзывается в сердце Ондраша и раскрывает его настежь. Она подумала: — Есть у него сердце, да, есть. Последнюю рубаху с себя отдал бы. Бедняжка, ведь он, как дитя. Мухи не обидит, не мешает никому... будто его и на свете нет. И никого у него — я одна, никто не направит его на верный путь, кроме меня. Нет, не оставлю его — не оставлю — . И она утерла слезу с повлажневших глаз.

— Сядь-ка сюда — ко мне, на лавку. Вот так! — И тетка погладила его по непослушным, жестким волосам. Ондраш почувствовал, что тетка снова смягчилась, подобрела, что сердце ее опять открыто ему. И он промолвил несмело:

— Тетка — а сошьет он мне штаны и рубаху?

— А как же! — с жаром отозвалась тетка. — Конечно, должен сшить! После разводки сразу же в воскресенье их и наденешь. Пойдешь в них в церковь, вместе пойдём, как ты, бывало, с покойницей матерью ходил, царствие ей небесное!

— А не мог бы он их поскорее сшить? Скажите ему — до воскресенья.

Тетке снова стало не по себе, в ее душу закралось беспокойство. Но она постаралась спросить спокойным голосом:

— А зачем они тебе понадобились — до воскресенья? В церковь же ты не ходишь, или еще куда.

— Я бы не прочь пойти...

— А гуси как же?

— Вы попасете. А мне оглашение послушать охота — уже второе будет.

Тетка побледнела. В ушах у нее зашумело, будто рядом гремел водопад.

В волнении она вскочила:

— Да кто ж тебе сказал? Кто говорил про оглашение?

— Кто ж еще?.. Она. И так хорошо... — Он с упреком поглядел на нее. — Вы-то мне не желаете такой радости — молчите про все, что хорошее. А как ругаться на меня — так тут не промолчите. Если бы не она, я бы и не знал, что у нас оглашение. И на первом я не был. И ленточки ей не купил.

— Кому?

— Да ей — ей! Молодому жениху надо себя показать — а я...

— Нет, дитя мое — не покупай ты ей ничего. Оставь ее в покое... даже в сторону ее не смотри!

— Да как — перед свадьбой, перед венчанием? Что бы люди про это сказали? Подумайте!

У старухи чуть сердце не разорвалось от жалости к нему. — Бедняжка! И что это она снова — перед самой свадьбой! Совсем что ли бога не боится? Уж он ей воздаст!

— Ступай, дитя мое — ложись и отдыхай. Завтра тебе вставать рано.

Ондраш ушел, прилег — но не сомкнул глаз: он грезил с открытыми глазами. Тетка долго еще крутилась по комнате — сама не зная, зачем. Сырник, который ей послали, она раскрошила и бросила в помой...

7

С этого вечера деревенский толстяк-портной не знал, куда и спрятаться от заказчиков. Работы у него были полны руки, и даже если бы их была у него еще пара, он все равно не знал бы, как управиться. Да и как иначе? Свадьбу перенесли так неожиданно — все, что должно было быть сшито за десять недель, теперь — всего за две! Молодому жениху новый костюм, причем весь расшитый, насколько хватит места! Дружкам тоже нужно то одно, то другое: кому брюки, кому рубаха. И именно сейчас встрял и гусопас. Двадцать два года обходился без суконных брюк и рубахи — а теперь, как назло, ходит каждый божий день поторапливать. Бедняге-портному еще никогда не приходилось так туго. Так бы и бросил все, и о заработке бы не пожалел, тот все равно — с гулькин нос, лишь бы от работы этой отделаться. К счастью, тетка гусопаса тоже каждый день в полдень приходила и запрещала ему одежду эту дошивать. И никогда еще не выполнял он распоряжение заказчика так охотно, как сейчас. Ни на шаг бы от него не отступил.

Но тут попутал этот, рогатый, его жену — жену портного. Та в большой спешке взялась за работу и принялась шить одно за другим — быстро да ладно. Портной аж раздулся от радости — какая жена у него! Но та по ошибке взяла в работу рубаху гусопаса. И портной заметил промах, лишь когда собрался нашивать на нее шнурки. Он с досадой почесал в затылке, но под конец решил:

— Ну, так тому и быть! Простегай уж ему и штаны, пусть уж все получит. А по мне так его деньги такие же, как от Дубравы или от кого другого: круглые и скользкие, так и утекают из рук. А этот скорее заплатит, чем те богатеи, которые ремесленника ни в грош не ставят.

И портной, выполняя просьбу Ондраша, дошил ему одежду. Тетка портного отругала, но все-таки заплатила за работу, завязала вещи в узелок и спрятала в сундук.

Гусопас не мог нарадоваться на свои обновки.

— Ну, — уж теперь не буду оборванный ходить — стыдиться за меня не будете. Теперь могу и в церковь идти, вот только шляпы нет. Завтра пойду куплю, и ленточки к ней.

— Да куда тебе торопиться. До разводки еще времени — уйма...

— Я — мне шляпу надо... раз уж все новое. Гм — как же в церковь идти... Да, а вы-то готовите чего?

— А что мне готовить? Нечего мне готовить.

— Ну да, ведь у Бежанов все будет... они уж пироги пекут! Сегодня уж и телку забили.

— Уже? Это к свадебному столу!

— Я был там, когда ее резали... на гумне. Зюзка убежала из дому, не могла на это смотреть — а я не убежал.

— Говорила я, чтобы ты туда не таскался — почему не слушаешься?

— Я же должен помогать — а то что скажут?

— И без тебя бы там прекрасно обошлись.

Но она не могла долго на него сердиться: не он ведь всему виной, а эти две. Давно уже в ней закипало, а сегодня — до самого края дошло. Так и пошла бы напрямиком к Бежанам и высказала бы им все в глаза, да не хотелось ей. В свадебный дом как-то не принято ходить. Но хозяйка Бежанова должна была зайти сегодня со свадебным пирогом, и тетка точила на нее свой язык. Она собиралась подробно разъяснить ей, какой это грех — так играть с легковерным, несмышленным гусопасом.

И долгожданный миг настал. Под вечер появилась Бежанова с огромной корзиной за спиной. В нее были уложены пироги, которых становилось тем меньше, чем больше домов обходила хозяйка.

Тетка начала без лишнего церемоний: — Уж и не думала я, что вы нам столько вреда наделаете — ты и твоя девка. Малый-то, бедняга, в покое жил, никогда ничего такого и в уме не держал — пока она его не с толку не сбילה. Я-то думала, что из одного ее любопытства это случилось — а тут и во второй раз! Да еще и ты ей помогаешь! Не знаю, за какие такие наши грехи! Никого не трогаю, и все равно каждый так и норовит тебя клонуть, где только можно. Но почему — почему?

— Да что же вы так обижаетесь: ничего мы не сделали ни вам, ни вашему малому.

— Не сделали! Конечно, вам это ничего, когда вы нам бесчестье делаете. Вам ничего, если меня с малым на смех поднимут. Но раз вам это ничего, так я к мужу твоему пойду или к Дубравам — расскажу, как вы парня моего баламутите. Они уж тебе не скажут, что это, мол, ничего. Посмотрю тогда, есть ли еще правда на свете.

Тетка так и полыхала от гнева. Лицо ее разгорелось, голос дрожал. Бежанова стояла перед ней пристыженная, боясь даже поднять глаза. А когда тетка пригрозила, что выдаст ее мужу, так и затряслась от страха.

— Прошу вас, тетка, не сердитесь. От чистого сердца говорю, не хотела я вам обиды нанести. Но что мне было делать? Он же на пастбище вернулся, гусыню мою нашел и на руках домой ко мне принес — не могла же я его огорчить! И такой был довольный, когда ее принес — чуть не прыгал от радости. Я уж было хотела сказать ему, чтобы Зулке не верил, что она его одурачила, но как посмотрела на его радостное лицо, духу не хватило. Не могла я его огорчить — ведь у него сердце бы разорвалось. Ну, скажите, разве мы тому причина?.. Почему нам так его жалко — кто знает? Половину хозяйства бы отдала, лишь бы только все вернуть, исправить.

— Трудно уж теперь исправить, поздно. Что сделано — то сделано. Мой-то парень обманывать не умеет — вот и думает, что другие тоже одну правду говорят, да еще — если ему такая девка чего пообещает! Скажите, разве кто другой тоже не поверил бы с радостью? Вот и он надеется, что под венец пойдет. Будто назло и одежду ему сшили. Просто не знаю, как мне с ним справиться, когда день свадьбы придет. Ну, помогай вам бог! Раз вы все это заварили, теперь и расхлебывайте! Вам же стыдно будет, когда он рядом с ней перед алтарем на колени встанет. Ему-то — нет!

— Вы лучше сами скажите ему все, как есть. Вас он скорее послушается.

— А ты думаешь, у меня сердце каменное? Тебе его жалко было, а мне что же — не жалко? Могли бы и вы сказать ему, вам бы поверил — девке твоей по одному ее слову поверил бы. А мне вот нет. Мои слова для него — пустой звук, мои слова для него — тьфу. — И тетка плюнула себе под ноги.

— Так имейте же еще немного терпения. Ведь и девке моей в голову не приходило, что все так обернется. Захотелось с ним немножко поиграть: молодая, неопытная она, чему тут удивляться.

— Хорошо, только мой-то парень еще моложе, и разум у него слабее. Не удивляйтесь потом, если он вам на свадьбе что-нибудь устроит... Сами виноваты будете.

— Да вы все еще сердитесь? Другое дело, если бы мы все это нарочно затеяли, только грех-то это невольный, не надо бы так гневаться!

— Как вы, так и я! Довольно я намучилась, а теперь все, конец.

— Да если бы все это разнеслось, знаете, что тогда? Если бы муж мой узнал или молодой жених — боже сохрани! Пришлось бы нам тогда из деревни ноги

уносить. О девке бы еще хуже заговорили. Слышали, что про нее подумали, из-за того что мы со свадьбой торопимся? — И Бежанова шепнула что-то тетке на ухо. Теткино лицо вытянулось от удивления, а губы ее прошептали: — Что за люди — что за люди!

— А знаете, почему мы так торопимся? Не из-за чего другого, только из-за вашего парня, чтобы он перестал за нее цепляться. Чем скорее справим свадьбу, тем скорее он ее из головы выбросит: ведь кто знает, что еще могло бы случиться, если бы он так к нам и ходил. А теперь погорюет немного, помучится, а потом и забудет о ней. А ведь как он ее любит! Боже ты мой — мне и самой его жалко! Если бы не пришлось, ни за что бы ему такого не сделала.

Тетка немного, чуть заметно смягчилась, но продолжала тем же сердитым голосом допытываться:

— Ну, и что нам сделать, чтобы он к вам на свадьбу не пришел? Ума не приложу, что тут можно сделать.

— Куда-нибудь его послать, — посоветовала Бежанова.

— И думаешь, он пойдет? Зачем ты ему так прямо и выложила, когда венчание будет? Ведь он ни о чем бы и не узнал. Я от него скрывала это да молилась — уж как молилась, чтобы никто ему не сказал. А тебе надо было ему все выложить: как же тут не злиться?

— Да если бы мы только догадались! Мы-то думали, он о свадьбе знает уже.

— Ну, сделанного не воротишь. Чего уж тут!

— И правда, не воротишь — не воротишь! — И Бежанова ушла с тяжелой совестью.

Тетка тоже была опечалена, не видя выхода. Она все пыталась придумать, как бы помешать малому, чтобы не сделал посмешищем ни себя, ни других. Но совета, помощи ждать было неоткуда. И чем ближе была свадьба, тем призрачнее становилась надежда на хороший исход.

8

Венчание состоялось. Яно Дубрава и Зюзка Бежанова поженились. Никогда еще не было в Леновце свадьбы лучше этой! В церковь набилось столько зевак, что скамей не хватило. А как же иначе? Каждый житель Леновца видел перед собой загадку, которую не мог разгадать. Все ломали голову, обсуждая, почему так спешно справили свадьбу. Приданое у невесты еще не все собрано и пошито — наверняка после свадьбы доделывать будут. Что же могло заставить Бежана, солидного, основательного хозяина, выдавая дочь замуж, отступить от своего обычая, согласно которому он всегда и во всем распоряжался сам. Одни искали причину в одном, другие — в другом. Но большинство полагало, что именно они рассуждают в верном направлении. Молодуха-то в последние дни редко когда выходила из дому, да и на лице у нее всегда было испуганное выражение. Видать, спрятаться хотела от любопытных взглядов. Почему? Никто не смел даже шепнуть другому о своих догадках — а не то, что сообщить открыто. Ведь старый Бе-

жан — крутой мужик, лучше с ним не связываться. Все молчали, но глаза говорили яснее слов. И венчание должно было доказать, справедлива ли эта догадка — потому-то и было столько зевак. Все глаза устремились на голову невесты — уж и не знаю, что они там разглядывают. Разве что веночек! Он так красив — зеленый, усыпанный розами. Наверно, им любят...

Невеста уже не выглядит испуганной. И перед алтарем говорит даже слишком громко. А когда она повернулась к выходу, ее глаза с милым и спокойным выражением обратились к толпе. Смотрит она долго-долго. Но не видит того, кого ищет, и шаг ее становится увереннее, а глаза все больше сияют счастьем.

Да и как же иначе! Рядом с ней горделиво выступает Янко. Словно чувствуя, что в последний раз может покрасоваться перед людьми своим пружинистым, легким шагом. После свадьбы придется уж оставить холостяцкие привычки — даже шаг его должен быть теперь более солидным, тяжелым. Он ловко переступает ногами в узких сапожках. Костюм на нем красив, просто великолепен. Деревенский портной не смог бы уже сшить костюма лучше. Все причуды своей фантазии рассыпал он по его брюкам и рубашке. Где только можно было, добавил он какой-нибудь узор, не оставив ни одного местечка, куда можно было бы воткнуть иглу. Парни глядят на молодого жениха косо, дескать, не по нему ни наряд этот, ни невеста — утешает их только то, что опасный соперник попался уже в силки и не сможет теперь тягаться с ними, красуясь перед девушками.

После венчания еще больше были пристыжены ехидные сельчане. Угощение и музыка лились рекой, как редко на какой свадьбе. И здесь уж не было ни спешки, ни суеты. Такую свадьбу может справить лишь тот, кто готовился к ней долго и серьезно. А ведь все это сделано стараниями Бежана.

Жена его советовала не приглашать на свадьбу музыкантов.

— Пусть уж по-тихому все пройдет. Теперь ведь у каждого батрака свадьба с музыкой. А нам ни к чему долгие гулянки устраивать; что со свадьбы останется — лучше молодым отдадим на хозяйство, будет хоть с чего начинать.

— А почему бы и не нанять музыкантов? Что мне, денег жалко? Разве позволю я девушку просто так, тайком увести, лишь бы никто не увидел! Сам-то я с музыкой женился, так пусть и она замуж с музыкой выходит. Чтобы потом нечем было отца попрекнуть.

— Она ведь тоже хочет — без музыки.

Бежан вытаращил на нее глаза.

— Это еще почему? Что она — ума лишилась?

— Просто так — не хочет, чтобы у нас в доме сутолоку устраивали.

Старик погрозил жене палкой:

— Старуха, старуха, вы что-то там с девкой заварили — на кухне. Не думай, что из меня дурака сделаете. Я уже давно чую что-то, а что — никак в толк не возьму. Да и спешка эта, тоже только из-за вас может быть.

— Дубравам нужно помочь... — промолвила жена. Но этими словами разозлила его еще больше.

— Иди куда подальше с такой отговоркой, старая курица! Что, у Дубравы десятки не найдется, чтобы помощницу нанять, картошку выкопать! Сама посудит: разве это не глупая отговорка? И мне еще под нос ее тычут, вы, женщины — длинные волосы короткий ум! Мне! Да как же можно — мне-то? Что я вам — пустое место? А ну, приведи мне сюда своего избалоуха. Я ей ум-то прочищу! Я ей покажу сутолоку!

Старик разошелся не на шутку. И жена никак не могла противиться его воле. Она покорно привела дочь пред его суровые, карающие очи.

— Скажи-ка мне ты — ты... Нет, она даже в глаза не смотрит! Как будто полдеревни спалила! Что ж ты меня так боишься? Ясно дело — натворила что-то. Ты вот скажи: почему не хочешь музыки — почему?

Девушка дрожащим неуверенным голосом ответила:

— Просто — одна сутолока от этого... к тому же, за три дня...

— Ах, вот как? Для нее это сутолока! Она не хочет показаться перед людьми в красивом наряде. Что же — и моя свадьба была сутолокой? Раз так, черт меня раздери, непременно будет играть музыка! Да еще дольше, чем у других! Посмотрим, кто тут будет меня учить! Не желаю, чтобы ты лет через десять попрекнула меня, мол, ты, старый черт, даже свадьбу мне не справил, как полагается. Посмотрим!

Зузка в отчаянии от отцовского гнева воскликнула:

— Тятенька — не сердитесь... я просто хотела...

— Ах, она еще и оправдываться будет! Хотела она! Нет, погоди — сейчас я хочу, и музыка будет, будет и будет. Никому мною в моем же доме командовать не позволю — чтобы вы знали!... А теперь подойди-ка сюда, посмотри мне в глаза.

И старик обхватил ладонями лицо девушки и строго, испытующе посмотрел в ее глаза. Дочь едва чувств не лишилась от ужаса — ведь под его взглядом открывались все уголки ее растревоженного сердца. Старик заметил ее страх. И твердым голосом промолвил:

— Ступай — ступай. А ты, старая чертовка, здесь останься.

Девушка ушла к себе в каморку и расплакалась. Гнев отца жестоко ранил ее сердце. Сейчас, перед самой свадьбой, так говорить — так бранить ее! И это отцовское благословение? На что ей богатство и любовь жениха, если собственный отец оттолкнул ее, выбросил из своего сердца? Она и теперь слышит, как он в комнате мечет грома и молнии на жену, которая едва пытается промолвить хоть слово. Зузка затихла и невольно стала прислушиваться.

— Да я ж тебе шею сверну... ты их сводила... экий срам — если она не достойна венка надеть... — Дальше Зузка уже ничего не слышала. Стук ее сердца заглушил даже голос отца. По всему дому так и гудело — брань и грохот разносились во все стороны.

Вскоре мать вошла к ней в каморку, и они принялись плакать вместе.

Но хотя перед свадьбой в доме Бежанов и стоял дым коромыслом, само венчание не было ничем омрачено. Старик успокоился и милостиво простил дочь и старуху. Невеста, получив родительскую любовь и благословение, могла теперь спокойно идти к алтарю.

И все же — все же! Кто это встает между ней и ее нареченным? Кажется, будто жалкая, сгорбленная фигура, одетая в лохмотья. Будто она перед алтарем хочет схватить гладкую, загорелую руку невесты. Молодая твердым голосом повторяла тяжелые слова клятвы, словно пытаясь отогнать непрошенного гостя. Но он там — все еще там! И чудится ей, что это он дает ей супружескую клятву, а не Янко.

Вот и конец клятвы, венчания. Чувства успокоились, пришли в обычное состояние — и призрак исчез. Молодая вздохнула с облегчением — будто камень с груди упал! Ах, венчание, эта клятва, эти зеваки — все это подстегивает фантазию невесты, не удивительно, что ей чудятся всякие страсти. Но когда важный момент уже позади, все приходит в равновесие, и холодный ум вступает в свои права.

9

В доме Бежанов веселье в полном разгаре. За столом полным-полно гостей. Боже ты мой — что это за стол! Один — от дверей до передних окон, другой — от окон аж до широкой печи, на них разложены блюда и ложки, по посуде видно, что пиршество идет уже давно. Да и по гостям это заметно. Нет такого человека, кто сидел бы чинно и ел, что предложено. Все уже затеяли какое-нибудь баловство. Вот дружка бросил хлебный шарик в подружку невесты, что сидела напротив него. Шарик отскочил от ее лоснящегося масляного лба и чуть не угодил в рот свату. Все смеются, только сват, важно крутя головой, промолвил: — Божий дар! Да, в иные времена ты бы и сам его съел! — Но сейчас никто не слушает его поучения. Все глядят на второго дружку, который взялся за веселого зазывальщика, специально приглашенного на свадьбу забавлять гостей. Он налил ему в стопку уксуса вместо вина и принялся угощать:

— Ну — за здоровье молодых! — Зазывальщик взял стопку двумя пальцами и возгласил: — Благослови господь бог... всех собравшихся! — И опрокинул стопку — в ней не осталось ни капли. По сморщившемуся лицу зазывальщика было видно: он понял, что случилось — но было уже поздно. Оба стола, включая важного свата, покатались со смеху.

Бежан обходил гостей и, увидев пустые бутылки и блюда, заменял их на полные. И все чувствовали себя, как на настоящем пиру.

Подоспела и горячая каша — ее принесла в замотанной тряпицей руке повариха, жалуясь, что ошпарила себе руку. Никто ей не верил, да и лицо ее, круглое, улыбающееся, свидетельствовало против нее, но монеты все же так и летели в ее половник.

Молитва свата завершила обед. Все, что было там молодого, пустилось в танец, старики довольно усмехались, глядя на эту кутерьму из-за стола в углу. Все так и подпрыгивает, взвизгивает, вертится — прямо бешеные; ну, молодо-зелено, погулять велено.

Но никто не думает сейчас о манерах молодых; звуки, извлекаемые смычками музыкантов, приятны каждому. Девушки бросают благодарные взгляды на музы-

кантов, стоящих на помосте высоко, под самым потолком. Они могли бы и присесть, но после такого угощения хорошо и постоять. Первая скрипка вообще никогда не сидит, когда играет. Играть он может только стоя. Наверно, для того, чтобы производить еще большее впечатление на зрителей. Ведь работает он не только руками — он же не какой-нибудь там поденщик! Скрипач телом и душой отдается делу. И состояние его души верно отражается на лице. То один мускул сожмется, то другой, брови то нахмурятся, то поднимутся. Губы то вытянутся в тонкую линию, то соберутся в маленькую горошину. Когда скрипка взвизгивает высокой нотой — половина лица у него приподнимается. А когда его упоение музыкой достигает вершины — он стонет от наслаждения. И только его нога, правая нога, делает однообразные движения. Она будто специально создана, чтобы задавать такт. Согласуясь с темпом, нога поднимается и опускается. Это же делают и рядовые музыканты: потому и помост, на котором они стоят, под их однообразное топанье поднимается и опускается вместе с ними.

В комнате из сеней можно увидеть чудесную картину. Посреди помещения — один круг танцующих, который обступили отдыхающие девушки. У дверей — второй круг поменьше, в котором веселятся маленькие танцоры, которым уже с юных лет музыка щечочет пятки. И над всей этой суетой режут смычки пяты музыкантов — согласно такту подпрыгивающего гибкого помоста.

Чем ближе вечер, тем теснее в доме. Пришли уже и посторонние люди, посмотреть, как будут кружить в танце невесту. Круг перед музыкантами сужается, а тот, что у дверей — расширяется. Но если в первом толкнутся танцоры, то второй совсем пуст. По его краям стоит шестеро молодых женатых мужиков — они развлекаются. Танцевать не танцуют, им ведь уже не положено — люди они семейные, но забаву себе нашли. В их пустой круг никто не решается зайти, лучше уж остаться в сенях и оттуда, вытянув шею, смотреть поверх голов в комнату. А кто зайдет туда, уже и сообразить не может, что с ним такое случилось, чувствует только, что летает по воздуху без крыльев. Кого схватят эти мужики в свой круг, того так и будут перекидывать между собой, пока не надоест. Да и гости — те тоже глядят больше не на танцующих, а на летающего бедолагу. Молодки из сеней переругиваются с шутниками.

— Ах, да перестаньте — ума-то ни на грош!

— Взбесились, что ли?.

А кто-нибудь даже вступается за летающего.

— Оставьте человека в покое, ведь того гляди рассыплется, совсем его затолкали.

И старая Бежанова выходит из кухни посмотреть, что за сутолока в сенях. Она не сердится на озорников, только грозит им пальцем и смеется:

— Ну что за разбойники! Какие только проказы на ум не взбредут! — И возвращается в свои владения, в кладовку, чтобы вынести им за труды какой-нибудь гостинец.

Молодая — в своей стихии, веселая, разгоряченная, как обычно бывает во время танцев. Она переходит из рук в руки; пока танцует с одним, трое ее уже

поджидают. Не успеет выйти из круга, как целая стая танцоров уже борется за первенство. И ведь не только парни, но и — прости, господи — старый сват! Его жена, сидя у печи, сжимает кулаки.

— Вот увидишь, старый черт! Завтра стонать будешь, дескать, ноги, как гири. А что ж ты хочешь, от таких-то плясок! Да как еще ее крутит — ей-богу... гм, словно молодой. Погоди мне!

Старик заметил негодующий взгляд жены и, отпустив молодую, направился к ней. Глаза у него так и заиграли, как в прежние времена. Напрасно жена сопротивлялась и бранилась — через миг она тоже очутилась в кругу. Лицо ее сияло от удовольствия. И старик прочитал на нем благосклонность и прощение.

Солнце уже заходило, когда на двор к Бежанам вошел гусопас Ондраш. Он не увидел там никого; один только зазывальщик, изрядно хвативший лишнего, брел к гумну. За столом он держался стойко, но все же не устоял. Не способный к дальнейшей борьбе, он пошел отдыхать туда, где помягче — на солому. В зубах у него был зажат окурок сигары — да, держаться надо по-господски, раз уж ты на свадьбе.

Гусопас решительно направился в сени, размахивая руками и наклонив голову еще ниже, чем обычно. Он не смотрел ни направо, ни налево, только упрямо пробивал себе дорогу в комнату — прямиком в комнату. Но было это не так-то просто. Он наткнулся на женщин, которые тут же его остановили.

— Гляньте-ка на него — какой гордый! Даже слова не промолвит.

— Не видишь, что ли, на нем рубаха новая. Ох — и шляпа новая. Ондраш — да ты никак, разрази меня гром, жениться собрался?

— А поглядите-ка, подружки, какие штаны на нем, ведь так цветами и горят!

В конце концов, он пробился от дверей к пустому кругу. Радостно заскочил в него — и тут же полетел. Шляпу закинуло куда-то за печь, в толпу зевак; волосы растрепались от толчков.

— Бросьте его! Оставьте убогого в покое... — вступилась за него одна молодка из сеней.

— Ну, и то, — поддержала другая, — он ведь едва ходит, а эти еще толкать его надумали. Оставьте его, вдруг повредите что-нибудь.

Его отпустили. Ондраш встал, наконец, на ноги, приглаживая волосы руками и глупо улыбаясь. И сразу же стал опять пробираться вперед, где шли танцы. С трудом нашел он место, откуда мог над головами гостей видеть танцующих. А, вот и она! Как раз танцует с Яном Дубравой — и они так глядят друг на друга! Гм, странно, что ему тут надо? А она так улыбается ему — этому Яну! Да, совсем не так она глядела, когда приходила тогда с обедом. Вот положила ему руку на плечо — Яну — и оперлась на него. Как та принцесса из замка. Но это же не принцесса! Ах...

Гусару стало больно — он сморщил лицо.

Но теперь и Зуска не глядит так радостно на молодого мужа. Глаза ее не сверкают, как бриллианты — они потускнели, словно зеркало от жаркого дыхания. Какая-то тревога, страх заволокли их пеленой. Часто бросает она взгляд на го-

стей, и каждый раз что-то словно ранит ее. Тоскливо ей здесь, в этой комнате, душно, и воздух кажется тяжелым, и музыка — неприятной. Танцующие напоминают ей фигурки на ниточках: ах, все здесь выглядит так глупо и нелепо!

Ее взгляд упал на лицо гусопаса, на его маленькие глазки, которые и сейчас так глупо и все же нежно улыбаются ей. На его лице было такое выражение, с каким тайком смотрят на человека в большом обществе, желая сказать ему, что все понимают.

Но тут гусопас затерялся среди гостей, кто-то схватил его за руку и потащил вон. Он даже не посмотрел, кто это, и без того знал.

— Ну, негодник какой... смеху-то было — ну, дурень!... — шептала ему на ухо рассерженная тетка. Стоявшие поблизости не слышали, что она говорит. И только увидев, как Ондраш упирается — поняли. Женщины в сенях вступились за него:

— Оставьте уж его! Он же не мешает никому — так пусть посмотрит и повеселится.

— Не нужно ему никакого веселья — хватит того, что на нем.

— Да нет, как же! Любой твари божьей веселья хочется — тем более человеку. Даже в аду порой черти веселятся.

Тут вышла из кухни Бежанова. С ее лица сразу сошло радостное выражение. Она вопросительно глянула на тетку, но все-таки любезно пригласила:

— Зайдите, тетка, хотя бы на кухню. Вы же тут еще не были. Только пусть и он пойдет, пусть хоть чему-нибудь с нашей свадьбы порадуется.

Тетка неохотно, но все-таки вошла за Бежановой, держа малого за руку. Так хоть с людских глаз пропадет. Вошли в кладовку — и гусопас сразу вскрикнул:

— Пустите меня — в комнату! Чего снова держите?

— Замолчи! И чтоб ни звука!

И тетка приложила ему ко лбу кулак. Тогда он обратился к Бежановой, словно за защитой:

— Видите, они так со мной с самого утра делают. И на венчание меня не пустили, сейчас только я от них убежал.

— Так ведь было уже оно... — промолвила Бежанова.

— Как это? — Он вопросительно поглядел на нее.

— Да, было уже — сын мой милый.

— И без меня? Просто так, без меня было? А — кто?

— Да уж, так и было — без тебя.

Тетка ухмыльнулась ему язвительно:

— Ждали тебя — видишь? Ведь советовала я тебе, выбрось все из головы. Вот и получил! Зачем ты им поверил!

Но гусопаса это не волновало. Он уже достаточно слышал таких речей. А теперь хотел узнать о свадьбе подробнее.

— А кто ее — кто за себя взял?

— Ну, Яно — Дубрава.

— Этот? Вот видите, тетка, зачем вы меня заперли в чулане и держали там до сих пор? Раз я к ним не пришел — что им было делать? Послали за другим, а теперь уж все напрасно — напрасно.

Ондраш сел на лавку, заставленную мисками со студнем. Но ему было не до них. Он вертел в руках шляпу. Бежанова спросила у тетки:

— И как вы это с ним сделали?

— Да как сделала, заперла я его!

— Да, заперла... заперла, — перебил ее Ондраш, — а зачем, не знаю. У меня и рубаха была новая, и штаны, и шляпа — гляньте, какие ленточки на ней! Только букетика не было... я бы уже пошел. И крючки, как полагается, застегнул, и все... а не пустили меня. А теперь — конец! Ведь я бы и убежал — но не мог раньше, только сейчас вот. Если бы только вы подождали — но теперь уже поздно. — Он подбросил новую шляпу и, поймав ее, стал снова вертеть в руках.

— Бедняжечка, — погладила его Бежанова и подала изрядный кусок белой сдобной бабы. Он заерзал на месте — мол, не хочу, и продолжал играть со шляпой.

— Да уж, бедняжечка! — вздохнула тетка. — А если бы ты его утром видела! Я прямо подойти к нему боялась. На рассвете уже стал от меня свои обновки требовать. А я их не хотела отдавать. И он тогда, ты только подумай — топором на меня замахнулся. Может, и убил бы, да я от него убежала... вот так-то — на старости лет. А он с топором зашел в чулан — сшиб крышку с сундука. Одежу оттуда повынимал и на себя надел. Хорошо я в сени вышла и дверь за ним захлопнула. Думала, с ума сойдет — так плакал, когда дверь отворить не смог! И сказать не могу, как мне его жалко было! — Тетка снова расплакалась. Потом утерла фартуком глаза.

— Бедняжечка!

— Бедняжечка... теперь уже бедняжечка... — проворчал гусопас и вышел. Тетка, разгоряченная рассказом, не заметила ничего; Бежанова его не остановила. Он же был тихий, как овечка.

— А потом вы его все-таки выпустили!

— Да уж! Он ведь топором щеколду отжал, косяк весь разворотил. Ох, с самого утра до сего часа столько я мук с ним натерпелась, сколько никогда прежде не было. А страху-то сколько!

— Вы уж на нас больше не сердитесь: поверьте, ведь и я из-за него дни и ночи переживаю.

— Ну, на все воля божья. Я на одного только господа и уповаю. Он лучше нас знает, что делать.

10

Гусопас вышел из кладовки и вернулся в комнату. Круг танцующих расширился, музыканты играли, подсакивая на помосте. Первая скрипка стонал и изгибал губы, контрабас перекрывал звуки скрипок и топот танцующих своим низким ду-ду-дуду-дуду.

Ондраш ничего этого не замечал. Он уставился на невесту и следил за каждым ее шагом. Под потолком горела маленькая лампа, ее колеблющийся свет падал узким кругом. Ондраш стоял в полутьме. Но видел все — как его Зюзка танцу-

ет с парнями, а главное — с ним, и как она ему улыбается! На ее лице не видно ни малейшего раскаяния или сожаления. Все страхи прогнала музыка и веселье. Она снова весела и счастлива. Вот молодой муж шепнул ей что-то, она кивнула — и какой взгляд бросила на него! Открытый, полный любви, нежности и желания... нет, она наверняка его любит. Губы Ондраша скривились от отчаяния и боли.

— Как он нравится ей! Нравится... нравится. — В глазах у него потемнело. Нет — в них что-то вспыхнуло. Он видит тысячи музыкантов и тысячи молодых — и все счастливо улыбаются. И снова не видно ничего, ни души, глаза его залились слезами. Он повернулся и стал локтями прокладывать себе путь. Вон — вон из дома. Здесь душно — нечем дышать.

Ондраш пошел на двор, к сараю. Сел на колеса и задумался, опершись на колесо и обхватив руками тяжелую голову. Слеза капала за слезой... Забытый всеми, он в одиночестве предавался своему горю — и как приятно было ему плакать, сидя здесь. Звуки музыки, крик и топот танцующих в странной мешанине долетали до него. *Дуду-дуду* было слышно особенно отчетливо. Потом все тише, тише... Не слышно ничего. Немота и молчание в его душе и вокруг него, как в могиле.

Может, это свадьба уходит от Бежанов, а может — гусопаса что-то уносит? Да, уносит, все дальше и дальше, куда-то прочь — прочь...

А в доме топот, гомон, про гусопаса никто и не вспоминает. Теперь только начинается настоящее веселье. В сенях и в комнате полно народу, под окнами кучи зевак. И каждый смотрит с таким живым интересом, будто никогда еще не видел ни свадьбы, ни танцев. Нет, конечно, видел — и не раз! Но всегда хочется увидеть еще. Старые вспоминают молодые годы, свою свадьбу, молодежь размышляет о том времени, когда и они вот так же привлекут к себе общее внимание.

И тут посреди веселья со двора долетело страшное слово:

— Пожар — пожар!

Сначала из-под окон ушли зеваки. Никто не говорил ни слова, словно не понимая, что происходит.

— Пожар — пожар!

Застывшие лица разом ожили. И сразу со всех сторон прозвучал вопрос: — Где?

— Да вон — глядите!

Хлев на дворе Бежанов был охвачен пламенем. Пучки соломы отходили от стропил и падали в горящее сено. Музыка в комнате не прекращалась, туда еще не дошла страшная весть.

Какая-то женщина сунула в окно голову и крикнула:

— Вы горите, люди — горите!

Музыка смолкла — но пары еще не распадались. Увлеченные танцем, они кружились еще с минуту — но потом, не слыша музыки, в недоумении остановились посреди комнаты. Круг гостей начал редеть — все бросились к узким дверям. Каждый молча, но упорно старался пробиться к выходу.

Танцоры еще не поняли, что происходит. Один из них крикнул разгоряченно:

— Музыканты, играйте!

Но из окна снова послышался громкий голос:

— Пожар — пожар!

Веселье закончилось. Танцоры бросили своих партнерш посреди комнаты и стали протискиваться на выход, к дверям. Решив, что огонь уже повсюду, они от беспечности перешли в другую крайность: теперь каждый пытался спасти собственную жизнь. В дверях возникла страшная толчея. Оттуда доносились стоны, крики, ругань зажатых. Остальные, кто был в доме, оставили надежду выбраться наружу и пошли к окну. Другие — на кухню. Но большинство осталось в комнате.

Те, кто уже вышел наружу, подняли еще больший крик и суету, словно желая возместить время, потерянное, пока они выбирались из дома.

— Поджог кто-то — из хлева огонь пошел! Поджог кто-то — не из кухни это!

— Кто? Поймать его! Поймайте его — быстро!

Кучка подвыпивших гостей пошла к постройкам, над которыми полыхал огонь. Глядь, а там возле сарая сидит кто-то — на колесах. Лицо руками закрыто.

— А ну, иди сюда! Сгоришь ведь там — уходи!

Но он не двигался. Мужики оттащили гусопаса прочь, а тот глупо смотрел на них, ничего не понимая.

— Чего тебе тут надо? Уходи!

Он кивнул им: — Да — иду. Где невеста? Уже пора — венчаться. Пошли!

— Э, да ведь он — прости его, боже — умом тронулся.

— Или пьяный...

— И все праздничное на нем! Ты что тут делаешь, а?

— За невестой! На венчанье — на венчанье! Чего зря стоять!

В голове старого свата мелькнула мысль.

— Люди, держите его! Что, если он это ... взаправду!

— Очень может статься... голова-то у него не на месте...

И его схватили. Но гусопас стал отчаянно вырываться из их рук. Мужики не могли с ним справиться.

— Чего вам? Пустите меня... я за ней пойду!

Какой-то женский голос прокричал:

— Держите его! Связать, чтобы не ушел! Если поджигатель вокруг деревни бежит, все пеплом ляжем!

— Связать его — связать.

— Веревку — веревку!

— Давайте сюда веревку!

Гусопаса послешно привязали к забору. Стянули ему руки веревкой, да так туго, что выступили жилы. Он не мог даже шевельнуться.

Так путь огню был успешно прегражден, поджигатель не успел бежать всю деревню. Все были уверены, что бедствие ограничится домом Бежана. И поскольку гусопас был связан, никто уже не обращал на него внимания — его оставили у забора.

Наконец, дом опустел. Последним из него вышел сам хозяин. Он уже справился с испугом и оторопью, и разом взял верх над страхом.

— Скотина — скотина! Ну же, помогите мне: выведем скотину! Быстро, а то задохнется!

Мужики побежали вслед за ним в хлев. За каждого вола взялись человек по пятеро. Но тем труднее шла у них работа. Один отвязывал — другие мешали. Все словно ум потеряли.

Наконец, скотину вывели на двор.

— В поле их выгнать, в поле!

Хозяйка Бежанова бегала по двору, как полоумная, крича:

— Спасайте нас — спасайте!

В беспамятстве связала она перины в узел и закинула себе на спину. С этой ношей она бегала по двору, причитая. Потом выбежала на дорогу и закричала:

— Пожар — пожар!

С башни донесся тревожный звон колокола. Его звуки печально разносились по деревне, озаренной пожаром.

Перед домом и на дворе у Бежанов толпились люди. Пришедшие издалека остались возле огня, а ближние соседи побежали по домам выносить вещи. Хоть поджигателя и схватили, хоть огонь дальше и не пойдет, но — на всякий случай. Таков уж обычай.

Некоторые принесли с собой кастрюли и корыта, наполненные водой. Это привело людей в чувство.

— Гасит, гасить! Крыша провалится! Воду носить, воду!

Толпа бросилась за водой. Каждый взял посудину, где только мог. У Бежанов все уже разобрали. Горшки, в которых только что была похлебка и мясо, каша и потроха — все было уже наполнено водой. А их содержимое — бог весть где!

— Вот вода!

— Пожарный насос — насос! — закричал кто-то из мужиков.

Только теперь вспомнили они о пожарном насосе. И побежали к старосте за ключом от деревенского сарая, в котором насос хранился.

Но понапрасну староста шарил по всем углам. Только в комнате поднялась туча пыли.

— Ключ — ключ!

— Сейчас... сейчас!

— Да где же он? — кричали нетерпеливые сельчане.

— У жены он был... куда-то она его положила — не знаю, куда.

— Старостиху надо искать! Где старостиха?

— На свадьбе этой несчастной где-то.

Побежали назад, к Бежанам, и с трудом нашли старостиху.

— Ключ... ключ! — закричали ей всей толпой.

Старостиха не поняла.

— Что за ключ? От амбара — или от шкафа?

— От сарая... насос... ключ!

Старостиха пошарила за поясом и вытащила связку ключей. Один за другим, как четки, перебирала она их на красивой латунной цепочке, подаренной когда-то часовщиком.

— У меня его нет... он, верно, где-нибудь на чердаке.

Мужики побежали к старосте и, перебивая друг друга, закричали:

— На чердаке... на чердаке!

Но чердак в доме старосты был немаленький. Под крышей — шесть балок и на каждой по двенадцать полок из прибитых к ним досок. Ищет староста, ищут мужики, вытаскивая кучу всевозможных карточек, коробочек, казенных бумаг. Был там и сельский архив. Кто-то нашел и бритву с мылом, и много всего разного — но ключа не было нигде. Наконец, староста нащупал его на полке и крикнул:

— Вот он — живо за насосом!

Мужики бросились за насосом. Открыли сарай, разобрали связки конопли и снопы, которые хранил там староста, и с грехом пополам притащили насос к пожару.

Огонь все это время не останавливался. Хлевы, гумно и сусеки были охвачены пламенем. Крыша над хлевами рухнула, начинал прогорать и чердак. Огонь подбирался уже к крыше дома. Люди спускали с чердака, что было только можно, выносили вещи из комнаты и кладовки. Бежанова бросилась к ним:

— Отдайте мои вещи! Обокрасть меня хотят — все забирают!

Каждого, кто что-то нес, она останавливала и уносила спасенную вещь за ручей, в сад. Но люди не сердились на нее за то, что она принимала их за грабителей. Да и как не лишиться человеку ума от такой беды!

К пожарному насосу встал один сельчанин — другие подносили воду. Но — странное дело. Чем больше они наливали, тем больше вытекало. Вода выливалась сквозь дырявое дно как сквозь решето.

— Замазать надо... глиной! — закричали самые сообразительные.

— Замазать... замазать! — вторили им бестолковые. Но никто не брался за дело — не было глины.

Наконец, кто-то отправился к Бежановой.

— Дайте муки... есть она у вас?

— Ничего у меня нет! Обокрали меня... ограбили... подожгли... унесли все!

— Где у вас мучные лари?

— Не знаю... Там где-то... — и она махнула рукой в сторону сада.

Мужик побежал в сад, насыпал в горшок муки, налил туда воды и закатал рывка. И пока дошел до двора, в горшке уже было тесто.

— Отойдите прочь! Замазать... замазать!

Щели замазали, и вскоре насос был полон. Двенадцать мужиков взялись за рычаг, сильная струя воды полилась на покрытую дранкой кровлю. Про дворовые постройки никто даже и не думал. Спасти их было уже невозможно.

11

Связанный гусопас привалился к забору. От отчаянной борьбы с мужиками и от огорчения он ослаб. Глаза его слипались дремотой. Эх, хорошо было бы поспать, только прилечь никак нельзя: стоит только пошевелиться, как в руки

больно врезается веревка. Его не волнует ни пожар, ни суетливая беготня людей вокруг. Он даже не понимает, что происходит поблизости. Наверно, это продолжение свадьбы. Никто не обращает на него внимания. Да и зачем? Убежать он не убежит, поскольку связан, а выпытывать у него, что он такое сделал, сейчас, в самое горячее время, никому не придет в голову. Он же все равно не в своем уме, а завтра его и так призовут к ответу.

Как только подоспел пожарный насос, все сгрудились вокруг него. Одни носили воду, другие дергали рычаг, некоторые отдыхали, помахивая руками, а иные просто смотрели на огонь, стоя в сторонке. Осоловелый гусопас дремал, время от времени дергаясь во сне от боли в связанных руках. Но тут кто-то подошел к нему и позвал:

— Ондраш — Ондраш!

Он вздрогнул, открыл глаза, и сонная улыбка заиграла на его широких губах.

— Что ты тут делаешь? — обратились к нему еще раз.

— Иду — иду. Ну, пошли — на венчанье. Знаешь, утром меня заперли в чулане и не пустили к тебе — а сейчас вот к забору привязали.

— А почему тебя привязали?

— За то, что я пришел тебя звать. Смотри, на мне новая одежда; и штаны, и рубаша. Шляпу у меня кто-то забрал. Да ничего — пойдём!

— Да ты же связан.

— Пусти меня, Зюзка. Руки уже болят... затекли!

Зюзка была в венке и в свадебном наряде, но вся грязная, помятая. Она тоже носила воду и облилась. Ее вышитая сорочка с закатанными рукавами, которая перед алтарем сияла белизной, выглядела теперь, как засаленная рубашка пастуха. Она наклонилась над Ондрашем и принялась развязывать веревки.

— Не получается — крепко тебя привязали.

— Ага, крепко, и в чулан меня так заперли. Но я его открыл. Оторвал косяк и петли. Расстегни мне рубаху, на жилетке ножик висит.

Зюзка расстегнула его рубаху, под ней на жилетке виднелась белая тесемка. Зюзка дернула за нее, и из кармана показался ножик. Гусопас чувствовал на лице ее дыхание — и у него забило сердце. Как только она пришла, его все время овеивал аромат гвоздики. Ондраш был как в дурмане. Вскоре он уже свободно встал на землю и замахал руками.

— Ну, теперь пойдём. Нас и вечером повенчают.

— Да ведь я уже — с Яном Дубравой.

— Правда — правда! Мне уж сказали — да я забыл. Опоздал я... вы ведь долго меня ждали? Ты бы могла прийти освободить меня, как сейчас. Ах, тетка... тетка! Ну, не пойдешь со мной, не пойдешь?

Зюзке стало жаль его. Угрызения совести мучили ее.

— Не ждала я тебя — не ждала. И не хотела я за тебя идти — это я тебя обманывала. Понимаешь? Обманывала, хотела выйти за Яна Дубраву, а тебя только с толку сбила. Потому-то нас бог и наказал!

Но гусопас не понимал, что ему говорят. — Опоздал я, да... только я не виноват. Если бы не тетка... но она в чулан меня заперла.

Зузка хотела все ему объяснить, чтобы он увидел действительность, как она есть. Хотела, чтобы он проклял ее — тогда у нее, наверно, немного отлегло бы от сердца.

— Понимаешь, Ондраш — я тебя обманывала. Меня не за тебя выдать хотели, а за Яна Дубраву... Понимаешь?

— Ага, за Яна Дубраву — ага. Раз не пришел я, ты вышла за Яна Дубраву. Да, уже поздно — поздно!

Зузка стиснула руки.

— Ума он лишился! Боже, и это я во всем виновата — никто другой!

Огонь так и не перекинулся на кровлю дома; вода из насоса преградила ему путь. Дворовые постройки трещали; зерно, которое хранилось в амбаре, догорало. От насоса к горящим строениям бросилась Бежанова. Она кое-как пришла в себя после первого испуга и начала размышлять, что бы еще можно было спасти. Тут она увидела неподалеку гусопаса, а рядом с ним свою дочь. И ей пришли на ум ее гуси.

— Где мои гуси? Гуси мои милые?

Она побежала к насосу узнать, не выпустил ли кто ее гусей. Но никто не смог этим похвастаться. Все пожимали плечами. Тогда она подошла к хлеву и стала звать:

— Тега-тега! Тегушка моя... тега-тега! — Из хлева ей отозвалась старая гусыня знакомым гоготанием.

— Люди — спасайте! Люди!

От насоса прибежало несколько мужиков.

— Что тут еще, что?

— Гуси... гуси мои в амбаре! Сгорят ведь, бедные — спасайте!

— А я-то думал, что! — отозвался из толпы сердитый голос. — Всего-то гуси — и без них можете обойтись.

— Да ведь это не простой гусь! Она же по двенадцать гусят высидивает что ни год. Я ж просто помру тут, если ее лишусь!

— И лишитесь! Поглядите, уже и чердак догорает. Кто будет жизнью рисковать — ради гуся!

— Ох, гусынюшка моя! Никогда — никогда я тебя больше не увижу!

У гусопаса только теперь открылись глаза, словно с них сняли пелену. И что же он видит? Повсюду огонь, полно людей, которые с ним борются. И только он стоит, как кол в заборе. А тут и Зузка, и теща, и они так жалеют гусыню, ту самую, которая ему невесту добыть помогла. Ондраш сбросил рубаху и смело кинулся в хлев. Дорогу он знал хорошо, однажды уже выгонял гусей из маленького загона, там, в углу. Дыму был полон хлев — но он-то знает способ. Ондраш нагнулся; над землей оставался еще тонкий слой чистого воздуха. Он сбросил крючок с дверцы. — Выходи... быстро! — кричали ему снаружи мужики. — Выпусти их, они сами выйдут! Тега-тега!

Но гуси не двигались. Гусопас, согнувшись, зашел в клетку и выгнал их. Перепуганные, сонные гуси не знали, куда бежать. Ондраш кричал им вслед: — Айда —

айда! — А Бежанова звала возле хлева: — Тега-тега! — . Старая гусыня подошла к дверям, к хозяйке, гогоча своим гусьятм, которые робко шли за ней: — Га-га-га, га-га-га...

Гусыня спрыгнула с высокого порога, устремившись к хозяйке — и тут загрохотало, и искры, взлетевшие высоко вверх, осветили все вокруг.

Над хлевом уже нет чердака — он провалился вместе с толстым слоем полыхавшего сверху сена. Огонь разгорелся с новой силой — недогоревшее сено давало ему много пищи. Из уст хозяйки и столпивших вокруг людей вырвался отчаянный крик, все в немом ужасе смотрели на эту картину.

Гусыня, перепуганная грохотом, ослепленная вспышкой, взвилась в воздух и упала в хлев с обгоревшими крыльями — к своим гусьятм и гусопасу. Пламя поглотило ее, словно лакомый кусочек.

— Воду сюда... воду! Крючья — насос! — кричали мужики, придя в чувство.

— Крючья, воду — быстро! На гусопаса крыша рухнула!

— Наказанье божье, за то, что поджег... — заметил мудрый сват.

Все уже сбежались к хлеву, стали поливать стены, некоторые осмелились зайти внутрь и принялись окатывать водой горящие балки и почерневшие доски чердака. Вытаскивали головешки крючьями, горячий пепел оседал все ниже и ниже — к земле. За одним из крючьев потянулось что-то черное...

— Сын мой — сын мой милый! Вот и пришел ты, пришел на честную свадьбу! Теперь уж не будешь никому мешать!

Это была старая тетка. Все расступились перед ней, сочувствуя ее горю. Мудрый сват снова заметил:

— Это наказанье божье — наказанье божье! Поджигателей оно не минует!

Тетка не слышала, что он говорит.

Хлев загасили, сруб остался почти целым. И дом не занялся, ветра, к счастью, не было, да и поджигатель не успел бежать деревню.

На другой день, когда Бежан расчищал пепелище, он нашел между головешками что-то обгоревшее. Угадать, что бы это могло быть, не смог никто...

В тот же день прошли похороны. В одном гробу лежал гусопас и та обгоревшая мягкая масса, которую нашли посреди головешек.

Зазывальщика нигде не могли найти. Мудрый сват не заметил в этот раз:

— Это наказанье божье — наказанье божье!...

Перевод Людмилы Широковой

МАРТИН КУКУЧИН И РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА

Практически на протяжении всего XIX столетия, когда в воздухе витала идея единения славянских народов, или, как ее называли в Чехии и Словакии, «идея славянской взаимности», русской интеллигенции были очень близки проблемы, волновавшие всех славян, в том числе и словацкое общество. Она активно поддерживала тенденции, присутствовавшие в процессе «пробуждения» словаков, их стремление, с одной стороны, как можно полнее выразить себя, проявить свои национальные особенности, свою самобытность, а с другой стороны, — как выразился русский славист Флоринский, — тенденцию «центростремительную», для которой характерно широкое проявление общеславянского сознания, распространение всеславянской идеи.

На рубеже XIX–XX веков русско-словацкие межлитературные связи выглядели довольно активно. Тогда неоспоримым лидером публикаций в российских изданиях стал Св. Гурбан-Ваянский. Более шести десятков произведений словацкого писателя появилось в то время в ведущих российских изданиях. Конечно, на этом фоне творчество Мартина Кукучина (1860–1928) в России выглядело довольно скромно. В 1900 году в двух номерах Литературного приложения к «Торгово-промышленной газете», издаваемой в Санкт-Петербурге (№№ 33–34), в переводе Д.

Шестакова была напечатана новелла «В школу» с подзаголовком «Картинки из жизни словацких крестьян». Затем дважды — в 1900 и в 1910 годах был издан рассказ «Деревенский роман». В первом случае — в журнале «Волгарь» (Н. Новгород, №№ 317–318, 321) в переводе некоего Д. Ш. Во втором — в Харькове в журнале «Мирный труд» (№№ 7–8) в переводе А. М. Уже в середине XX века «Деревенский роман» был включен в сборник «Словацкие рассказы» (1956, перевод под редакцией Н. Троепольской). Кроме того, на русский язык были переведены повесть «Dies irea», вошедшая в книгу «Словацкие повести и рассказы» (1953, перевод Н. Кордэ и Т. Сычевой) и роман «Дом под горой» (1980, перевод Н. Аросевой, предисловие А. Соловьевой). Отдельным изданием вышел сборник «Новеллы» (1961), в который вошли новеллы: «Рыжая телка», «Вот умрет дядюшка из Хохолева», «На Подконицком балу», «Записки из грустного дома» (предисловие Ю. Богданова, перевод И. и Ю. Богдановых и Л. Васильевой).

Таким образом, можно сказать, что имя Мартина Кукучина достаточно известно в России, хотя масштаб этой известности, конечно же, несоизмерим с объемом творчества писателя и его вкладом в развитие словацкой литературы.

Что касается влияния русской литературы конца XIX века на литературу

словацкую, то эта проблема не столь однозначна, как это может показаться на первый взгляд, ибо словацкие русофилы (прежде всего — Ваянский и Шкультеты, которые тогда задавали тон в литературной жизни Словакии) не воспринимали произведения многих русских писателей. Они не могли смириться с их критической направленностью, с тем как русские реалисты, по их мнению, занимались «очернительством» российской действительности, не оставляя читателю права на «возвышенный вздох». Например, Тургенева они считали больше художником, чем патриотом, Гоголя вообще начали издавать только в 1860–1870-ые годы, и то преимущественно произведения фольклорного характера, Достоевского не переводили вплоть до конца столетия; неоднозначным было их отношение к Толстому, Чехову и т. п.

Однако Кукучин, которого обычно относят к первому этапу развития словацкого реализма (1870–1900), испытал сильное влияние пражской атмосферы рубежа веков, по своим взглядам и убеждениям был ближе новому поколению реалистов, молодежи, обучавшейся в Карловом университете и входившей в общество «Детван». Для этого поколения проблемы славянства постепенно вытеснялись проблемами социально значимыми, а сама программа реализма, сформулированная Ваянским и Шкультеты, перестала быть руководством к действию. Поэтому и отношение молодых литераторов к русской реалистической литературе было иным. Решающее значение для них имело не присутствие или отсутствие в произведениях славянской идеи, а наличие социально-нравственной

проблематики, эстетическая ценность произведений.

О взаимодействии Кукучина с русской литературой писали многие словацкие исследователи, начиная с Й. Шкультеты. П. Буйнака, В. Шробара, Ш. Крчмеры и заканчивая А. Мразом, О. Чепаном, Я. Штевчеком. Ю. Ноге, Д. Дюришиным и др. Подобный интерес обусловлен тем, что в творчестве Кукучина — как, пожалуй, ни у кого другого из словацких писателей — просматривается влияние лучших достижений русской реалистической прозы второй половины XIX — начала XX вв., прежде всего Тургенева, Гоголя, Достоевского, Толстого.

Поначалу Кукучин знакомился с русской литературой в чешских, польских, венгерских переводах. Позже читал по-русски. Он основательно изучил русскую классику во время учебы в Карловом университете и членства в обществе «Детван». Как следует из протоколов заседаний этого общества, там активно обсуждались произведения мировой литературы, в том числе русской. Кукучин выступал там с сообщениями о «Войне и мире» и «Крейцеровой сонате» Толстого, о романе «Дым» Тургенева, «Идиоте» Достоевского, принимал активное участие в обсуждении романа Герцена «Кто виноват?». В частности, выступая по поводу главного героя романа Герцена, он приходит к заключению о том, что в России человек, типа Бельтова, не имеет возможности для активных действий. Поэтому фраза «Кто виноват?», с его точки зрения, не относится ни к любовным, ни к социальным отношениям.

«Любимцем» Кукучина, как утверждал Й. Шкультеты, был Гоголь. В ста-

тье, датируемой 1920 годом, критик писал: «*наш Кукучин любит русского Гоголя, как, вероятно, никакого другого представителя мировой литературы. Конечно же, он нашел в нем родственную душу*». Пытаясь определить, что именно сближает Гоголя и Кукучина, Шкультеты утверждал, что оба писателя способны понять саму природу человеческой натуры и с потрясающим мастерством вылепить из нее образ, что оба — прекрасные юмористы. Однако, по мнению критика, сходство между ними заканчивается тогда, когда их юмор «*достигает своего апогея*». Когда это происходит, каждый из них ведет себя иначе. Так, «*у русского, — пишет Шкультеты, — от жалости глаза полны слез, хотя своей безжалостной сатирой он наказывает своих же людей за их отрицательные качества*»¹. У Кукучина — иначе. Критик утверждает, что словацкий писатель даже из ничемных, распутных людей создавал милые фигуры, потому что он, как добрый человек, стремится показать в них лишь самое прекрасное. С его точки зрения, именно этого недостает Гоголю. То есть Шкультеты видит в Кукучине наглядную реализацию одного из основополагающих принципов своей программы реализма. А именно: недопустимость изображения негативных сторон жизни, которое, по его словам, «*убивает в читателе чувство*» и «*не оставляет ему права на возвышенный вздох*»². Применительно к словацкой литературе Шкультеты выражает готовность в отношении произведений подобного рода выска-

зать свое «вето». Из всего сказанного критик делает следующий вывод: «*Гоголь только со слезами на глазах может смеяться над слабостями своих героев*», что является «*национальной русской чертой. Жалеть несчастного человека, говорят, это чувство, присущее только русским*»³. В этом суждении мы видим недопонимание критиком самого существа гоголевского смеха, да и смеха других русских сатириков. Гоголь любил Россию и русский народ, он искренне переживал за их судьбу, а потому и смеялся над ними сквозь слезы. Что же касается смеха Кукучина, то гораздо большая правда содержится в словах Крчмеры. В отличие от Шкультеты тот писал, что Кукучин «*остановил свой взгляд на предметах и на людях, чтобы не погибнуть в своей внутренней тоске. Он смеялся, чтобы его сердце не плакало*»⁴. И в этом он был сродни Гоголю.

Что касается воздействия гоголевского творчества на Кукучина, то ему импонировало отношение русского писателя к фольклору, его юмор, способность увидеть комические стороны действительности и в гиперболизированном виде отобразить их, сама атмосфера произведений. В своих ранних литературных опытах — этюдах, зарисовках, рассказах, — которые представляют собой своего рода мозаику деревенской жизни («На ярмарку», «Деревенская ярмарка», «На Ондreja», «Соседи», «Рождественские вафли», «Рыжая телка», «Вот умрет дядюшка из Хохолева», «На Подконицком балу»

¹ Там же. С. 138

² Škultéty J. *Senzačná novela a román. Spevy Jána Bottu*. // Slovenská literárna kritika. zv. II., s. 107.

³ Škultéty J. *Martin Kukučín*. // Slovenská literárna kritika. II zv., s. 138

⁴ Krčmery Š. *Martin Kukučín*. // Š. Krčmery. *Dejiny slovenskej literatúry*. II. Bratislava. 1976, s. 168.

и др.), Кукучин с помощью фольклорного материала, фантастики, народных поверий, преданий, описания обычаев, традиций воссоздает атмосферу этой жизни. При этом он использует гоголевские мотивы, некоторые принципы построения характеров, схожие средства их изображения, ситуации (сравни «Рыжая телка» и «Повесть о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем» или «На Подконицком балу» и «Женитьба» и др.). В рассказах Кукучина можно встретить и характеры, напоминающие гоголевские. Так, Адуш Доманицкий («Вот умрет дядюшка из Хохолева») напоминает Хлестакова из гоголевского «Ревизора» и Манилова из «Мертвых душ» — одновременно. Заметим, что по воспоминаниям самого Кукучина, он плакал, был потрясен, «несколько дней ходил как убитый» после просмотра на сцене Национального театра в Праге «Ревизора». Ощутимо воздействие Гоголя и в рассказе «Рождественские вафли» (атмосфера рождества, воссоздание поэзии деревенской жизни, волшебства молодой любви, включение в текст поверий и проч.).

Показательно, что и свою переводческую деятельность Кукучин начал именно с Гоголя: он перевел его «Ночь перед Рождеством», «Шинель», «Повесть о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем». При этом если поначалу его больше привлекали романтически окрашенные, юмористические произведения из деревенской жизни, то со временем ему ближе становятся рассказы и повести на городскую тематику с выраженной сатирической тональностью. Поэтому можно сказать, что влияние Гоголя

на Кукучина, эволюция его интереса к произведениям русского писателя во многом отражает эволюцию творчества самого Кукучина, а также эволюцию техники его переводов (от буквального, дословного — к вольному, творческому).

Наряду с Гоголем значительное влияние на Кукучина, особенно после переезда в Прагу, оказал Толстой. В его отношении к Толстому находит свое подтверждение тот факт, что творчество русского писателя было гораздо ближе молодежи, чем «мартинцам», которые, к примеру, в связи с его пьесой «Плоды просвещения», по словам Й. Шкультеты, писали, что Толстой видит в жизни «*лишь одну ложь, фальшь и искажения*». Совсем иным было отношение к русскому писателю молодых литераторов. В частности, В. Шробар писал: «...мы признаем, что Толстой является одним из самых великих учителей мира и что его учение о нравственности равносильно пророческому»¹. И еще: «*Словацкая молодежь в Праге становилась не только в духовном плане, но и в своей повседневной жизни "толстовской". Веселье гулянки были все реже, беззаботная студенческая жизнь сменилась аскетической закрытостью. Старшие члены Общества, неисправимые «мартинцы», покидали Прагу... С ними уходили в прошлое и старые традиции, а также их явное личное воздействие на новых членов*»².

Отношение к Толстому «мартинцев», как и ко многим другим русским

¹ Šrobár V. Lev Nikolajevič Tolstoj: Obnovenie pekla // Slovenská literárna kritika. III zv., s. 52

² Števcík J. *Kukučínov vzťah k Tolstému. // Z ohlasov L. N. Tolstého na Slovensku. Slovenské štúdie IV. Vyd. SAV. Bratislava. 1960, s. 118.*

писателям-реалистам, было неоднозначно. Они высоко ценили его как художника, но не воспринимали его религиозные и философские взгляды. Молодежь же больше привлекала идейная, моральная сторона его творчества. И хотя Кукучина нельзя однозначно отнести к «толстовцам», тем не менее, взгляды Толстого оказали большое влияние на нравственную составляющую мировоззрения словацкого писателя. Они активизировали в нем предпочтительное отношением к тем моральным качествам человека, которые прежде он ценил в образе жизни и взглядах простых людей, что находит свое подтверждение также в его критике «мартинцев».

Конкретно влияние Толстого можно обнаружить во многих рассказах Кукучина, а также в его романах «Дом на склоне» и «Мать зовет». Это влияние проявилось прежде всего в актуализации нравственной проблематики, в наличии типично толстовской идеи, связанной с противопоставлением двух нравственных категорий — «светского образа жизни» и служения людям, смирения.

Нелегко дается герою рассказа «Рождественские вафли», который поначалу тяготеет мыслью о необходимости служения людям, переход на новые нравственные позиции, ставшие затем смыслом его жизни. В новелле «Dies irae», осмысливая толстовскую дилемму «Богу или мамоне?», Кукучин сопрягает социальный и нравственный аспекты в изображении героя. Однако прозрение Сикоры выглядит нелогично, противоречит общему звучанию характера. Герой понимает всю низость своего падения, пустоту и ужас своего

существования. Но, следуя толстовской философии, автор хочет примирить непримиримое. Последний монолог Сикоры — это катарсис, через который проходит герой. Здесь мы видим, по сути, толстовскую веру в доброе начало в человеке и возможность его исправления, нравственного «очищения». Однако в данном случае подобная концовка выглядит неорганично, она «подогнана» под эту идею.

Наиболее сильное воздействие Толстого на Кукучина критик Я. Гамалиар видел в романах «Дом на склоне» и «Мать зовет». В своей «Исповеди» Толстой писал: «...всякий человек может погубить свою душу или спасти ее. Задача человека в жизни — спасти свою душу; чтобы спасти свою душу, нужно жить по-божьи, а чтобы жить по-божьи, нужно отречься от всех утех жизни, трудиться, смиряться, терпеть и быть милостивым»¹. Многие толстовские персонажи являются воплощением именно этих взглядов. Нравственные качества главного героя романа «Дом на склоне» Мате Бераца вполне согласуются с этими принципами. Кукучин противопоставляет Мате Берацу его дочь Катицу. Мате считает крестьянство носителем христианской морали. Герой не примет мораль представителей господствующего класса, от которого исходит «гниение, тлен и порча». Катица же отрывается от моральных принципов, исповедуемых ее отцом, пытается вырваться из отцовского дома.

И хотя в трактовке темы морали Кукучин весьма близок к Толстому, однако, как справедливо замечает Я.

¹ Толстой Л. Н. Собрание сочинений. Т. 16. Москва. 1964, С. 146.

Штевчек, степень ее реализации у обоих писателей различна. В отличие от Толстого, который в силу особенностей своих взглядов и сложившейся в России общественно-политической ситуации зашел слишком далеко, Кукучин сообразно с собственной позицией и словацкой действительностью повел себя иначе. Отсюда — различия в понимании характера крестьянина. Хотя произведениям Кукучина и присущ социально-критический тон, он все же далек от радикального решения социальных противоречий. Центр тяжести его произведений заключен в области нравственной проблематики. Поэтому его романы более статичны. В них нет того внутреннего напряжения, которое характерно для Толстого. Иначе говоря, если у Толстого в итоге — сначала социальное, а потом уже моральное, то у Кукучина наоборот. В этом отразилась специфика творчества не только Кукучина, но и всего словацкого реализма данного периода, в котором еще присутствовал «возвышенный вздох» и слишком мало было критики.

Важной составляющей романа «Дом на склоне» является его философская направленность. Обладая признаками романа-реки, произведение содержит мысль о непрерывности жизненного потока, начинающегося любовью и завершающегося смертью. Философская составляющая романа «Мать зовет» усложняется за счет того, что идея природного божественного течения жизни утяжеляется здесь за счет включения в нее мысли о роли человеческого фактора. Кукучин сам не отрицал философскую направленность своего произведения. В одном из писем (1927) он отмечал: «Многие

обнаружили в романе толстовство. Как будто бы отношение к божеству, вере и нравственности человека можно разрешить только с помощью Толстого. Вообще-то, конечно, в произведении присутствует толстовство. Но я еще задолго до Толстого знал и другие источники, в которых те же самые проблемы разрешались с гораздо большим пониманием, вкусом и направленностью, чем это делает Толстой, который эти проблемы искажил и окарикатурил своим творчеством, ибо Толстой, в сущности, был совершенно неверующим человеком и был слишком уверен в своей непогрешимости»¹. Я. Штевчек объясняет данное высказывание Кукучина следующим образом: казалось бы, здесь, пишет он, Кукучин выражает свое резко негативное отношение к Толстому, «в действительности же это является еще одним доказательством того, что Кукучин “заимствовал” из мыслей Толстого главным образом то, что отвечало обычному пониманию христианского учения». Многие взгляды Кукучина, касающиеся нравственности, соответствуют учению Толстого. Кукучин отрицал это главным образом тогда, когда речь шла о его последних произведениях, о романе «Мать зовет», «где он толстовскую философию осмыслил действительно своеобразным способом»²

Помимо Гоголя и Толстого определенное влияние на Кукучина оказали Тургенев и Достоевский. На это обращали внимание многие словацкие кри-

¹ Kukuči v kritike a spomienkach. Bratislava. 1957. S. 913

² Števíček J. Kukučínov vzťah k Tolstému. // Z ohlasov L. N. Tolstého na Slovensku. Slovenské štúdie IV. Vyd. SAV. Bratislava. 1960, s. 130

тики. В частности, о влиянии Тургенева впервые писал автор рецензии на рассказ «Непробужденный», которая была опубликована в «Словенских поглядах» (1886). В 1883 году «Словенские погляды» опубликовали рассказ Тургенева «Муму» в переводе Ваянского. Именно в это время формировался замысел «Непробужденного». Рецензент, в частности, подчеркивал близость кукучиновского Ондраша Махули и тургеневского Герасима. Вместе с тем, он справедливо утверждал, что, скорее всего, персонаж из «Муму» лишь подтолкнул Кукучина к разработке темы, которая существенно отличается от тематики новеллы Тургенева. К тому же, подчеркивал он, вдохновляться замыслами великих писателей — дело довольно похвальное. Действительно, характеры героев, отдельные мотивы, ситуации двух произведений весьма похожи. Однако новелла Тургенева послужила лишь импульсом для написания одного из лучших произведений не только Кукучина, но и всей словацкой реалистической прозы.

Что касается Достоевского, то уже само название новеллы «Записки из грустного дома» (1894) является аллюзией на роман Достоевского «Записки из Мертвого дома». Хотя в основу сюжета новеллы положены реальные события, которые Кукучин пережил

в Праге, однако многое здесь напоминает творение русского писателя. Прежде всего — это воссоздание жестоких сторон жизни, сама манера повествования, психологизм, автобиографизм, трагическая атмосфера, пронизывающая все произведение. Погрузившись в атмосферу бедности, безысходности, Кукучин, подобно Достоевскому, не выносит приговор, не осуждает. Он просто на манер хроники изображает реальность такой, какая она есть. Заметим, что друзьям Кукучина эта новелла очень понравилась. В частности, Д. Маковицкий писал Кукучину (1894), что она «прекрасна — как русский — реализм».

Таким образом, влияние русской литературы на творчество Кукучина было весьма значительным. Однако прав Й. Шкультеты, отмечавший в своей рецензии на роман «Дом на склоне» (1913): «Кукучин имеет много родственного с русскими писателями, которые гуманистическим духом своих книг завоевали мир. Но он не похож ни на Гоголя, который больше всего любил маленького убогого человека, ни на Достоевского, страдающего из-за униженных и оскорбленных... Кукучин — наш (словацкий — А.М.), оригинальный»¹.

¹ Škultéty J. *Dom v stráni*. Román napísal Martin Kukučín. // Slovenské pohľady, č. 8–9, 1913, s. 557.

«...ДУША МОЯ СВОБОДНА И ЯСНА...»
ЯН СМРЕК: 120 ЛЕТ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ
(1898–1982)

Владимир Петрик¹

ЯН СМРЕК

Ян Смрек (настоящее имя Ян Чиетек) относится к тем словацким авторам, творчество которых нашло своих поклонников в нескольких поколениях читателей. Поэт молодости и любви, виталист, придающий большое значение ощущениям, чувственному восприятию как едва ли не единственному источнику познания, он обращался к молодым и старым с легко доступным певучим стихом. Смрек выражал нечто существенное в настроениях, жизненных позициях, психике словака-современника, человека XX века. Вплоть до Второй мировой войны поэзия Смрека, по сути, не менялась. Она отличалась энтузиазмом, оптимизмом и обращала внимание читателя прежде всего на положительные стороны жизни.

Ян Смрек родился 16 декабря 1898 г. Молодым солдатом попал на фронты Первой мировой войны. В период с 1919 по 1921 г. он учился в учительском институте в Модре и тогда же начал посылать стихи в ежедневную печать. В 1921–1924 гг. Смрек обучался евангелической теологии в Братиславе, однако курса не кончил и стал журналистом. В 1930-е гг. в Праге он начал издавать

ежемесячник «Элан», который за короткое время сделался влиятельным литературным и культурным изданием. После распада Чехословацкой Республики в 1939 г. и возникновения Словацкого государства Смрек вместе с «Эланом» перебрался в Братиславу. С тех пор «Элан» стал органом Общества словацких писателей. В период Словацкого государства «Элан» относился к довольно многочисленным изданиям, которые противостояли официальной культуре.

Дебютная книга Смрека, «Осужденный на вечную жажду» (1922), была откликом на военные годы; в ней отражены пессимистические настроения, характерные для европейской поэзии рубежа XIX–XX вв. Истинным вступлением в послевоенную словацкую поэзию стал второй сборник поэта, «Галопом скачущие дни» (1925), который определил основную тональность поэзии Смрека почти на два десятилетия. Некоей прелюдией к этой книге было одно из последних стихотворений первого сборника, которое автор назвал «Сегодня я люблю свой день». Его строки: «Сегодня я люблю свой День. Ночь я любил вчера», — звучали как

¹ Печатается в сокращении по изданию: Словацкая литература: XX век / Учебное пособие. Часть II. М., 2003. С. 244–251.

новый аккорд, как принципиальный поворот от литературного пессимизма к жизненному, а потому убедительно-оптимизму и воодушевлению.

Виталистическая и оптимистическая поэзия Смерка была позитивной реакцией на трагизм войны и на превратности личной судьбы. Новая жизненная позиция родилась у Смерка с резкостью взрыва, сигнализируя о победоносном преодолении прежних психических состояний, печальных чувств и декадентских настроений. Тяжелый дактилический стих и строгую строфическую организацию поэтического дебюта сменили свободная строфа, легкая напевность и естественно льющийся поток речи. Высокая волна смрековского энтузиазма легко пересекла отечественные границы. Об этом свидетельствуют многочисленные мотивы портовых кабачков, моря, плавания, авантурных вымышленных путешествий, вызванные желанием молодого поэта завоевать весь мир.

Это стремление появляется и в последующих поэтических книгах: «Божественные узлы» (1929) и «Только глаза» (1933), где оно, однако, перемежается со стихами, воспевающими мелочи жизни, каждодневную действительность. Изначально определяющим здесь является отношение к женщине. Она в поэзии Смерка — кумир, достойный обожествления, причина волнения чувств и эротических переживаний, беспокойства, поиска и обретения. Определенный отход от впечатлений к рефлексивности наблюдается в композиции «Поэт и женщина» (1934). Теперь уже речь идет не о воспламенении при виде женщины, а о теме любви как постоянной ценности в жизни

человека, в сущности — о философии любви. В отличие от предшествующих воспеваний женщины, написанных более свободной строфой и стихом, здесь Смерк использовал «твердую форму», что стало подходящей рамкой для его замысла — интеллектуально рассмотреть свое эмоциональное отношение к женщине как постоянной вдохновительнице его творчества.

В следующей сборнике «Зерно» (1935) Смерк отказался от экзотических стран и сделался певцом словацкого села. С этого сборника в словацкой поэзии начинается серия возвращений «бродячих» поэтов к родным местам. Такой сдвиг в мотивах и идеях был связан с общей ситуацией в Европе второй половины 30-х гг., когда сгущались тучи Второй мировой войны. Мечта завоевать весь мир сменяется мечтой об укоренении, о выращивании «зерна» нового урожая.

Смерковскую поэзию жизненного оптимизма сломала сама жизнь, с середины 30-х гг. полная драматических событий, кульминацией которых ста-

ли распад Чехословацкой Республики и начало Второй мировой войны. В это пробудился гражданин: усилился его голос в защиту человека, гуманизма и демократии. В патетических стихах сборников «Пир» (1944) и «Колодец» (1945) Смрек осудил варварство Нового времени, связанное с идеологией фашизма, и проявил братские чувства ко всем страдающим и угнетенным. Годы войны для Смрека — это и годы зрелости чувств, годы мужественной любви. Над всем — и над любовью тоже — нависает, однако, призрак смерти, а потому и бегство поэта к женщине имеет трагический оттенок. Это очевидно, главным образом, в посмертно изданной книге стихов «Ночь, любовь и поэзия» (1987), в которой собраны рукописные стихи. Именно военная трагедия стала причиной гибели жизненноутверждающего оптимизма Смрека.

После войны в поэзии Смрека обладали скепсис, печаль и смиренность. Новый режим не принимал поэзии такого типа. Смрек не может публиковаться, и сборник его стихов выходит только в 1958 г. В архиве поэта были обнаружены десятки стихотворений периода «умолчания», в которых он выразил свое кредо демократа, гуманиста,

свободомыслящего человека, не предавшего идеалов человечности и никогда не подчинявшегося тоталитарному режиму. Сборник этих стихотворений вышел лишь в 1993 г. под названием «Против ночи. Стихи внутренней эмиграции». Это весомое выступление против тоталитаризма и несвободы, голос поэта, не обманутого речами о новой исторической эпохе и «прекрасном будущем». Легально при старом режиме в период «оттепели» вышли сборники «Картина мира» (1958), «Струны» (1962) и «Не трогайте моих кругов» (1965). Смысловый центр тяжести здесь не в опубликованных стихах, а в той части поэзии, которая не могла выйти. Природа была тогда для Смрека убежищем от злобы мира. В этом мире он решил принимать лишь тех, с кем у него были близкие отношения, прежде всего женщин. В сборнике «Не трогайте моих кругов» есть стихи более ранних периодов. В нем выражено и сопротивление тоталитаризму и его идеологам.

Смрек был не только видным поэтом, но и организатором литературной жизни в межвоенный период, публицистом, который занимал четкую позицию по актуальным проблемам литературы, культуры и общества.

Стихи Яна Смерка

Я полюбил свой День

Сегодня день я полюбил.
Вчера ещё любил я ночь.
Ласкал её и в неге трепетной
с ней в грёзы уходил.

Сегодня я с любовью к Утру встану;
пока ещё в глаза глядим мы,
я спрашиваю: плавают ли льдины
ещё по жизни океану?

Пора ли мне свой уголок оставить?
Настал ли час, когда мы паруса взовьём
на серебристом флагмане моём,
чтобы к Востоку путь направить?

Подул ли ветер сильный, влажный,
что отнесёт меня на берег Трои,
перерублю ли я преграды, как герои,
чтоб о победе затрубить отважно?

Вот так я полюбил свой День,
особенно как Утро настаёт.
Оно ещё молчит, но завтра с поцелуем
мне радостно оно кивнёт.

Перевод Наталии Шведовой

Девушка в расцвете

На свете ничего прекрасней нет,
чем девушка в расцвете юных лет.
Подобно электрической волне,
её весна пронзает душу мне.
И стан её, как гибкая лоза,
лучистые, как солнышко, глаза
и два вулкана, полные огня,

мечтой опасной мучают, дразня.
И словно кошка дикая, хищна,
Лишь зубками защищена она.
А ты за ней стремишься, что есть сил,
то свирепея, то смиряя пыл,
чтоб этим всем всецело обладать,
ласкать её, беречь, в шелках купать,
плести свой восхитительный обман,
вести весенним утром сквозь туман,
а летом танцевать, не чуя ног,
чтоб этот гордый, маленький цветок
в своей груди, исполненной огня,
спалить дотла, не дожидаясь дня,
когда он сам увянет.

Перевод Ольги Прохоровой

Триумф

Иной в дороге
глядит на пыль себе под ноги —
и пусть.
Мне смех милее, а не грусть.

Мой путь лежит наверх, в долины,
за белоснежные вершины,
где ветер в грудь!

Где я пронзить сумею взором
туман и мрак.
Ведь белый свет моя опора
и мой маяк.

О этот свет!
Любовь моя, мой вешний цвет
пленительный и непослушный,
мою укравший душу,
сиянием своих лучей
не пресыщающий очей.
К нему прильнуть,
его маня,
дать искру своего огня,

проникнуть вглубь,
 проникнуть ввысь,
 страшась гибели и славы,

стать гением по воле рока
 или стать червём,
 всё облететь — и лечь глубоко
 в его тяжёлый чернозём.

Восторженный и упоенный,
 люблю всё то, что мне подвластно:
 озёра, города, каньоны,
 все семь чудес,
 всех дев прекрасных,
 всю ширь под сводами небес
 и свой народ светловолосый.
 О мирный мой народ!
 Не отрастил клыков себе драконьих,
 жил и живёт.
 И я в могучем лоне,

как и прежде,
 ищу защиту, нахожу надежду.

Перевод Ольги Прохоровой

Спор

Душа вынослива. Но бедное чело.
 Оно же в борозды и в рельсы превратится.
 Душа струится. Мозг страдает тяжело.
 И вянет веточка во рту у голубицы.

Меж ними мира нет. Есть только вечный спор.
 Душа и разум, кто кого погубит.
 Оленьи битвы насмерть в дебрях гор.
 Тот проиграет, кто разумен и не любит.

Перевод Юны Мориц

Слава персиков

За окнами шагает юность
и слава персиков в зените —
там девушки любви открыты,
там девушки любви открыты.

Идут по две, по три. Ступают
как королевские особы
по улице, залитой солнцем,
по улице, залитой солнцем.

У тех, что встарь меня любили,
был шаг такой же величавый,
румяный рот и взгляд лукавый,
румяный рот и взгляд лукавый.

И я так ясно помню это —
они, как вороные кони,
дрожали под моей ладонью,
дрожали под моей ладонью.

Без муки, без тяжёлых мыслей —
я только жаждал их прихода,
и не было другой заботы,
и не было другой заботы.

Я жил в ликующем потоке,
а не в жестокой круговерти,
и не было видений смерти,
и не было видений смерти.
И смех был словно колокольчик,
звнящий в горле вечным счастьем,
и не было пятна бесчестья,
и не было пятна бесчестья.

А нынче я глазам не верю,
когда идёт победно юность,
и в ней всё та же упоённость,
и в ней всё та же упоённость.

Такие же, как прежде, девы,
шагают также величаво,
румяный рот и взгляд лукавый,

румяный рот и взгляд лукавый.
 Ультрамарином и опалом
 сияют грани новых вёсен,
 и золотом сверкает осень,
 и золотом сверкает осень.
 Но разве верно, будто радость
 идёт своей тропой избитой?
 она от глаз моих сокрыта,
 она от глаз моих сокрыта.

Перевод Ольги Прохоровой

Песня о родном крае

Лучи плывут в тумане,
 туман в лучах плывёт.
 Сквозь млечное сиянье
 рука прошла — и вот
 ласкаю крыши, грядки,
 костёлы в свежей мгле...
 О край мой ненаглядный,
 один на всей земле!

С горы, где склон отвесный,
 смотрю я на Дунай,
 серебряною мессой
 звенит родимый край:
 звенит старинной башней,
 красую гор, долин,
 и ельником, и пашней —
 на всей земле один!

Вдруг ветер с тучей синей,
 в садах — смятенье, дрожь...
 Я рад: пусть дождик хлынет,
 мой край и в дождь хорош.
 Пусть влага станет силой
 в травинке и в стволе, —
 сверкай, о край мой милый,
 один на всей земле!

Перевод Виктора Корчагина

Только любовь

Стихов любовных просят
читательницы гордые,
когда сердца их мягкие,
когда их груди твёрдые.

Стихов любовных просят
лет через двадцать снова.
Не увядает женщина,
пока её, как обруч,
любви сжимает слово.

Стихов любовных просят,
взрастивши дочек взрослых,
краснеют вместе с дочками,
нетленные, как розы.

Перевод Владимира Корнилова

«...КАЖДЫЙ ИЗ НАС — ВСЕЛЕННАЯ»:
 МИЛАН РУФУС. 90 ЛЕТ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ
 (1928–2009)

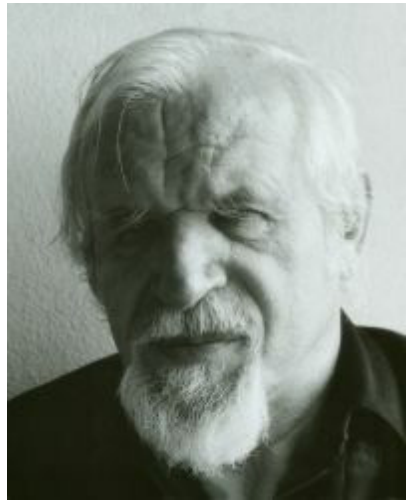
Олег Малевич

СЛОВО О МИЛАНЕ РУФУСЕ

В его облике есть нечто от библейского пророка и от крестьянина — одновременно. Его моральный авторитет в современной Словакии можно сравнить с моральным авторитетом Льва Толстого в России рубежа XIX и XX веков. В истории словацкой поэзии Милан Руфус, несомненно, займет место в одном ряду с ее классиками — Андреем Сладковичем, Янко Кралем, Гвездославом, Иваном Краско, Лацо Новомеским.

Родился Милан Руфус 10 декабря 1928 г. в селе Заважна Поруба, на севере центральной Словакии. Заважна Поруба (в переводе — Вырубка за Вагом) находится в Липтовской котловине, «фантастический рельеф» которой ограничен «магическим перстнем гор» — Западных, Высоких и Низких Татр.

Писать стихи Руфус начал в гимназические годы. Каждый день он пешком проходил шесть километров до Липтовского Микулаша и шесть обратно. Возвращался домой таким голодным, что, по его воспоминаниям, «видел звезды». И шел работать в поле. В студенческие годы работал на молодежной стройке, участвовал в фольклорном ансамбле. Затем многие годы преподавал историю словацкой и чешской литера-

туры на философском факультете Университета Коменского в Братиславе.

Четыре года пролежал в ящике письменного стола первый сборник поэта «Когда созреет» (1956). Этот дебют Руфуса стал литературным событием и был признан едва ли не самой значительной словацкой поэтической книгой послевоенных лет. Руфус — как он писал позднее — реализовал в нем «свое понимание социально ангажированной поэзии». Он не пытался отразить диссонансы современности, разорванной материей стиха, награ-

мождением образов, хаосом звуков. Самой цельностью поэтического высказывания он стремился восстановить гармоническое единство человека и бытия. Интимность, выстраданность этих стихов была полемичной. Своей книгой Руфус отвергал поверхностный оптимизм и трескучую патетику. Противопоставлял им суровое жизнеутверждение, вырастающее из преодоления трагедийных конфликтов.

Уже в ряде стихотворений конца 40-х — начала 50-х гг. «тихоустый», как он сам себя называл, Руфус выступает поэтом-мыслителем, склонным к максимальной концентрации образности и чувства. Эта тенденция усилилась в цикле «На ничейной земле» (1957–1963). Создавался он в те годы, когда кратковременная политическая «оттепель» сменилась в Чехословакии очередным похолоданием. «От первых намеков на демократию остались жалкие ошметки, — вспоминал Руфус. — У автора голова шла кругом. Так у автора начала рассыпаться под руками его третья книжка... Он стал сгущать мысли и чувства в форму стихотворения-миниатюры, одноразовой исповеди, сведенной до минимума слов. Потом и этот минимум показался ему чрезмерным, и от возникающей книжки остался лишь фрагмент...» Опубликован цикл был только в 1969 г. в книге «Триптих». Длительное поэтическое молчание Руфуса, как мы видим, часто вынужденное, было свидетельством нравственного и художнического подвижничества. Поэт не спешил на «ярмарку слов». В молчаливой сосредоточенности непрерывно продолжалась творческая работа, направленная на самопознание и самовыражение.

Но постепенно молчание проникало и в творческий метод. Поэт говорит лишь то, что по-настоящему вызрело. Слова были как бы окружены многозначной тишиной.

Поэт понял, что емкие лирические миниатюры, составлявшие в его первых циклах исключение, должны стать правилом. И в ассоциативном перезвуке его сборника «Колокола» (1968) зазвучала оригинальная, лаконичная и богатая смыслом поэзия.

Колокола поэзии Руфуса — это колокола его родного липтовского края, колокола, впервые услышанные в детстве. Нет, он не возвращается в этот край горожанином, растроганным ожившими воспоминаниями. Он никогда его не покидал. Он свой за «столом бедных».

Сборник «Стол бедных» (1972) Руфус первоначально хотел назвать «Календарем». В этих поэтических «временах года» перед нами проходят весна, лето, осень и зима природы и человека. Но прежде всего это сельский календарь. «Колокола» и «Стол бедных» — две части диптиха.

В сборниках «Колокола» и «Стол бедных» Руфус осуществлял «сознательный долговременный проект», заключавшийся в попытке «поэтически призвать минувшее в качестве противовеса одностороннему развитию цивилизации». Воплощению замысла способствовало творческое сотрудничество с фотографом Марином Мартинчком, вместе с которым Руфус создал книги «Люди в горах» (1969), «Колыбель» (1972), «Гора» (1978). Поэт и фотограф в слове и образе стремились запечатлеть Словакию, какой она сохранилась лишь в глухих уголках.

Во всех этих книгах Руфус прощался с историческим прошлым Словакии. Его герой — словацкий крестьянин, вековой труженик, писавший историю не мечом, а оралом. Этот хранитель моральных ценностей, основанных на непосредственном единении человека и природы, между которыми еще не встала машина, для поэта не только реликвия минувшего, но и залог будущего. Он один способен выровнять накренившийся воз истории. Благодаря этому эпическому герою лирические миниатюры Руфуса обретают масштабность и монументальность

«Детство — единственная осуществленная и постоянно осуществляющаяся форма легенды о потерянном рае. И об изгнании из него», — сказал поэт в одном из интервью. Проникнуть в сказочный рай детства взрослому так же трудно, как верблюду пройти через игольное ушко. Но Руфус в своей душе никогда не расставался с детством. Он задумывает и издает серию детских книг, основанных на сказочном фольклоре («Книга сказок», 1975; «Субботние вечера», 1979; «Тихий папоротник», 1990). Во всех перечисленных книгах (а также в сборнике «Родничок» (1986), где использована традиция считалок и народных детских стишков) были стихи, в равной мере предназначенные и для детей, и для взрослых. У них универсальный адресат — «человеческое общество».

Руфус умеет слышать «музыку подо льдом», он остро ощущает пустоту мира, в котором перестала звучать музыка, где «глухой Бетховен только прошелся по клавишам, как судьба» (в 1981 г. он опубликовал поэму «Ода к радости» — вариацию на шиллеровскую

и бетховенскую тему), но значительно ближе ему «суверенная красота» живописи. Он любит соединять слово и изображение. И если обычно художники иллюстрируют стихотворные сборники, то Руфус, наоборот, снабдил поэтическими текстами книги рисунков своих любимых художников — Милоша Базовского («Проба кисти», 1973) и Людовита Фуллы («Музыка форм», 1977). Сама природа выступает в его стихах как живописец. «Точный как природа», — говорит Руфус о Фулле. Он учится у природы зримой точности. Однако натуралистическая мелкопись ему чужда. Его мазок широк и размашист.

Во второй половине 80-х гг. Руфус как поэт обретает «второе дыхание». С относительно короткими для него паузами выходят сборники «Черствый хлеб» (1987), «Поздний автопортрет» (1992), «Чтение по ладони» (1996), «Псалмы о невинной» (1997), «Стрекоза» (1998). Эти книги позволяют говорить и об изменении поэтики Руфуса и о ее константах.

В последних сборниках, а к ним примыкают поэтические переложения «Псалмов» (1991), «Плача Иеремии» (1997) и книги для детей «Молитвочки» (1992), «Новые молитвочки» (1994), «Маленький альбом. Молитвы за ребенка» (1995), Руфус, как новый Иов, ведет с Богом прямой и постоянный разговор, в котором звучат отголоски словацкой евангелической традиции. Хотя лирический герой Руфуса утратил былую детскую близость к Богу, он везде находит свидетельства существования этого «великого анонима». Часто стихи поэта — как бы вопросы к Богу. Поэзия Руфуса вообще содержит боль-

ше вопросов, чем ответов, ибо высказанное устаревает и только невысказанное преодолевает время.

На смену юноше, прощающемуся с детством, и мужчине, вступающему в пору зрелости, приходит стареющий человек, нередко задумывающийся о смерти. Путь по склону лет — это «путь вовнутрь», «рентген осени выявляет сущность». Самоуглублению, самоанализу способствует память. В качестве экспонатов, добытых в раскопках памяти, вновь возникают темы родного края, мальчишеской любви, стихи о матерях и вдовах, о деревенских кладбищах. Снова появляются бытовые зарисовки с философским подтекстом («Пьяный корабль») и элегические пейзажи. Но если раньше преобладали весенние и летние мотивы (к примеру, «Два весенних стихотворения»), «Лето» в сборнике «Когда созреем»), то теперь автору ближе меланхолия осени («Три осенних» в «Позднем автопортрете»). Воспоминания о молодости вызывают старческую ностальгию и благодарность за каждую крошку с «благословенного стола» жизни. Однако поэт не завидует молодым: они не увидят того, что довелось увидеть ему, поскольку окружающее нас стареет быстрее, чем люди.

Одно из ключевых понятий поэтического мировоззрения Руфуса — человеческий удел. Это биография, соотнесенная с вечностью. Угадать предначертанный тебе удел — все равно, что прочесть по ладони Бытия линию судьбы. Самое важное для человека — с честью и достоинством нести крест, выпавший на его долю, как бы тяжел он ни был.

Наряду с лирическим героем в последних сборниках Руфуса выступают

и человечество как целое, и славянство, и словацкий народ. Молодой Руфус слагал «молитву труда перед алтарем — перед пьедесталом человека». Но уже вскоре эта молитва превратилась в «псалом о человеке», в котором «земля и небо соединились в кровном братстве». Человек в понимании Руфуса — это «кентавр», одновременно принадлежащий двум противоположным мирам — зоологическому миру природы и миру духовному, божественному. Душа человека «пахнет телом». Человечество распято на «горизонтально-вертикальном кресте» своей исторической эволюции. Видя, как расходятся «судьба», божественный замысел и реальная, «чистая история» человечества, видя, что средства уже не оправдываются целью, ибо ведут ко всеобщему уничтожению, поэт задает вопрос, не было ли ошибки в самом генном коде человечества, не было ли Великой Ошибкой само возникновение нашей галактики. Причины катастрофы, надвигающейся на человечество, он видит в одностороннем, рационально-механистическом развитии человеческой цивилизации, в том, что разбит ее монолит и живое дело подменяется «мертвыми принципами и словами». И поэт просит Бога о снисхождении к человеку, опасаясь, что чаша божеского гнева переполнилась, а в Содоме не осталось ни одного праведника. Ближится «решающий час», и толерантность становится исторической необходимостью.

Руфус не принадлежит к числу тех современных центрально — и восточноевропейцев, которые готовы предать забвению свои славянские корни. В древней славянской азбуке он видит «чудесные кирпичики хрупкой по-

стройки мира», «далекий лик» Человека, впервые узревшего свое отражение. Он вспоминает об ошибке князя Великой Моравии Сватополка, изгнавшего учеников Мефодия, о легендарной судьбе Юрая Яношика и т. д. Народ в его стихах предстает как «большой ребенок», «травя истории». И самого себя поэт воспринимает лишь как «звено» в родовой цепи.

Образ поэта Руфус сближает с образом пророка («Последняя ипостась поэта — пророк, последняя ипостась пророка — поэт»). Как библейский пророк Моисей, поэт для общения с Богом удаляется на Синай одиночества. Если бы поэт так не любил сотворенное Богом, он не был бы поэтом. Бог — «Властитель Вневременного», поэт — «заступник смертных» перед его ликом. Но Руфус все чаще спрашивает себя, нужен ли он еще кому-нибудь, есть ли у него еще «божеский мандат». Руфус убежден: поэт не выбирает инструмент, на котором будет играть, этот инструмент предопределен судьбой. Не поэт выбирает тему: тема и эпоха выбирают поэта, ибо сам он инструмент в руках Творца. Стихотворение, как и любое произведение искусства, осколок зеркала, повернутый к вечности.

Стихотворение по-словацки «báseň». В русском языке это слово утвердилось лишь как обозначение одной из поэтических форм — «басня». В разных славянских языках в семантике этого слова просвечивают разные значения: стихотворение, поэма, басня, сказка, заклинание. Для Руфуса «báseň» — организм, «живое существо», причем существо женского рода. Это существо будет жить лишь при условии, что оно вырвалось из поэта,

как женщина из горящего дома, но затем оно застывает в оцепенении, как жена Лота. За поцелуй поэзии надо платить болью и страданием. Пока стихотворение «не учует смерти, не быть ему стихом». Поэзия — это дар и судьба, а не результат рутинного, ремесленного труда. И у каждого стихотворения — самостоятельная участь. Во имя правды оно должно быть безучастно жестоким к поэту. Это постройка, основанная на внутренней закономерности, но форма далеко не все. Тайна стихотворения раскрывается только тому, кто умеет слушать тишину. Поэт, как Жанна д'Арк, слышит таинственные голоса Бытия. Стихотворение больше, чем составляющие его слова. «Слово — милостыня. Осколок Великой Тишины». Отношение Руфуса к слову двойственно. Он может назвать стихотворение «молитвой без слов», может сравнить поэта с рыбаком, вылавливающим из реки «холодные рыбки» слов. Но слова, как стоптанные галоши, несут на себе пот и пыль Бытия. Слово поэта — «его крылья и его пути». Поэт ищет «тайные коридоры», ведущие к слову; чем больше он видит и знает, тем больше ему недостает слов. Поэт покорно служит невысказанному. Но не слова диктуют ему свою волю, а он словам. «Стадо не может пасти пастуха». Стихи Руфуса всегда были проникнуты мыслью. Однако ее нередко приходилось расшифровывать. Она была скрыта в метафоре, как бабочка в коконе. В последних сборниках Руфуса мысль часто обнажена («Стихи стареющих уже без образов: голый скелет превосходства всадника над быстрогогим конем»). «Быть простым значит быть точным» — формулирует он свое

Милан Руфус с супругой Магдой Руфусовой

кредо в сборнике «Черствый хлеб». Его язык теперь — это язык молитв, псалмов, притч и максим. Развертывание поэтического сюжета обычно подводит читателя к ударной смысловой концовке — гноме. Вместе с тем мы вновь нередко встречаемся здесь с песней, с классической строфикой.

В молодости Руфус говорил о себе: «Я человек, использующий поэзию в целях, которые вне ее». Он всегда исходил из единства эстетического и этического, всегда защищал «альянс правды и красоты». И всегда был убежден: «вселенная в каждом из нас, и каждый из нас — вселенная». При всей своей национальной и даже региональной заземленности его поэзия — поэзия экзистенциальная, космоциальная,

универсальная. Она питается не только соками родной земли, но и Кастальскими водами архетипических глубин, достигающих истоков европейской цивилизации. В ней органически сочетаются мифология античности, мифология иудео-христианская, мифология Словакии.

Словак «до корней волос», Милан Руфус прочно связан с отечественной литературной традицией (наиболее близки ему Янко Краль, символист Иван Краско, Лацо Новомеский, осуществивший синтез авангардизма и национальной классики). И в то же время его поэзия не раз плодотворно соприкасалась с инациональными импульсами. Наибольшее значение для него имела чешская поэзия (Иржи Воль-

кер, Франтишек Грубин, Франтишек Галас, Владимир Голан) и поэзия русская. Руфус — переводчик маленьких трагедий «Моцарта поэзии» Пушкина (его голос особенно ощутим в «Оде к радости»), «Маскарада» Лермонтова, «Анны Снегиной» и «Персидских мотивов» Есенина. Именно Есенин стал для Руфуса поэтом, встреча с которым способствовала созреванию молодого автора, заставила его преодолеть какие-то внутренние барьеры. Но Руфус отдает дань уважения и виртуозному «барabanщику» Маяковскому. А вслед за Пастернаком он сочетает устремленность к вечному с мечтой о «неслыханной простоте».

В одном из интервью Руфус признавался: «Как педагогу мне надо было уяснить себе, что такое стихотворение. Но как поэту что-то мне мешало его самоуверенно и сугубо рационально описывать. Я сумел лишь робко приблизиться к попытке высказать его иначе, чем им самим. Так возникло эссе как

единственная возможность». Эссе для Руфуса — возможность эмоционально, адресуясь к широкому читателю, выразить мысли, явившиеся результатом строго логического анализа. Руфус-поэт и Руфус-эссеист едины и вместе с тем они дополняют друг друга. Стихи и эссе перекликаются. В конечном счете у них одно назначение — это «послания к людям».

В своем эссе «Поэт сейчас, в этот исторический момент» (1989) Руфус писал: «...причина, направление самого бытия и самого человеческого естества остаются все тем же посланием в запечатанном конверте. Человек всего лишь курьер: он это послание не писал да и прочесть его не умеет. А художник, как и прежде, — тот, кому изредка удается прочесть фрагмент этого послания. Прочесть сквозь запечатанный конверт, в глубокой сосредоточенности притрагиваясь к нему лишь кончиками пальцев». Один из таких художников и сам Милан Руфус.

МИЛАН РУФУС И СЕРГЕЙ ЕСЕНИН

Поэтический мир Милана Руфуса — это не только мир создателя удивительных, поистине магических, произведений, которые неизменно поражают нас своей глубиной и одновременно необычайной естественностью, простотой («поэтический орган» — так назвал его словацкий критик Владимир Петрик). Поэтический мир Руфуса — это и мир вдумчивого, тонкого переводчика, способного понять душу другого человека и народа. Точно также как в своих собственных произведениях Руфусу удается проникнуть в первоизданную суть вещей, он и в переводах стремится постичь первоосновы человеческого существования, закодированные в языке другого народа. При этом свою задачу он видит в том, чтобы донести до читателя то, что сокрыто глубоко внутри и что накладывается на его — поэта и человека — личный опыт, а также на многовековой опыт его народа. Перевод как скольжение по поверхности, как «прекрасное приключение» — это не про Руфуса. Его труд переводчика — это долгие годы раздумий, поисков, творческих мук.

Руфус переводил немногих поэтов. Среди них — Сергей Есенин — самая постоянная и сильная руфусовская любовь.

В Словакии Руфус не был первым, кто переводил Сергея Есенина, о «культе» которого словацкая критика заговорила еще в 1920-ые годы. Поначалу с творчеством русского поэта словац-

кий читатель знакомился в чешских, французских, немецких переводах, а также в оригинале.

Первым стихотворением Есенина, переведенным на словацкий язык и опубликованным в словацкой коммунистической газете «Правда» в 1926 г., было «Снова пьют здесь, дерутся и плачут...» из цикла «Москва кабацкая». Автор этого перевода неизвестен.

После смерти русского поэта, которую многие словацкие литераторы восприняли как личную трагедию, он стал очень популярен в Словакии. О нем скорбили многие поэты, некоторые из них посвятили ему свои стихи. Одновременно наряду с поэтическими откликами появились и переводы его произведений. В качестве переводчиков выступали поэты, представлявшие разные литературные течения и группы. Это были Ш. Крчмеры, Я. Поничан, Д. Окали, Я. Есенский. О все возрастающем интересе к творчеству Есенина говорит статистика: если в 20-е гг. в Словакии было опубликовано всего шесть есенинских стихотворений, то в 30-е гг. их количество увеличивается до семидесяти восьми. Кроме того, впервые выходят в свет две книги его произведений — в переводе Есенского и Поничана. Первая книга представляет собой сборник стихов Есенина разных лет, вторая — перевод поэмы «Анна Снегина». Время издания — соответственно 1936 и 1938 годы.

Однако настоящий издательский бум произведений Есенина в Словакии и Чехословакии приходится на послевоенные годы, когда, наряду с публикациями в периодической печати, издается большое количество книг русского поэта на словацком и чешском языках. Так, в Словакии в 1948 г. увидело свет второе издание сборника избранных произведений Есенина в переводе Я. Есенского. А десять лет спустя (1957) появляется объемный сборник под названием «Голубая Русь», куда были включены переводы П. Горова, Я. Есенского, З. Есенской, И. Купца, М. Руфуса, Р. Скукалека, В. Турчаны, Ш. Жары.

В 1970 г. был опубликован новый перевод есенинской поэмы «Анна Снегина». Его автор — известная переводчица Зора Есенска.

Затем эстафету переводчиков и страстных любителей есенинской поэзии продолжают поэты-переводчики более молодого поколения. Это: Я. Шимонович, Я. Замбор, М. Худы, М. Жиак, Д. Гевьер, Ш. Бачик и др. Большую часть переводов отличает тонкое ощущение духа есенинской лирики, о чем свидетельствуют, например, сборники «Песнь любви. Из русской любовной лирики XIX–XX веков» (1976) и «Песнь над полями» (1979). Последний, составленный известным поэтом и переводчиком Яном Шимоновичем (1939–1994), стал не только одним из самых полных послевоенных изданий на словацком языке, но его автора, пожалуй, можно отнести к числу тех, кто действительно проникся атмосферой есенинской поэзии и блестяще передал ее в словацком варианте.

Еще со школьных лет есенинская поэзия увлекла поэта, переводчика

и литературного критика Яна Замбора (р. 1947), который начал свою переводческую деятельность именно с Есенина (публикация 1968 г.). Да и в дебютном сборнике самого Я. Замбора и его названии «Зеленый вечер» (1977) можно ощутить сильное влияние русского поэта. Отдельные переводы Замбора были включены в сборник русской любовной лирики XIX–XX вв. под названием «Песнь любви» (1976), а также в другие издания. Весьма значителен вклад Я. Замбора в исследование есенинского творчества (книги «Перевод как искусство», 2000, «Интерпретация и поэтика. О поэзии словацких поэтов XX века», 2005, статья «Об образности Руфуса», 2008 и др.).

На сегодняшний день последней попыткой обращения к есенинской поэзии стали переводы известного поэта, прозаика и переводчика Любомира Фелдека (р. 1936, сборники «Хулиган» и «Невозвращенная лира», обе — 2005 г.). Книги были изданы к юбилею русского поэта. В своем послесловии ко второму сборнику, Л. Фелдек говорит о важности издания в ситуации, когда интерес к русской поэзии «снизился до нуля», тем более, как он утверждает, что именно с Есенина начинается «история словацкого современного поэтического перевода».

Таким образом, переводчиков есенинской поэзии в Словакии было немало. Однако, пожалуй, лишь о немногих из них можно сказать, что они действительно пострадали то, что воспроизвели на бумаге. К числу этих немногих принадлежит Милан Руфус, который, по его собственным словам, 30 лет «вынашивал» «Анну Снегину» прежде, чем она зазвучала по-словацки.

Свои первые переводы Есенина Руфус публиковал сначала в периодической печати. А в 1996г. словацкий читатель имел возможность познакомиться с книгой, которая называлась «Анна Снегина. Персидские мотивы» (1996). Руфус выступил здесь не только в роли переводчика, но и автора послесловия под названием «Поэтом быть — такая это слава (Встречи с Есенином)», в котором он рассказал о своем знакомстве с есенинской поэзией. Руфус вспоминал, что впервые имя Есенина он услышал еще в гимназии сразу после войны, из уст жены русского офицера, которая в те годы, за неимением в словацких школах преподавателей русского языка, обучала ему словацких детей. Именно она впервые прочитала детям есенинское «Письмо к матери». Так, по воспоминаниям Руфуса, зародилась его страсть к есенинской поэзии. Со временем «ее струна» все сильнее давала о себе знать и во многом определила его судьбу. Постепенно «я созрел для Есенина», — пишет Руфус.

Увлечение Есениным побудило будущего поэта серьезно заняться русским языком. Еще будучи гимназистом, он начал переводить его. Именно тогда, как он вспоминает, ему в руки попал «Есенин в переводе Есенского, изданный „Матичей“ в серии „Словенске подзляды“... Через несколько лет, уже будучи студентом, — вспоминает Руфус, — я познакомился с книжечкой Й. Горы „Есенин и Пастернак“. Тут-то все и началось. Мелодичность стиха, его неповторимость, фантастически синеватая призрачность духа, потерявшиеся в переводе Есенского, здесь словно ожили. Точно так же, как Гора своими переводами „Евгения Онегина“

открыл для меня поэтический мир Пушкина, благодаря переведенной им „Анны Снегиной“ я впервые ощутил всю силу и красоту есенинской поэзии. А затем — несколько парадоксальная награда переводчику: я сразу же бросился на поиски поэзии Есенина и Пастернака в оригинале. С этого началось мое стремительное упоение Есениным и восхищение Пастернаком, хотя Есенин был мне ближе». Так Есенин обрел в лице Руфуса не только своего нового почитателя, но и талантливого переводчика.

Уже после того, как Руфус сам стал поэтом, с ним, по его словам, начали происходить удивительные вещи. «Временами я даже не мог распознать, — вспоминает поэт, — где заканчивается он, а где начинаюсь я. Я вынужден был буквально изгонять из себя Есенина; он захлестывал меня, словно огромный поток. Ни с одним автором я так не сражался за собственное „Я“ так, как с ним...». И далее: «Моя приверженность Есенину носила почти романтический характер».

Что же привлекло Руфуса в есенинской поэзии? Прежде всего — это необыкновенная любовь к природе, которая, как он выражался, гипнотизировала его, лиризм, живая образность стихов, звучащих, словно музыка, народный колорит его поэзии. Особенно заметно влияние есенинской поэзии на Руфуса в первых книгах, в частности, в сборнике «Мальчик рисует радугу», опубликованном лишь в 1974г., т. е. много лет спустя после его написания, и «Когда созреем» (1956). Влияние Есенина здесь можно обнаружить в тематике, отдельных мотивах, образности, интонации.

А вот еще одно руфусовское объяснение его привязанности к Есенину. Это строчки из его письма, в котором он по моей просьбе написал о своем отношении к русскому поэту и поэтике его творчества: «*Более всего мне близок тот тип пения, который бьет ключом откуда-то из непостижимой тайны души и людей, создавших его. Пения, которое не придумывает ее исполнитель, но пения, в котором ощущается молчащее общество. Мне была близка есенинская стремительность, конкретная образность, которая вызывала во мне что-то доверительно близкое, но мною не высказанное. Мне было близко и то, что его поэзия — сестра музыки: говорят, он искал для нее слова с гитарой в руках.*

Я буду помнить ту минуту, — продолжает Руфус, — когда я в оригинале прочитал его предсмертное завещание, написанное его собственной кровью. Это было в обшарпанной комнатухе небольшого отеля «Англетер». В это время я находился в ассистентской комнате на кафедре словакистики (имеется в виду философский факультет университета Коменского в Братиславе, где Руфус тогда преподавал — А.М.). После прочтения меня буквально бросило от стола к окну. Из окна был виден похожий обшарпанный маленький отель «Крым», и мне вдруг показалось, что я вижу там повесившегося поэта...»

В уже упомянутом нами предисловии к книге «*Анна Снегина*». «Персидские мотивы», а затем в комментариях к отрывку из поэмы «*Анна Снегина*», опубликованному в журнале «Ромбид» (2000), Руфус поделился с читателем своим впечатлением об этом про-

изведении и о процессе работы над его переводом. В частности, он писал: «*Мне кажется, что и в мире литературных текстов существуют былые нержавеющие любви, такие, как «Анна Снегина».* (Боже, как отвратительно это обязательное языковое Снегинова!) Я и сам не знаю, воплощением чего стало для меня это произведение в период моих самых бурных надежд, разочарований, душевных мук, поисков самого себя и смутных представлений о собственной судьбе. До сих пор, — продолжал Руфус, — я вижу себя на колоннаде в Карловых Варах, когда во время неторопливого поглощения воды из Рудольфового источника, я учу наизусть завораживающие слова переведенной Горой «*Анны Снегиной*» из маленькой книжечки, которую я носил в кармане пиджака. Собственно это было лечение с «*Анной Снегиной*». После мне понадобилось тридцать лет, три десятилетия собственных жизненных страданий и редких бурных радостей для того, чтобы из меня получился партнер этого великого текста. Ибо перевод — не есть только дело филологическое — не зависимо от того, насколько оно освоено. И здесь существует нечто вроде: нажать на педаль, *per pedas apostolorum*, следовательно, через дух. Эта поэма является великой тем, что в ней всеобъемлющее сердце поэта сумело вместить в себя всех: тех, кто «делал» эпоху, и тех, кто был ею раздавлен, так и не поняв, за что. Осознав это, я стал относиться к переводу этого великого произведения не только как к старому личному долгу, но и как к общечеловеческой обязанности».

Итак, поэма «*Анна Снегина*», которой весьма повезло в плане переводов

как на словацкий, так и на чешский язык. Именно в чешском переводе, выполненном поэтом Й. Горой (1927), Руфус и познакомился впервые с этим произведением. Позже поэму переводили и другие чешские переводчики: Лудек Кубишта (1981), Мирослав Станек (1994). На словацком языке «Анна Снегина» также переводилась трижды: Яном Поницаном (1938), Зорой Есенской (1970) и Миланом Руфусом (1996).

Поэма «Анна Снегина», написанная незадолго до смерти поэта, в 1925 г., как и другие произведения Есенина тех лет («Стансы», «Письмо к женщине», «Песнь о Великом походе», «Баллада о 26», «36» — все 1924), отмечена стремлением осмыслить философскую сущность новой эпохи, сказать о революционном времени новое слово, иначе, нежели он говорил о ней прежде, отойти от христианской символики поэм, написанных в 1918–1919 гг. Причем тема революции накладывается здесь на центральную тему всего творчества Есенина — тему судьбы крестьянской России.

Итак, Ян Поницан (1902–1978), Зора Есенска (1909–1972), Милан Руфус (р. 1928). Три очень разные фигуры. Три разные человеческие и творческие судьбы.

Сам факт обращения поэта Яна Поницана, зачинателя пролетарской литературы, автора поэтических произведений «Я существую» (1923), «Демонтаж» (1929) к поэме «Анна Снегина» и вообще к творчеству поэта — имажениста Есенина на первый взгляд выглядит несколько нелогично. Однако творчество самого Поницана не отнюдь не всегда было однозначным. Наряду с ура-пролетарскими стиха-

ми и поэмой он создает произведения в духе поэтизма (сб. «Вечерние огни», 1932). После посещения СССР рождается навеянная впечатлениями от увиденного книга «Ангара» (1934). А за год до публикации «Анны Снегиной» выходит в свет его сборник «Поля» (1937), пронизанный глубоким лиризмом, любовью к природе, родному краю.

Зора Есенска, племянница Яно Есенского, впитавшая в себя русофильские традиции старинного дворянского рода, интерес к русской литературе, которую она любила и переводила на протяжении всей своей жизни. Известно также, что в 60-е годы она активно включилась в процесс демократизации страны, за что после событий 1968 г. была репрессирована или, говоря словами Руфуса *«была раздавлена эпохой, так и не поняв, за что...»*

Наконец, Милан Руфус — классик современной поэзии, автор более двух десятков книг, многолетний номинант на Нобелевскую премию, для которого Есенин был не только школой творческого мастерства, но и очень близким по духу человеком.

Насколько каждый из них справился с поставленной задачей?

Прежде чем оценивать работу каждого напомним, что одним из важнейших критериев качества перевода является такое многоуровневое понятие, как эквивалентность, адекватность, аутентичность. Под этим обычно подразумевается *«сохранение относительного равенства содержательной, смысловой, семантической, стилистической и функционально-коммуникативной информации, содержащейся в оригинале и переводе»* (Виноградов, с. 19). Относительность адекватности обусловлена как

личностными факторами, т. е. индивидуальностью переводчика, так и разносторонностью языков, различиями социокультурной среды. Тем не менее, для достижения успеха необходимо, чтобы автора произведения и его переводчика объединяла общность восприятия, толкования содержащейся в нем информации, которая не только эксплицитно выражена в данном произведении, но и имплицитно присутствует в подтексте и которая оказывает воздействие не только на разум, но и чувства реципи-

ента. Иначе говоря, автор поэтического перевода должен слышать биение сердца создателя оригинала, которое отдается в нем. Более того, он должен, не расплескав, перевести это биение чужого сердца на язык своего народа.

Обратимся к отрывкам из произведения. Для сравнения возьмем три примера из поэмы: начальный стих, а также отрывки из монолога старухи и из беседы лирического героя с Анной Снегиной.

Итак, начало поэмы:

Есенин:

*«Село, значит, наше — Радово,
Дворов, почитай, два ста.
Тому, кто его оглядывал,
Приятственны наши места.
Богаты мы лесом и водью,
Есть настбища, есть поля.
И по всему угодию
Рассажены тополя».*

Поницан:

*“Radovo, — naša dedinka je,
tak asi dvesto dvorov má.
Kto len raz zazrie tieto kraje,
navždy ich v srdci zachová.
Na lesy, vody bohatí sme,
pastvín a polí plno je.
A po chotári všade pýšne
stoja hrdé topole”.*

Есенская:

*“V dedine našej, no, v Radovej,
gazdov je bezmálo dvesto.
Mrzko ti nik o nej nepovie,
Každému páči sa miesto.
Do vôle vody aj hory je,
Pasienkov, poľa a tiež,
a vôkol panskej kúrie
topolov kolko chceš”.*

Руфус:

*“V Radove, teda ako u nás,
je dvesto čísel v dedine.
A každému, vám poviem, tuná
sa veľmi páči...čoby nie
pašienky je tu, lesov, poľa:
že bieda oči nekole
A kam len pozrieš dookola
topole, samé topole”.*

Как можно прокомментировать переводы приведенного отрывка?

1) Перевод, выполненный Поницаном, позволяет говорить даже не об адекватности, а о кальке. Стремясь как можно точнее воспроизвести содержа-

ние данного отрывка, переводчик пренебрег эмоционально-экспрессивной, эстетической ценностью оригинала. В итоге получился зарифмованный стих, весьма далекий от оригинала по своему звучанию, ритмике, мелодике,

а главное — по своему духу. В какой-то степени причиной тому послужил тот факт, что переводчик отнесся к объекту перевода не как произведению, а как к тексту. А это очень разные вещи. Итогом такого подхода стало исчезновение есенинского лиризма, поэзии повествования от лица бывшего деревенского жителя, который, вновь ожившись в давно забытое прошлое, как бы вновь приобщается к нему в своих мыслях и чувствах, что находит отражение в соответствующей лексике. Поэтому такие словосочетания, используемые Поницаном как „*navždy ich v srdci zachová*“ («сохранит в своем сердце»), „*hrdé topole*“ («гордые тополя») здесь выглядят чужеродными. Складывается такое ощущение, что из данного отрывка просто исчезла есенинская душа, которая определяет всю атмосферу произведения. Т.е. здесь нет передачи информации «от сердца к сердцу».

2) Гораздо успешнее справилась с поставленной задачей Есенска. В связи с этим уместно вспомнить оценку словацкой исследовательницы Н. Вальцеровой, которая, оценивая труд З. Есенской над переводами, включенными в книгу «Голубая Русь», назвала его «сизифовым». При этом, сравнивая перевод З. Есенской «Анны Снегиной» с переводом того же произведения, выполненным чешским поэтом Й. Горой (1927), который Вальцера оценивает очень высоко, она отмечает преимущество словацкого варианта, которое, с ее точки зрения, заключается прежде всего в том, что в нем ощущается словацкий национальный характер. К аналогичному выводу приходит и Я. Замбор в статье

«Органичность поэтического перевода или руфусовский Есенин». Тем не менее, как мне представляется, стремление переводчицы сохранить есенинскую рифму порой оборачивается использованием довольно жесткого по своему лексико-интонационному строю стиха, типа „*gazdov*“, „*mrzko*“, „*panská kuria*“ и др. В итоге есенинская мягкость, лиризм, задушевная тональность ослабевают.

3) Совсем иное впечатление складывается от прочтения перевода Руфуса. И хотя он выглядит более свободным, что составляет одну из отличительных особенностей руфусовского подхода к произведению, переводчик придерживается очень важного и верного принципа: дух — важнее буквы. Однако при этом он не выходит за рамки смыслового и формального звучания текста. В данном случае поэтическая свобода компенсируется насыщенностью личного жизненного и творческого опыта поэта и одновременно глубокой прочувствованности есенинских строк. Именно поэтому все переводческие новации Руфуса выглядят так естественно и органично. Одновременно мы ощущаем здесь стремление переводчика приблизить произведение к словацким реалиям, чтобы сделать его более близким, понятным читателю. Руфус как бы вплетает в него дыхание словацких национальных традиций. Как и у Есенина повествование проникнуто лиризмом, окутано легкой дымкой ностальгии по тому месту и времени, где прошли юные годы рассказчика.

Обратимся к отрывку из монолога старухи.

Есенин:

«Дела одолели дела.
У нас здесь теперь неспокойно
Испариной все зацвело.
Сплошные мужицкие войны —
Дерутся селом на село.
Сама я своими ушами
Слыхала от прихожан:
То радовцев бьют криушане,
То радовцы бьют криушан.
А все это, значит, безвластье.
Прогнали царя».

Есенская:

“Skvári to človeka, skvári!
Tu u nás nedobrá hodina,
rozbroje za rozbrojmi,
s dedinou ruje sa dedina,
hotove sedliacké vojny.
Sama som počula vravieť svet,
v kostole, na vlastné uši:
to Kriušu Radová mláti het,
to Kriuša Radová hluší.
A všetko, lebo vlády niet.
Vyhнали cára...”

1) У Поницана мы снова наблюдаем стремление к точному, буквальному переводу. И здесь калька и одновременно более упрощенный, примитивный в смысле и эстетическом отношении текст. При этом некоторые слова были, вероятно, не поняты, а возможно, просто трудно переводимы. По всей видимости, сложно было в силу словацких языковых особенностей подыскать подходящие эквиваленты. Так проникнутое экспрессией выражение «*испариной все зацвело*», которое передает весь ужас происходящего, у Поницана звучит как ниче-

Поницан:

“Starostí mnoho, starostí!
Dnes u nás samé nepokoje.
Ako keď’ potom zakvitne.
Sedliacke dvíhajú sa boje
z dediny k druhej dedine.
Na vlastné uši slýcham **nanov’**
od rôznych takto cudzincov:
Radovci bijú Kryušanov,
Kryušan bije Radovcov.
A všetko prečo?
Vyhнали cára”.

Руфус:

“Trápenie, syn môj, trápenie.
Svet teraz všade nepokojný
a časy leda pre kmínov.
Ženie sa do sedliackej vojny
dedina s druhou dedinou.
Len plané chýry idú za n’ou
ako tie šľaky za ovcou:
raz Radovčania Krijušanov,
raz Krijušania Radovcov...
A všetko, lebo nieto vlády.
Vyhнали cára...”

го не значащая фраза „*Ako keď’ potom zakvitne*“ («Словно потом расцветет»). Вместо есенинского «*прихожане*» появляются «*cudzinci*» («чужие»), придающие совершенно иной смысл рассказу старухи. И здесь, как и в предыдущем отрывке, совсем не слышна есенинская тональность.

2) Что касается Есенской. То ее перевод представляется весьма удачным. Об его эквивалентности можно говорить как на уровне содержательном, смысловом, так и эмоционально-экспрессивном. Прекрасно звучит найденный ею поэтический архаизм,

часто встречающийся в поэзии Гведослава — „skvárit“: „skvári to človeka, skvári“ («терзает, это терзает человека»). Тем не менее, и в ее переводе есть некоторые неточности. Так, уже упомянутую эмоционально значимую строчку об испарине она, видимо, не поняла или не нашла подходящего эквивалента, заменив далеким от оригинала выражением «rozbroje za rozbrojmi» («распри за распрями»).

3) Наконец, Руфус. Монолог старухи очень эмоционален. И хотя перевод выглядит весьма вольным, однако сама

Есенин:

«...Услышал я голос веселый:
«А! Здравствуйте, мой дорогой!
Давненько я вас не видала.
Теперь из ребяческих лет
Я важная дама стала.
А вы — знаменитый поэт.

.....
Ну, сядем.
Прошла лихорадка?
Какой вы теперь не такой!
Я даже вздохнула украдкой,
Коснувшись до вас рукой.
Да...
Не вернуть, что было.
Все годы бегут в водоем.
Когда-то я очень любила
Сидеть у калитки вдвоем.
Мы вместе мечтали о славе...
И вы угодили в прицел,
Меня же про это заставил
Забывать молодой офицер...»

Есенская:

“zvola! hlas veselý:
“Oho!

есенинская атмосфера, дух его поэзии переданы великолепно. Фактически это поэтическое прочтение стиха русского поэта. Руфус вновь и вновь убеждает нас в том, что есенинский мир — это и его собственный человеческий и поэтический мир. И он чувствует себя в этом мире свободно и комфортно. По сути, очень верным в данном случае представляется наблюдение К. И. Чуковского, который как-то заметил, что перевод — это автопортрет переводчика.

Последний пример. Из разговора лирического героя с Анной Снегиной.

Поницан:

“...začul som známy hlahlol
a slová: „Pozdrav, drahý môj!“
Tak dlho som Vás nevidála,
ver´ skoro detských od rokov,
zo mn´a sa vážna dáma stala,
z vás — jeden z chýrnych básnikov.

.....
No, sadnem.
Prešla zimnica zlá?
Iní ste, iní akýsi.
Ja som tiež tajne zavzdychala,
Nuž...
Prešlé — prešlo bez návratu.
A roky bežia do rieky.
Tak milo sedávalo sa tu.
pri bránke vo dvoch — pred veku.
O sláve spolu snívali sme
a pobozkali ste ma raz,
dôstojník mladý — tušili sme? —
len preto opustil ma vraz...”

Руфус:

“A tu mne náhle zaznie svieže:
“Vítajte u nás! Dobrý den!

*Vítajte! Dobrý den ˇ!
Bože, tá minulosť dávna,
tie časy detinské!
Dnes ja som usadlá dáma,
Vy slávny básnik ste...*

.....
*No, sadnime si.
Už zdravý?
Akýsi iný ste, hej...
Aj som si zavzdychala vari
vo chvíli nestráženej...
Čo bolo, prešlo...
Nuž, pravda...
Zmizlo. Stá za rána hmla...
Kedysi s vami som rada
pri vrátkach sedávala.
Spolu sme o sláve rojčili.
Vy ste aj dosiahli cieľa.
**A ja... nuž ja som si zvolila
driečného oficiera..."***

*Dávno sme sa už nevideli.
Z dievčatka našich pekných čias
je dnes už dáma...
A vy skvelý
básnik, čo prišiel medzi nás.*

.....
*No, sadnime si.
Už je ľahšie?
Aký ste vy už iný dnes!
Veď ´ i ja som si vzdychla zavše
za tým, čo den ´ vzal do kolies.
Čo všetko je už za dolami...
Čo berie, aj keď ´ nedávaš.
Bývalo mi tak dobre s vami
tam na lavičke vedľa vás
o sláve rojčiť.
Sláva moja...
Vy ste sa dali na jej púť.
**Ale mn ˇ a muž, a práve vojak,
prinútil na n ´ u zabudnúť”.***

Сказанное выше о качестве переводов можно дополнить лишь тем, что приведенный отрывок в переводе Есенской вполне удался, включая последние четыре строчки, которые Поничан перевести не сумел. Что же касается Руфуса, то он, как и прежде, продемонстрировал высочайшее переводческое мастерство.

Свои рассуждения на данную тему завершим словами из послесловия Руфуса к книге Есенина, в которых словацкий поэт как бы подводит черту под человеческой и творческой судьбой своего кумира и которые свидетельствуют о том, насколько глубоко и тонко он его чувствовал. Руфус пишет: «Есенину было всего тридцать лет, когда он добровольно ушел из своего времени, в которое он трагически не вписался. Слишком мощная фигура разрушила постамент... Его делом была песня.

“Толубая да веселая страна./ Пусть вся жизнь моя за песню продана...” Хотелось бы немного уточнить его слова. За песню он отдал все, — продолжает Руфус, — что имел на этом свете. Совершенно все. И даже душой измученное тело он присовокупил к ней как довесок. И звучание его песни — соответствующее. Дитя жертвы и сосредоточенности она сама — жертва. А что же поэт? Он выиграл или проиграл? Он проиграл все для того, чтобы победить».

Думаю, в своем стремлении донести до словацкого читателя всю неоднозначность, богатство и красоту «выстраданной» им «Анной Снегиной» Руфус также оказался «победителем», как и его кумир. И если воспринимать перевод как искусство потерь, то в данном случае если эти потери и были, то они минимальны.

И последнее. Лично для меня Руфус — не только великий поэт, переводчик, но и человек, короткие встречи с которым остались в моей памяти на всю жизнь. Это было в 70-ые годы, когда он преподавал словацкую литературу на кафедре словацкой литературы и теории литературы философского факультета Университета Коменского в Братиславе. Я тогда часто стажировалась там — сначала в качестве аспирантки, а затем — преподавателя словацкой литературы кафедры славянской филологии филологического факультета МГУ. Мы встречались с Миланом Руфусом на кафедре,

в коридоре, как правило, обменилась короткими фразами, иногда недолго беседовали. Но эти мимолетные встречи оставили в моей душе неизгладимый след. Я и сейчас вижу этого сухощавого человека со смущенной улыбкой, приветливого и необычайно скромного. Он всегда старался быть незаметным. И только глаза говорили о том, что его внешний вид, неприметность — это обман, что это — человек не от мира сего, мудрец, тонкий психолог и божий помазанник. Именно сквозь призму этих ощущений я и воспринимаю поэта, переводчика, философа Милана Руфуса.

Стихи Милана Руфуса

Молитва за Словакию

Мой тихий край, любимый кров,
Один на целом свете.
Здесь ласка мам, труды отцов
Здесь веселятся дети.

Создатель мой! Твоя рука
Наш чудный кров свивала
И в сердце мира на века
Нам землю даровала.

И мы живем, и тем сильней
Мы в Божью милость верим,
И славим мир, и для друзей
Мы открываем двери.

Звезда в ночи, приветный кров,
Сквозь времена и грозы
Тут проливался пот отцов,
Тут мамы лили слезы.

Пусть невелик мой милый край,
Он мне всего дороже,
Не оставляй, не покидай,
Храни его, мой Боже.

Перевод Дарьи Анисимовой

Слова

Ф. Галасу

Ступени храма лишь.
Ступени храма лишь — слова.

Что ж, лотерея ты моя, рулетка ежедневно.
Глубины языка родного, вы коварно

опять закроетесь, едва раздвинешь вас,
Ступени храма лишь, ступени храма лишь — слова.

Над ними в вышине — молчанье.
И на его порог, поэт, садится правда.
(Слезу-монетку в ее миску, может,
я оброню со звоном — то, что не сказал.)

Ах, слово, узелок под головой.
Поэтов видел я над страшной бездной тишины.
Словесный хрупкий мост их со стихами и вел к величью
И плакали в тревоге.

Перевод Наталии Шведовой

Панихида по Есенину

*...в этой жизни умереть не ново,
но и жить, конечно, не новей.*

Пьют, а потом покидают мир
в тишине,
предвещающей бури.
Сыновья Гелиоса, рискуя жизнью,
гонят огненную упряжку
по жестокой лазури.
Каждый день разжигают пожар,
не боясь свои кудри обжечь.
Пока не рухнет раскаленная печь.

Пьют, а потом покидают мир,
без фанфар, без славы.
Жгучие угли прожигаемой жизни
им душу кровят.
Душу хотят защитить броней
от урагана.
Тщетно. В броне душа не душа.
Она от природы нагая.

Знают: латнику скверной привычки
броня не поможет.

И все же
продолжают в огонь подбрасывать спички.

Кто предпочтет промолчать в ответ,
сам вопрошает Иова:

— Скажи, Иов, не ведаешь ты,
есть ли на свете что тяжелее
могильной плиты?

— Не страдай за судьбу поэта,
благослови его в добрый путь
по равнодушному небу без берегов.
И это самое малое, что можно ему предложить
за дары богов.

Перевод Олега Малевича

Стихотворение

Дробясь, как луч на лезвии кинжала,
двоится жизнь — то вверх летит, то вниз,
дарует радость и вонзает жало,
цветами осыпает обелиск.
Таков и стих. То аромат шалфея,
то слезы, то свечение огня.
А истина? Как сказочная фея,
ты вечно ускользаешь от меня.

Перевод Олега Малевича

Хризантемы

Хризантемы, хризантемы, хризантемы.
Лета запоздалые рефрены
в жухлой и потоптанной траве.
Ветер на меня слюною брызжет,
Ребра голые деревьям черным лижет —
мокр, взъерошен, весь в грязи, в листве.

Хризантемы, белым караваном
вы бредете за туманом рваным —
воздух осени тлетворен, гнил.
И поют в ночи рыданий трубы,
смерть ощерилась и скалит зубы
выщербленных временем могил.
Ночь ползет, о камни ранит брюхо.
Зреют в ней убийство и разруха.
Розы никнут, в ужасе земля.
Хризантемы, хризантемы, хризантемы,
ржавые орудия и шлемы,
траурные черные поля.
Волчья свора и скулит, и злится,
охраняйте, люди, голубицу
от ее ощеренных штыков!
Пусть же расцветают хризантемы,
осени прощальные эмблемы,
для букетов, а не для венков.

Перевод Олега Малевича

Под колоколом

Утомлены и я, и ты.
Мы как в могиле
под колоколом суеты
всего, чем жили.
В немой металл твой плач, твой стон
навек закован.
Простимся под печальный звон
с разъятым словом.
Распалось слово — без креста —
как вся эпоха,
как ожерелие шута —
стручок гороха.
Прислушайся! Сигнал души?
Судьбы звучанье?
А не услышишь — так спеши
избрать молчанье.

Перевод Олега Малевича

Так...

Так мы уходим. Каждый день и час.
 Миллионы исчезают незаметно.
 Поэт безумен, все призывы тщетны.
 И временем наполнится мгновенно
 та ямка, что останется от нас.
 Все зарастет быльем, жнивьем, тревогой.
 Теперь другие ходят по колени
 в хлебах, что нам приснятся под землей.
 В других опять забьется ретивое.
 Других охватит сладкая истома.
 Другие выгнут спину тетивою.
 Ах, люди, мы как капельки дождя
 стучимся в окна призрачного дома,
 в котором не живет
 никто.

Перевод Олега Малевича

Прощание

От уст твоих пьяны мои уста,
 от рук твоих теплы мои ладони.
 И в черепе моем твой тихий плач
 шумит, как ветер в отдаленной кроне.

Прости, прости. Все кончено, прости.
 Стыд острый к сердцу приближает жало.
 Мы оступались много раз в пути,
 минута эта крест мой обнажала.

Еще тепло коварно греет грудь,
 надеждой робкой нам смежает вежды.
 Но тот, кто говорит тебе: забудь,
 он прав, и нет уже надежды.

И день, который нам по чувствам бьет,
 на нить вражды безмолвие нанижет.
 С губ наших пену горьких слов сотрет,
 со щек огонь слезы горячей слижет.

Перевод Вячеслава Куприянова

Что сулишь мне, жизнь?

Что мне сулишь?
Какие струны, Боже,
еще заденешь?
Не натягивай их так сильно.
Видишь, как я мучусь:
дека скрипки готова треснуть.
Отпусти, дай передохнуть.
Разве мало песен
ты извлек из меня?
Ведь я звучал и молчащий,
ведь даже слабое твое дыханье, даже ветерок,
едва долетевший до слуха глухой улицы,
заставлял меня трепетать, как листок березы,
душить в себе плач, глотать слезы.
К чему этот вихрь? Зачем эта буря?
Что хочешь во мне обнажить?
Остались лишь голые кости.
Что мне сулишь?
Благословенье? Любовь?
Или опять только боль?

Перевод Олега Малевича

В конце любви

Опять ни о чем меня не просило
сердце, ставшее кротким, как я.
И долетал к нему с нежной силой
шум морозного бытия.
Колокола, как в страстную пятницу,
завучали над каждой крышей,
а их языки в холстину прячутся,
чтобы звонить потише.
И снова что-то, нахлынув, смыло
солью забвенья следы моих ног.
А мне так было,
мне так было,
словно только что умер Бог.

Перевод Олега Малевича

Молитва за милую

Слезой росы умылись листья.
 В них затаилась тишина.
 Глянь, птица в небе серебристом.
 А милая моя больна.

Она тиха и недвижима,
 как в мертвой зыби валуны.
 На нас не смотрит, смотрит мимо
 на белые глаза луны.

Пошли ей исцеленье, Боже.
 Пусть лечат травы и цветы.
 Глянь, в сердце — рана. Кто поможет,
 когда ей не поможешь ты?

О месяц, белыми перстами
 утешь страдания ее.
 О Боже, смилуйся над нами.
 Верни мне дидятко мое.

Перевод Олега Малевича

Поиски отца

Вез тебя, Господи, плохо нам.
 Пусто кругом. И здесь и там.
 Без тебя — человек сирота.
 Без тебя — везде пустота.

Одинока слеза из ока.
 Угольку в костре одиноко.
 Одиноки мы с детства были.
 Одинока трава на могиле.

А могила стоит без креста.
 У души онемели уста —
 словно мышка в дырочке хлеба
 тщетно ищет лазейку в небо.

Уточка божья, без жизни, без сил,
 кто тебя, бедную, подстрелил?

Сложены крылья и перья в крови...
Где твои птенчики, детки твои?

Видишь — озябли на камне холодном?
Слышишь — заходятся в крике голодном?
Грязную воду из лужи пьют,
ищут чего-то и не найдут...

Господи, нашей молитве внемли.
Не ты нас покинул — мы ушли.
Настанет время — и мы очнемся,
на землю и в землю Твою вернемся.

Горя не знавший на этой земле,
так и погаснет, как искра во мгле,
так и уйдет, ничего не любя.
Пусто нам, Господи, без Тебя.

Так яви же нам, Отче, милость.
без Тебя ничего б не свершилось.
Без Тебя — Всемогущий и Вещий,
нет на свете ни духа, ни вещи.

Перевод Олега Малевича

А Сердце Хочет...

Опять строфу диктует бытие.
Капризно это хрупкое созданье.
И строгая конструкция ее

заклучена в основу мирозданья.
И только выражая сей закон,
поэты выражают суть времен.
На их ногах он не висит, как камень,
когда крылатую строфу чеканят.

А сердце хочет, чтобы в нем дрожал
нагой, как бытие, кинжал.

Иль жаждою иссушены уста?
Или я просто — так устал?

Перевод Олега Малевича

Тело женщины

Услышать от меня
 признание ты хотела.
 А я молчал
 перед святыней тела.
 И слышалось биенье двух сердец —
 искал тебя наощупь, как слепец.

Когда же находил тебя во тьме,
 как в зеркале, вселенную я видел,
 и сам свое молчанье ненавидел,
 и, узник, благодарен был тюрьме.

В начале всех времен,
 пред сотвореньем мира,
 наверное, была такая тишина.
 О тело женщины,
 изогнутая лира,
 суть бытия
 в тебе воплощена.

Перевод Олега Малевича

Великий аноним

Неведомый создатель Бытия,
 нам не дано Тебя постигнуть зреньем,
 и подпись неразборчива Твоя
 под собственным Твоим твореньем.

Мы непрестанно грезим о Тебе.
 Виденья призрачны, и наши души хворы.
 Наперстками убогих черепов
 мы никогда не вычерпаем море.

Но, может быть, познать самих себя,
 о Господи, для нас всего важнее.
 Ты как животных создал нас любя.
 И хоть смердим — нет запаха нежнее.

Ты есть. Ты жизнь.
 Ты научил нас жить,

пускай тела обречены на тленье.
Ты существуешь: автор должен быть,
коль все мы зрим его произведенье.
В Твоем созданье все мы, в нем и с ним.
О, нашей мерою неизмеримый
Божественный Великий Аноним!

Мы понимаем, до чего малы мы.

Перевод Олега Малевича

Завещание

Не ждите от богатых подаянья.
Просить? Так уж просите у Христа.
Как слово правды в светлый час познания,
как откровенье, родина проста.

Мы духом по дорогам в неизвестность
всегда готовы смолоду плутать.
А родина для нас такое место,
где легче жить и легче умирать.

Становятся здесь вихри кротким стадом.
И пусть твой выбор Бог благословит.
Есть родина. Другой тебе не надо.
И не стыдись ни гнева, ни любви.

Перевод Олега Малевича

Собственноручная подпись

Вновь падая вниз головой в темноту,
знаю лишь
три звука,
как неграмотный
ставит
три креста.
И подписываюсь:
Б + О + Г.
То, чего нет и что все-таки есть.

БОГ. Все, чего мне не снесть.
 БОГ. Почему, Когда, Где и Чем.
 БОГ. Перед кем я кажусь ничем.
 БОГ. К чему слепо тянусь душой.
 БОГ. Чего никогда не коснусь рукой.
 БОГ. Полнота и величие, а я — ничтожная малость.
 БОГ. То, чего человечеству не досталось.
 БОГ. Удар грома. Шрамы от грез и гроз.
 БОГ. И ответ и вопрос.
 БОГ. Хлеб и вино с виноградника Вечность.
 БОГ. Зашифрованная бесконечность.

Знай, в минуты тоски и сомненья,
 когда все в тебе бунт, беспокойство, протест,
 лишь три звука тебе принесут облегченье,
 ставь три креста
 под собственный крест.

Перевод Олега Малевича

Любовь остановиться не умела...

Стыдилось наготы стихотворенье.
 Я обнажал себя.
 Буквально, лез из кожи.
 Пусть люди не прочтут мое творенье.
 Хоть ты
 его перелистаешь. Боже.

За трусость мне назначишь покаянье.
 Похвалишь там, где говорил я смело,
 Но от небес не ждал я подаянья.
 Любовь
 остановиться не умела.

Всему, всему
 в моем стихе раздолье.
 Но, как орел па золотой цепочке,
 готов он гордо промолчать о боли.
 И только о любви молчать не хочет.

Перевод Олега Малевича

ПОРА УХОДА

Пора ухода, время проволочек
в намеренье разлуку отдалить...

И облака тоскуют по земле.
Их дирижабль в долине медлит,
пока не загудят колокола
обедни.
Они легки и молчаливы —
воспоминанья пополам с дыханьем...

Смиренная прозрачность, ясность...
И Фауста печальная душа
над немотой земли из облака кричит:
«Земля, побудь еще мгновенье —
ты прекрасна!»

Перевод Игоря Иванова

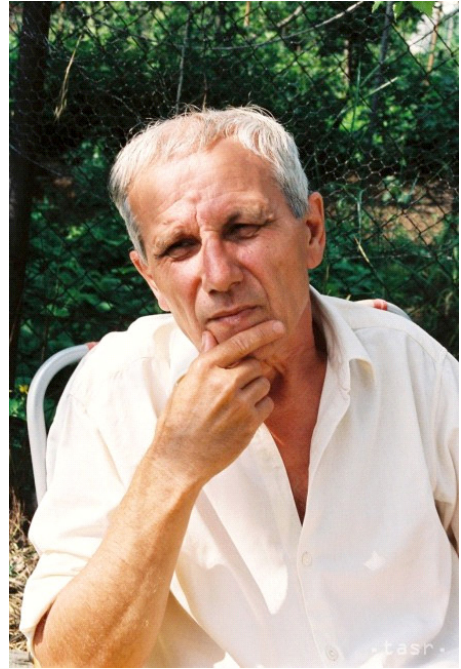

Людмила Широкова

РУДОЛЬФ СЛОБОДА: 80 ЛЕТ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ (1938–1995)

В этом году исполнилось 80 лет со дня рождения одного из самых выдающихся словацких писателей XX века Рудольфа Слободы. Свои произведения он создавал на протяжении почти сорока лет, сохраняя при этом почти неизменными главные творческие принципы — оригинальное «эгоцентричное» видение действительности, исповедально-монологическую манеру повествования, характер центрального героя — рефлексирующего интеллектуала, пытающегося преодолевать свои комплексы. Материалом для его прозы и драматургии неизменно были сложные, часто болезненные отношения между людьми, семейные драмы — все, с чем он непосредственно сталкивался в собственной жизни. А пространство, в котором он располагал своих героев — это так же до боли знакомое ему село Девинска Нова Вес (ныне район Братиславы) со смешанным словацко-хорватским населением, где писатель родился и прожил всю жизнь.

Слобода — автор более двух десятков книг, в числе которых повести и романы («Нарцисс», 1965; «Бритва», 1967; «Серые розы», 1969; «Романето Дон Жуан», 1971; «Музыка», 1977; «Верность», 1979; «Другой человек», 1981», «Разум», 1982; «Уршуля», 1987, «Рубато», 1990; «Кровь», 1991; «Осень», 1994),

Рудольф Слобода (16.04.1938–06.10.1995)

сборники рассказов («Редкий случай», 1968; «Глубокий мир», 1976; «Дни радости», 1982; «Потерянный рай», 1983; «Мужской кутеж», 1986; «Бегство из родного села», 1992), стихотворный сборник («Вечерний вопрос птице», 1977). Обращался Р. Слобода и к драматургии; правда, из нескольких написанных им киносценариев было экра-

низировано лишь два («Милосердное время, 1975 и «Супружество Карлы», 1988), но пьесы о женских характерах и судьбах «Армагеддон на Грбе» (1993) и «Мачеха» (1995), поставленные в братиславском театре «Асторка Корзо'90», пользовались заслуженным зрительским успехом.

Первая книга Рудольфа Слободы выделялась даже на фоне оригинальных дебютных произведений молодых словацких прозаиков «Поколения 60-х», в числе которых были Ян Йоганидес, Винцент Шикла, Петер Ярош, Павел Виликовский и др. Если другие начинающие писатели отдавали предпочтение малым формам — рассказу, краткой новелле, то книжный дебют Слободы «Нарцисс» — объемная повесть, близкая к роману. Этот жанр позволил автору показать свои задатки тонкого психолога и беспощадного к своему герою наблюдателя его умственных и душевных метаний. Герой повести — Урбан Хромы, молодой интеллигент, который пытается сам выстроить свою судьбу, упорно сопротивляясь общему течению. Урбан — своего рода «лирический герой», первый в ряду близких к автобиографическим персонажей, продолживший под другими именами и обликами свое существование в дальнейшем творчестве Слободы. Создавая индивидуальный и, вместе с тем, обобщенный образ, автор отразил в нем и факты собственной биографии, и свои внутренние душевные качества — склонность к самоанализу, философствованию, раздвоенность духовного и телесного, депрессивность, раздумья о бессмысленности существования и о самоубийстве как осознанном выборе.

В повести «Нарцисс», как и в целом в творчестве Слободы, фабула имеет второстепенное значение. Действие сводится к простым, обыденным событиям в жизни героя, которые можно изложить весьма кратко: молодой словак Урбан Хромы приехал на работу в моравский город Оставу, отслужил в армии, вернулся в Оставу и работал на металлургическом комбинате, пережил разочарование в любви и своем жизненном выборе и уехал домой в Словакию. Главное же содержание более чем трехсотстраничного произведения составляет фиксация мыслей Урбана, потока его сознания, его снов, видений, споров с самим собой, экзистенциальных переживаний.

При этом автор в разной степени отстраняется от своего героя: повествование ведется то от 3-го лица («Урбан подумал...»), то от 2-го лица («Ты подумал...»), то от 1-го лица («Я подумал...»). Наряду с главами, полностью посвященными философским размышлениям героя, его нравственным исканиям и видениям, мыслям о морали и грехе, в повести есть и квази-фабульные части описательного характера, где излагаются, например, подробности производственного процесса на участках, где трудится Урбан в качестве временного разнорабочего, описывается быт заводских общежитий и промышленный пейзаж города. Здесь представлены и типы «настоящих» (в отличие от «поденщика» Урбана) рабочих, их своеобразные касты и категории престижности: «Жвак не знал устали, сам был сильный и считал, что каждый должен быть таким же. Руки у него были одна сплошная мозоль. Для него было важно, что работа

его в сварочном цеху — самая тяжелая из всех».

Повесть «Нарцисс» имеет четкую композицию: она состоит из цельных по структуре глав с названиями, метафорически выражающими их содержание.

В первой главе («Жаркий августовский день воспоминаний») повествователь представляет «нашего героя», недоучившегося студента-философа, в начале его пути к новой, трудовой жизни, которая, как он надеялся, обретет для него смысл и избавит от прежнего существования, полного ненужных шаблонных обязанностей и необходимости «вставать на какую-то позицию».

Вещь-символ, сопровождающая Урбана в его физических и духовных странствиях — его старый чемодан, с содержимым которого подробно знакомит нас повествователь: «...пять книжек, две рубашки, бритвенный прибор за пятьдесят крон, тетрадь, которой предстояло стать дневником, цветные карандаши и коробка из-под конфет, служившая одновременно и альбомом для фотографий, и шкатулкой, хранившей в себе письма»; «Несмотря на всю мечтательность, ты привязан к этим бумажным символам». Чемодан становится и элементом интертекста, столь свойственного прозе 1960-х гг.: «Сэлинджер говорил что-то о странном чувстве, которое возникает при виде старых чемоданов». В конце концов, эти символические нити, связывавшие Урбана с прошлым, были им потеряны: «Он похолодел, вдруг осознав, что оставил чемодан на вокзале в Жилине».

В главе «Попытка смерти души» лицо повествования меняется на 2-е, авторская интонация становится бо-

лее доверительной, а речь передает не столько действия, сколько сознание героя, часто переходя в его развернутую несобственно-прямую речь: «Ты ясно видишь перед собой круг людей, которым мог бы обо всем поведать, и в то же время осознаешь, что люди эти тебе не нравятся, тебя угнетает мелочность их интересов»; «Ты задумался над обещаниями, которые сам себе дал. Они показали тебе излишне пафосными и пустыми, на деле ты ни к чему не стремился, все тебя устраивало. Но тут же мелькнула мысль — а не пойти ли другим путем? И ты решил подать заявление на теологический факультет». В этом потоке сознания героя нагнетается ощущение его неудовлетворенности и одиночества, подавленности от любовных неудач, неуверенности в собственных устремлениях и идеалах.

Потребность уединения горожанин Урбан реализует в «бегстве на природу», где он находит забвение и душевный покой: «Ты заглушал дурные мысли, блуждая по лесам»; «После смены я уходил спать в лесные овраги». Природа порой говорит с ним, питает его силы: «Хвойный шелест леса советовал мне: сядь и поспи, не уходи, отдохни, не мучайся, спи, ведь мой шум — для тебя».

Переживаемый нравственный кризис, физическая и душевная усталость вызывают у Урбана чувство отвращения к окружающим, недовольства вновь возникающей, навязанной извне шаблонностью своей жизни: «Мне отвратительна эта дисциплина, массовые выходы на работу, автоматические приветствия, пуск станков — все эти надоевшие стереотипы будней». Урбан, индивидуалист по натуре, не находит себе места в обществе, оно,

*Памятник Р. Слободы на его родине
в Девинской Новой Веси*

как ему представляется, чуждо и даже враждебно ему: «Я не чувствую себя членом общества, но постоянно ощущаю на себе его пристальный взгляд». В нем снова назревает бунт, и в последней главе «Возвращение» повествователь словно намечает для героя варианты возможного выхода из тупика. Начинается глава с небольшой пьесы-иносказания о четырех сестрах-невестах и нерешительном мужчине, где «все происходит, как в легкой сказке». В духе описательного реализма представлен второй эпизод, в котором Урбан в его воображаемом будущем становится мужем вдовы с двумя детьми, крепким хозяином крестьянского подворья. В реальном времени повести герой приходит к решению вернуться домой, в пригород Братиславы, и жалеет о потерянном времени: «Урбану жаль, что он не жил, как живут другие в его возрасте, от многого отстал, никогда не летал на самолете, не был на море, за границей, что он утратил лучшие воспоминания, отвагу, готовность к риску». Опору он находит в родном доме, в памяти о предках: «В нем растет что-то светлое: это сознание, что

он похож на своего деда, о котором ему когда-то рассказывали. Наверно, это нормально — задумываться о предках, о крови?». Единственным и естественным выходом для него становится пресловутое «возвращение к корням», на свою землю, пусть и с осознанием того, что «годы, прожитые вне дома, были потеряны им понапрасну».

В романах Р. Слободы «Другой человек», «Разум», «Уршуля», «Рубато», написанных в зрелый период его творчества, возникают уже другие темы, с которыми сталкивается повзрослевший герой, остающийся, по существу, alter ego автора. Эти четыре произведения объединяют не только поднимаемые в них нравственные проблемы, в целом минорная тональность повествования, но и ряд сквозных героев, становящихся по мере развития общей фабульной линии то центральными (Яно Годжа в «Другом человеке», автобиографический рассказчик от 1-го лица в «Разуме», Уршуля в «Уршуле» и «Рубато»), то второстепенными, фоновыми, уходящими. Эти романы сближает и общая тематика, позволяющая рассматривать их как некое целое, как элемент единого видения действительности в творчестве Р. Слободы. Это и сложные, доходящие до трагизма семейные отношения, и неудовлетворенность собой, своей работой и отношениями с окружающими. Сквозным становится мотив раннего старения души, однообразной, теряющей всякий смысл жизни по инерции и трагический по своей сути, но почти обыденный у Слободы мотив самоубийства, которое столь безвременно, но, увы, закономерно завершило жизнь самого писателя.

ХРОНИКА

Евгения Майорова

ЗАСЕДАНИЕ ОБЩЕСТВА ЛЮДОВИТА ШТУРА

В Словацком институте в Москве 21 ноября 2017 г. состоялось очередное заседание Общества Людовита Штура. В этот раз оно прошло под знаком «Поэзии с большой буквы».

Открывая заседание, директор Словацкого института в Москве, советник по культуре Ян Шмигула поблагодарил профессора МГУ им. М. В. Ломоносова, председателя Общества Людовита Штура А.Г. Машкову за большую работу по популяризации словацкой культуры и литературы и представил присутствующим гостя Словацкого института — поэта, литературоведа и переводчика, профессора Университета им. Я.А. Коменского и научного сотрудника Института мировой литературы САН Яна Замбора.

На заседании состоялась презентация сборника стихотворений Яна Замбора «Чем я к вам приближусь», а также нового, уже пятого выпуска альма-

наха «Девин», издаваемого Обществом Людовита Штура.

Председатель Общества профессор А. Г. Машкова подробно рассказала о более чем 200-страничном выпуске альманаха, который, оставаясь верным своей традиции, сохраняет рубрики, которые мы видели в предыдущих номерах, — «Творчество Людовита Штура», «Людовит Штур в воспоминаниях его современников», «Наши современники о Людовите Штуре», «Словацко-русские культурные, литературные и исторические связи», «Культура Словакии».

Как отметила А.Г. Машкова, важное место в «Девине» № 5 занимают воспоминания о словацком писателе, журналисте, политике и организаторе культурной жизни словацкого национального движения Йозефе Милославе Гурбане, 200-летие со дня рождения которого широко отмечалось в 2017 г. Профессор Машкова также сообщила

присутствующим, что в этом году на русском языке вышли три перевода произведений словацких авторов — роман Йозефа Банаша „Зона энтузиазма“ (отрывок из которого был опубликован в «Девине» № 4) и два сборника стихов — „Сирень уж больше не взорвётся“ Мирослава Валека и „Чем я к вам приближусь“ Яна Замбора.

Поэтесса, переводчица и литературовед Наталья Шведова представила сборник стихотворений Мирослава Валека, который она подготовила, отметив, что издать его ей удалось только с третьей попытки. Мирослава Валека она назвала одним из выдающихся поэтов XX в.

С большим вниманием участники заседания выслушали выступление поэта Яна Замбора.

Об издании сборника своих стихотворений на русский язык Я. Замбор сказал следующее:

«Началом русских переводов моей поэзии, видимо, можно считать публикацию переводов четырех стихотворений в № 9 журнала «Иностранная литература» за 1987 г. Переводчиком был Асар Исаевич Эппель. Это произошло при посредничестве Нины Шульгиной, переводчицы словацкой и чешской прозы, которую я всегда высоко ценил. Мне очень жаль, что ее уже нет среди нас.

Несколько следующих переводов состоялись благодаря моему сотрудничеству со специалистом по словацкому языку, литературоведом, переводчицей и профессором вуза Аллой Машковой, а также поэтессой, переводчицей и литературоведом, специалистом по словацкому языку Натальей Шведовой. Н. Шведова перевела два моих стихот-

ворения для антологии словацкой поэзии «Голоса столетий» (2002) и много раз представляла меня в журнале «Меценат и мир». Несколько моих стихотворений перевел и Олег Малевич. Переводы моих стихотворений Шведовой в результате образовали состоящую из произведений разных периодов книгу «Чем я к вам приближусь», которую мы сегодня провозжаем в жизнь.

Выражаю сердечную благодарность Наталье Шведовой за выбор стихотворений и перевод, Алле Машковой — за посредническую миссию, директору издательства «МИК» Елене Париковой — за издание книги, Литературному информационному центру в Братиславе — за поддержку этого издания. Кроме того, выражаю сердечную благодарность директору Словацкого института в Москве Яну Шмигуле за возможность презентовать книгу.

Я считаю это издание во всех отношениях (выбор стихотворений, перевод, обложка, графическое исполнение) замечательным и профессиональным. Динамичный рисунок на обложке Елены Пурескиновой корреспондирует с цивилизационными вопросами, поднятыми в моей поэзии, которую в книге представляет, прежде всего, стихотворение, инспирированное Москвой как мегаполисом, точнее Садовым кольцом, — стихотворение, в котором я задаю вопрос — в чем смысл того, что мы постоянно куда-то спешим.

Меня приятно удивил характер выбора произведений. В книге присутствуют стихотворения из всех моих изданных к настоящему времени сборников. Масштаб выбора достаточно широк. Переводчица уделяет внимание стихотворениям с богатым человече-

ским содержанием. Не исключила она и стихотворения с привязанностью к людям с недостатками проживаемой жизни. Я уважаю и ценю незаретушированный образ моей поэзии, включающей и горькие позиции, реагирующие на август 1968 г. и последующий гнетущий период, и стихи с мотивами несвободы. Переводчица не искажает также и образ моей поэзии, отражающей проблематику сложностей партнерских отношений. Из этих переводов я чувствую эмпатию к миру моей поэзии. Я ценю тот факт, что переводчица полностью переносит разнообразие и поэтологическую дифференцированность моих стихотворений и, кроме того, берётся за стихотворения, сложные и нестандартные с точки зрения звукового оформления. Она не отказывается, например, от перевода лексических новообразований и неканонических рифм.

Стихотворения Наталья Шведова в основном выбирала сама, на некоторые, однако, я ей указал. На заключительном этапе работы она предоста-

вила мне возможность оппонировать ее переводы. Я полагаю, что наш диалог способствовал положительному результату, который мы здесь имеем.

Я рад, что сборник моих стихов вышел в стране, поэзии которой я посвятил в качестве переводчика много своего творческого времени. Подолгу я жил в мире великих русских поэтов, стараясь их как можно лучше преподнести словацкому читателю. Теперь я полон благодарности за то, что на языке великой поэзии можно читать и мои стихи»¹.

Ян Замбор — автор поэтических сборников «Зеленый вечер» (1977), «Неотложное» (1980), «Конь в квартале» (1983), «Полные дни» (1988), «Под ядовитым деревом» (1995), «Сопрано дождевых капель» (2000), «Меланхолический жеребец» (2003), «Прелесть смеси» (2007), «Перелетное сердце» (2007), «Дом, полный невидимых» (2014). Ян Замбор переводил многих русских, украинских, чешских и испаноязычных поэтов. Ему принадлежит объемная «Антология русской поэзии» (2011). Его стихи и переводы удостоены многих национальных литературных премий.

---

¹ Выступление Яна Замбора дано в переводе Евгении Майоровой

УШЕЛ ИЗ ЖИЗНИ ВЛАДИМИР ПЕТРИК

18 ноября в Братиславе в возрасте 88 лет скончался известный словацкий литературовед, историк литературы и литературный критик Владимир Петрик.

Владимир Петрик работал в Институте словацкой литературы Словацкой академии наук с 1954 года вплоть до своего выхода на пенсию в 2005 году. Как отмечает директор Института словацкой литературы САН Дана Гучкова, основополагающим положением научной концепции В. Петрика была преемственность литературного развития. Он всегда проявлял огромную заинтересованность в деятельности Института. Д. Гучкова сказала: «Он был доброй душой Института словацкой литературы САН, неизменным рецензентом проектов и издаваемых книг, советником и консультантом. Исключительный человек с невероятным литературным и жизненным опытом, приятный собеседник с неиссякающим интересом к литературе, литературной жизни, миру и событиям, происходящим вокруг него».

Работа Владимира Петрика завершена, она останется значительным

вкладом в словацкую литературоведческую науку второй половины XX века.

Доброжелательность и вместе с тем профессиональную эрудицию Владимира Петрика, его умение вести дискуссию с художественной элегантностью высоко ценили не только его коллеги-учёные, но и современные авторы из Клуба независимых писателей, активным участником которого Владимир Петрик был до последних дней своей жизни. Его дружелюбие, ум и чуткость ощущались уже от одного его присутствия. Профессор Мария Баторова отмечает, что Владимир Петрик хорошо знал, что такое жизненные ценности, и никогда, насколько мог, не позволял их унижать и разрушать. Поэтесса Мила Гаугова назвала его последним рыцарем благородства и великодушия.

Прощание с Владимиром Петриком состоялось 24 ноября в 14.00 в Большом евангелическом храме на Паненской улице в Братиславе.

Воздадим честь его памяти!

Л. Субаллиова

ПАМЯТИ ВЛАДИМИРА ПЕТРИКА

Д.ф.н. Владимир Петрик, историк литературы и критик, давний сотрудник Института словацкой литературы Словацкой академии наук свой интерес сосредоточил в основном на словацкой

прозе XX века — будь то историко-литературный и интерпретационный аспект или сама критика. Он активно публиковался более шести десятилетий. Свои научно-критические работы,

посвященные словацкой литературе и культуре, он продолжал писать и публиковать до последних дней жизни. На данный момент готовится к выпуску рукопись его публикаций о литературе 1960-х и 1970-х годов.

Владимир Петрик родился 1 марта 1929 года в городе Липтовски Трновец, закончил гимназию в городе Липтовски Микулаш, а затем Университет Коменского в Братиславе по специальности словацкий язык и литература (1950–1954). После учёбы всю свою профессиональную жизнь он посвятил исследованию словацкой литературы, работая в САН (в разные периоды Институт назывался Литературоведческим институтом и Институтом словацкой литературы). Владимир Петрик был руководителем литературного отдела Союза словацких писателей, Литературного информационного центра, редактором журналов *Slovenská literatúra* и *Slovenské pohľady*.

В центре внимания его литературной и исследовательской работы всегда находилась человеческая личность. Его интересовала данная проблема в творчестве многих авторов, но, прежде всего, — в произведениях Надаши-Еге, итогом чему стал новарский научный труд «Человек в творчестве Еге» (1979). Его привлекала личность как творец, как автор (помимо Еге он занимался творчеством Крчмеры, Матушки, Хробака, Новомеского, Баллека, Плавки, Яшика и др.). Значительный интерес Петрик проявлял к современной литературе как процессу, происходящему в определенной исторической ситуации. Он изучал условия, в которых

она реализуется и то, что её тормозит. Одним из первых в Словакии он обратился к литературной жизни периода, который для творчества был наименее благоприятный: в первой половине 1950-х годов. Серьёзное исследование Владимира Петрика на эту тему «Споры о новой литературе» успело выйти в печать на страницах периодических изданий начала 1970-х годов. В виде книги этот материал ему удалось издать только после 1990-го года. Петрик был автором ряда обзорных работ, предназначенных для чешских и зарубежных любителей словацкой литературы (например, «Словацкий роман семидесятых годов», 1987). Совместно с Яном Штевчеком он издал историческое собрание сочинений, и по сей день остающееся непревзойденной антологией современной словацкой новеллы, — «Время медных лиц» (1993).

Свою историко-литературную эрудицию он был способен применить и в критике современного творчества. Мало у кого эти сферы деятельности были столь взаимосвязаны, мало кто был способен сформулировать критическое суждение в той форме, которую бы подтвердила сама история литературы. Уже в 1960-е годы он обратил свое внимание на популярную литературу, особенно на детективы, — в то время, когда подобная направленность исследований еще не стала трендом. Красноречивым свидетельством этой деятельности является итог первого периода его критической работы — «Поиски настоящего времени» (1970).

Владимир Петрик был человеком культуры, то есть образцом порядочности, щедрости и доброжелательности. Он относился к числу выдающихся

ся деятелей словацкой литературы. Но эпатажность, которую в настоящее время довольно часто воспринимают как личностную особенность (и, как таковую, дозволяют), была ему по своей природе чужда. Ему не нужно было

обращать на себя внимание. Он никогда не торопился, но всегда приходил вовремя.

*В. Барборик
(перевод Анастасии Быриной)*

P.S.

К сказанному хотелось бы добавить, что Владо был верный, преданный, надежный друг. Он всегда откликнулся на просьбу поучаствовать в российских проектах — изданиях словацкой литературы в России. Это были книги «Словацкая литература (Проза. 1945–1985)» (1987), «Словацкая литература. XX век (2003). «Дунайская мозаика. Антология словацкой новеллы. Часть 1» (2008). Помню его приезд в Москву в 2009 году на презентацию «Дунайской мозаики», прогулки по городу, посещение Храма Христа Спасителя...

Меня связывала с Владо многолетняя дружба. Я благодарна судьбе, что могу назвать его своим другом. Последний раз мы виделись с ним в апреле 2016 года. Как всегда, говорили о жизни, о литературе, о творчестве, о человеческих отношениях. Он был сдержан и точен в своих оценках и характеристиках, к которым я всегда прислушивалась. Его интерес к жизни в России, в Москве, на факультете был живой и неподдельный.

Мне будет очень не хватать этого светлого человека...

Мир праху его.

(Алла Машкова)

Фото А.М.

Владимир Петрик и Вилиам Марчок

Фото А.М.

О НАС ПИШУТ

Сайт Министерства иностранных дел Словацкой Республики

V Slovenskom inštitúte v Moskve sa zišla Spoločnosť L. Štúra

23.11.2017 | Rusko

V knižnici Slovenského inštitútu v Moskve sa uskutočnilo v utorok (21. novembra t.r.) zasadanie „Spoločnosti Ľudovíta Štúra“, ktorá pôsobí pri Slovenskom inštitúte. Jej členov — pedagógov, doktorandov a vedecko-výskumných pracovníkov Moskvskej štátnej univerzity M. V. Lomonosova a Ruskej akadémie vied, ako aj sympatizantov privítal riaditeľ inštitútu Ján Šmihula. Pripomenul, že na rokovaní sa vždy snažia pozývať zaujímavých a vzácných hostí zo Slovenska a vzápätí privítal básnika, prekladateľa, vysokoškolského pedagóga a literárneho vedca profesora Jána Zambora. Súčasne zdôraznil, že Spoločnosť L. Štúra si úspešne razí cestu životom, čoho dôkazom je v poradí už 5. číslo almanachu Devín, ktorý „Spoločnosť“ vydáva.

Predsedníčka „Spoločnosti L. Štúra“ profesorka Alla Maškova podrobne predstavila najnovšie vyše 200-stranové vydanie almanachu Devín, ktoré zostalo verné svojej tradícii

a opäť prináša mnoho zaujímavého, poučného i objavného. Okrem iného uviedla, že svoje významné miesto má v ňom tiež spomienka na slovenského spisovateľa, novinára, politika a organizátora kultúrneho života slovenského národného hnutia J. M. Hurbana, pretože počas tohto roku sme si široko pripomínali 200. výročie jeho narodenia. Prof. Mašková prítomných zároveň obozná-

mila, že tento rok vyšli v ruštine tri preklady slovenských autorov: román Jozefa Banáša „Zóna nadšenia“ („Zona entuziazma“) a dve zbierky básní — Miroslava Válka „Už nevybuchnú orgovány“ („Sireň už bolšie ne vzorvetca“) a Jána Zambora „Čím sa k vám približím“ („Čem ja k vam približus“).

Znalkyňa slovenskej poézie, poetka, prekladateľka a literárna vedkyňa Natália Švedova priblížila tvorbu Miroslava Válka i zbierku básní, ktorú pripravila. Pripomenula, že až tretí pokus o jej vydanie bol úspešný hoci sa o to snažila viac ako 10 rokov. M. Válka označila za jedného z najvýznamnejších básnikov 20. storočia, keď pripomenula, že hoci je jeho poézia pesimistická cítiť v nej optimistickú nótu.

Profesor Ján Zambor sa poďakoval N. Švedovej za knižný výber jeho celoživotnej tvorby „Čím sa k vám približím“ („Čem ja k vam približus“), ktorý bol na zasadaní „Spoločnosti E. Štúra“ uvedený do života. Vydanie označil po všetkých stránkach za krásne a profesionálne, pričom vyjadril radosť z toho, že výber z jeho poézie vyšiel v krajine, ktorej básnickej tvorbe venoval ako prekladateľ veľa svojho tvorivého času. „Dlhé obdobia som žil vo svete veľkých ruských básnikov, usilujúc sa ich čo najlepšie priblížiť slovenskému čitateľovi. Teraz som naplnený vďačnosťou, že v jazyku veľkej poézie možno čítať aj moje básne.“ — zdôraznil prof. Ján Zambor.

*****

Poetka, prekladateľka a literárna vedkyňa N. Švedova, riaditeľ SI Moskva J. Šmihula, predsedníčka Spoločnosti E. Štúra prof. A. Maškova a riaditeľka vydavateľstva MIK E. Parškova

Prof. J. Zambor počas vystúpenia a poetka, prekladateľka a literárna vedkyňa N. Švedova

Pohľad na účastníkov zasadania Spoločnosti E. Štúra počas vystúpenia prof. J. Zambora

Klub nezávislých spisovatelov
Laurinská 2, 815 08 Bratislava

Moskovské prezentácie: almanach Devín a poézia Miroslava Válka

V Slovenskom inštitúte v Moskve sa 21. novembra 2017 uskutočnilo verejné zasadnutie moskovskej Spoločnosti Ludovíta Štúra, ktorého hlavným programom bola prezentácia nového čísla almanachu Devín a prekladových výberov z poézie Miroslava Válka. Sireň už boľše ne vzorviotsia a z mojej poézie Čem ja k vam približus v preklade Natalie Švedovovej. Publikácie vyšli tohto roku v moskovskom vydavateľstve MIK.

Podujatie otvoril riaditeľ Slovenského inštitútu Ján Šmihula, ktorý mimochodom ustavične potvrdzoval chýr ústretového predstaviteľa tejto inštitúcie. Stretnutie viedla stále agilná slovakistka, literárna vedkyňa, prekladateľka a editorka, profesorka Lomonosovovej univerzity a predsedníčka spoločnosti Alla Maškova. Na úvod sme si na jej výzvu minútu ticha pripomenuli odchod literárneho kritika a historika Vladimíra Petrika, ktorý patril medzi jej najbližších spolupracovníkov.

Mašková predstavila piate číslo literárnoumeleckého a vedeckovzdelávacieho almanachu spoločnosti Devín, ktorého je hlavnou redaktorkou. Almanach v rozsahu 204 strán prináša tri ukážky z tvorby L. Štúra, štyri spomienky na túto osobnosť, práce našich súčasníkov o Štúrovi — Rudolfa Dilonga, Antona Baláža a Doda Gombara, v časti Slovensko-ruské kultúrne, literárne a historické vzťahy články Miroslava Daniša, A. Maškovej a Ludmily Širokovej, v oddiele Slovenská kultúra stať muzikológa Lubomíra

ЧЕМ Я К ВАМ
ПРИБЛИЖУСЬ

Chalupku, ďalej príspevky k výročiu Jozefa Miloslava Hurbana od Janka Jesenského, L. Štúra, Martina Braxatorisa, úryvok z Hurbanovho Olejkára, v čísle nájdeme básne Mily Haugovej a Evy Tomkuliakovej, štúdiu Konstantina Lifanova o Antonovi Bernolákovi, stať A. Maškovej o Cyrilovi a Metodovi v zrkadle ruskej kultúry, úryvok z románu Pavla Rankova Matky so staťou o tomto diele od A. Maškovej, nekrológy za Osvaldom Zahradníkom a Ninou Šulginou, pripomenutia životného výročia Viery Švenkovej a môjho jubilea s ukážkami z našej literárnej tvorby a i. Texty sa publikujú v ruštine.

V druhej časti stretnutia vystúpila Natalia Švedovová, ktorá hovorila najmä o tvorbe Miroslava Válka, ktorým sa dlhodobo zaoberá nielen ako prekladateľka, ale aj ako literárna vedkyňa, a ktorého pokladá za významného básnika 20. storočia.

Ja som o vydaní ruského prekladu výberu zo svojej poézie povedal:

„Ruské preklady mojej poézie sa pravdepodobne začínajú uverejnením prekladov štyroch básní v časopise *Inostrannaja literatura*, 1987, č. 9. Prekladateľom bol Isar Isajevič Eppel. Podujatie sprostredkovala Nina Šulgina, prekladateľka slovenskej a českej prózy, ktorú som vždy vnímal ako vzácnu osobnosť. Je mi veľmi ľúto, že už nie medzi nami.

Rad ďalších prekladov súvisí s mojou spoluprácou so slovakistkou, literárnou vedkyňou, prekladateľkou a vysokoškolskou pedagogičkou Alou Maškovou a poetkou, prekladateľkou a literárnou vedkyňou, slovakistkou Nataliou Švedovovou. Pani Natalia preložila dve moje básne pre antológiu slovenskej poézie *Golosa stoletij* (2002) a viackrát ma predstavila v časopise *Mecenat i mir*. Niekoľko mojich básní preložil aj Oleg Malevič.

Švedovovej prekladanie mojich básní vyústilo do knižného výberu z mojej celoživotnej tvorby *Čem ja k vam približus*, ktorý dnes uvádzame do života.

Srdečne ďakujem pani Natalii Švedovovej za výber a preklad, Alle Maškovej za sprostredkovateľskú misiu, pani riaditeľke vydavateľstva MIK Jelene Parškovéj za vydanie knihy a Literárnemu informačnému centru v Bratislave za podporu tohto vydania. Rovnako srdečne ďakujem pánu riaditeľovi Slovenského inštitútu v Moskve Jánovi Šmihulovi za možnosť prezentácie knihy.

Vydanie pokladám po každej stránke — výber, preklad, obálka, grafická úprava — za krásne a profesionálne. Dynamická kresba na obálke od Jeleny Pureskinovej korešponduje s civilizačným rozmerom mojej poézie, ktorú vo výbere reprezentuje najmä básen inšpirovaná Moskvou ako megapolisom, presnejšie Sadovym kolcom, básen, kde si kladiem otázky zmyslu nášho ponáhľania sa.

Príjemne ma prekvapil charakter výberu. Sú v ňom básne zo všetkých mojich doteraz vydaných zbierok. Škála výberu je pomerne široká. Prekladateľka venuje pozornosť básňam ľudskej obsažnosti. Nevynechala básne príchylnosti k ľuďom so životným deficitom. Vážim si a oceňujem neretušovaný obraz mojej poézie, zahŕňajúci aj trpké polohy reagujúce na august 1968 a nasledujúce dusné obdobie, na verše s motívmi neslobody. Prekladateľka neskresľuje ani obraz mojej poézie s problematikou zložitosti partnerských

vzťahov. Z prekladov cítim empatiu k svetu mojej poézie. Cením si, že prekladateľka vcelku transponuje rôznorodú a poetologickú diferencovanosť mojich básní a siaha aj po básňach z hľadiska zvukového tvarovania náročných i neštandardných. Nerezignuje napríklad na preklad lexikálnych novotvarov a dekanonických rýmov.

Básne Natalia Švedovová vyberala sama, na niektoré som ju však upozornil. V záverečnej fáze práce mi poskytla možnosť oponentúry svojich prekladov. Myslím, že aj tento náš dialóg prispel k výsledku, ktorý máme pred sebou.

Som rád, že výber z mojej poézie vyšiel v krajine, ktorej básnickej tvorbe som ako prekladateľ venoval veľa svojho tvorivého času. Dlhé obdobia som žil vo svete veľkých ruských básnikov, usilujúc sa ich čo najlepšie priblížiť slovenskému čitateľovi, a teraz som naplnený vďačnosťou, že v jazyku veľkej poézie možno čítať aj moje básne.“

Nasledovalo čítanie mojich básní v origináli a vo Švedovovej preklade. Predniesol som aj dve nové básne, ktoré mi práve vyšli v časopise Vertigo. Redaktorky a prekladateľky Devína zaujali natoľko, že ich tiež chcú preložiť do ruštiny. Stretnutie sa uzavrelo diskusiou.

S N. Švedovou, A. Maškovou a J. Parškovou som sa počas moskovského pobytu 23. novembra stretol aj na pracovnej večeri v Slovenskom dome; pretiahla sa do neskorých hodín. Privítali, že vďaka ústretovosti riaditeľky LIC Miroslavy Vallovej i riaditeľky SASu Jany Pekarovičovej sa im dostali do rúk nové slovakistické práce, ktoré k nim priputovali v mojom kufri. Priniesol som im aj časopisy Tvorba, Vertigo, Knižná revue a Fragment.

Vďaka tejto ceste som mal možnosť v kníhkupectvách preskúmať novinky z ruskej pôvodnej i prekladovej poézie a z ich reflexie (kúpil som rad cenných kníh), pozrieť si niektoré výstavy a bližšie sa zoznámiť s aktuálnym Ruskom a stavom jeho metropoly. Globálne trendy zasahujú aj Moskvu. V aeroexpresse z letiska Domodedovo do Moskvy sa už knihy básnikov ani iné knihy nepredávajú, zato sa však ohlasuje, že jestvujúci prímestský vláčik čoskoro nahradí poschodový. V metre už nie je taký nátresk ako pred rokmi a názvy staníc ohlasujú aj v angličtine, ale cestujúcich s knihou tam takmer nevidíte, pred sebou majú zvyčajne mobil. Absolventi univerzity pred prácou na katedre, ktorá sa donedávna vnímala ako prestížna, dávajú prednosť lukratívnejším pracovným príležitostiam.

Ján Zambor

*****

LITERÁRNE INFORMAČNÉ CENTRUM

Informácie zo súčasnej slovenskej literatúry

**Prezentácia tvorby Jána Zambora, Miroslava Válka
a almanachu Devín v Moskve**

(27. 11. 2017)

Dňa 21. novembra 2017 bolo v Slovenskom inštitúte v Moskve verejné zasadnutie moskovskej Spoločnosti Ludovíta Štúra, ktorého hlavným programom bola prezentácia nového čísla almanachu Devín a prekladových výberov z poézie Miroslava Válka Sireň už boľše ne vzorviotsia a z mojej poézie Čem ja k vam približus v preklade Natalie Švedovovej. Publikácie vyšli tohto roku v moskovskom vydavateľstve MIK.

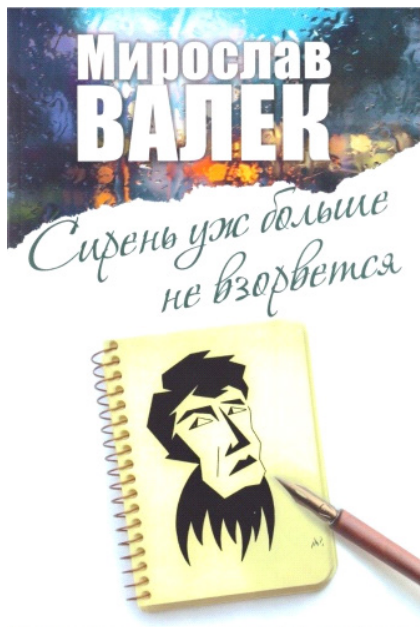
Podujatie otvoril riaditeľ Slovenského inštitútu Ján Šmihula, ktorý mimochodom ustavične potvrdzoval chýr ústretového predstaviteľa tejto inštitúcie. Stretnutie viedla stále agilná slovakistka, literárna vedkyňa, prekladateľka a editorka, profesorka Lomonosovovej univerzity a predsedníčka spoločnosti Alla Maškova. Na úvod sme si na jej výzvu minútu ticha pripomenuli odchod literárneho kritika a historika Vladimíra Petrika, ktorý patril medzi jej najbližších spolupracovníkov.

Mašková predstavila piate číslo literárnoumeleckého a vedeckovzdelávacieho almanachu spoločnosti Devín, ktorého je hlavnou redaktorkou. Almanach v rozsahu 204 strán prináša tri ukážky z tvorby L. Štúra, štyri spomienky na túto osobnosť, práce našich súčasníkov o Štúrovi — Rudolfa Dilonga, Antona Baláža a Doda Gombara, v časti Slovensko-ruské kultúrne, literárne a historické vzťahy články Miroslava Daniša, A. Maškovej a Ludmily Širokovej, v oddiele Slovenská kultúra stať muzikológa Lubomíra Chalupku, ďalej príspevky k výročiu Jozefa Miloslava Hurbana od Janka Jesenského, L. Štúra, Martina Braxatorisa, úryvok z Hurbanovho Olejkára, v čísle nájdeme básne Mily Haugovej a Evy Tomkuliakovej, štúdiu Konstantina Lifanova o Antonovi Bernolákovi, stať A. Maškovej o Cyrilovi a Metodovi v zrkadle ruskej kultúry, úryvok z románu Pavla Rankova Matky so staťou o tomto diele od A. Maškovej, nekrológy za Osvaldom Zahradníkom a Ninou Šulginou, pripomenutia životného výročia Viery Švenkovej a môjho jubilea s ukážkami z našej literárnej tvorby a i. Texty sa publikujú v ruštine.

V druhej časti stretnutia vystúpila Natalia Švedovová, ktorá hovorila najmä o tvorbe Miroslava Válka, ktorým sa dlhodobo zaoberá nielen ako prekladateľka, ale aj ako literárna vedkyňa, a ktorého pokladá za významného básnika 20. storočia.

Ja som o vydaní ruského prekladu výberu zo svojej poézie povedal:

Ruské preklady mojej poézie sa pravdepodobne začínajú uverejnením prekladov štyroch básní v časopise Inostrannaja literatura, 1987, č. 9. Prekladateľom bol Isar Isajevič Epeľ. Podujatie sprostredkovala Nina Šulgina, prekladateľka slovenskej a českej prózy, ktorú som vždy vnímal ako vzácnu osobnosť. Je mi veľmi ľúto, že už nie medzi nami.

Rad ďalších prekladov súvisí s mojou spoluprácou so slovakistkou, literárnou vedkyňou, prekladateľkou a vysokoškolskou pedagogičkou Allou Maškovou a poetkou, prekladateľkou a literárnou vedkyňou, slovakistkou Nataliou Švedovovou. Pani Natalia preložila dve moje básne pre antológiu slovenskej poézie Golosa stoletij (2002) a viackrát ma predstavila v časopise Mecenat i mir. Niekoľko mojich básní preložil aj Oleg Malevič.

Švedovovej prekladanie mojich básní vústilo do knižného výberu z mojej celoživotnej tvorby Čem ja k vam približus, ktorý dnes uvádzame do života.

Srdečne ďakujem pani Natalii Švedovovej za výber a preklad, Alle Maškovej za sprostredkovateľskú misiu, pani riaditeľke vydavateľstva MIK Jelene Parškovej za vydanie knihy a Literárnemu informačnému centru v Bratislave za podporu tohto vydania. Rovnako srdečne ďakujem pánu riaditeľovi Slovenského inštitútu

v Moskve Jánovi Šmihulovi za možnosť prezentácie knihy.

Vydanie pokladám po každej stránke — výber, preklad, obálka, grafická úprava — za krásne a profesionálne. Dynamická kresba na obálke od Jeleny Pureskinovej korešponduje s civilizačným rozmerom mojej poézie, ktorú vo výbere reprezentuje najmä báseň inšpirovaná Moskvou ako megapolisom, presnejšie Sadovym koľcom, báseň, kde si kladie otázku zmyslu nášho ponáhľania sa.

Prijemne ma prekvapil charakter výberu. Sú v ňom básne zo všetkých mojich doteraz vydaných zbierok. Škála výberu je pomerne široká. Prekladateľka venuje pozornosť básňam ľudskej obsažnosti. Nevynechala básne príchylnosti k ľuďom so životným deficitom. Vážim si a oceňujem neretušovaný obraz mojej poézie, zahŕňajúci aj trpké polohy reagujúce na august 1968 a nasledujúce dusné obdobie, na verše s motívmi neslobody. Prekladateľka neskresľuje ani obraz mojej poézie s problematikou zložitosti partnerských vzťahov. Z prekladov cítim empatiu k svetu mojej poézie. Cením si, že prekladateľka vcelku transponuje rôznotvary a poetologickú diferencovanosť mojich básní a siaha aj po básňach z hľadiska zvukového tvarovania náročných i neštandardných. Nerezignuje napríklad na preklad lexikálnych novotvarov a dekanonických rýmov.

Básne Natalia Švedovová vyberala sama, na niektoré som ju však upozornil. V záverečnej fáze práce mi poskytla možnosť oponentúry svojich prekladov. Myslím, že aj tento náš dialóg prispel k výsledku, ktorý máme pred sebou.

Som rád, že výber z mojej poézie vyšiel v krajine, ktorej básnickej tvorbe som ako prekladateľ venoval veľa svojho tvorivého času. Dlhé obdobia som žil vo svete veľkých

ruských básnikov, usilujúc sa ich čo najlepšie priblížiť slovenskému čitateľovi, a teraz som naplnený vďačnosťou, že v jazyku veľkej poézie možno čítať aj moje básne.

Nasledovalo čítaniu mojich básní v origináli a vo Švedovovej preklade a predniesol som aj dve nové básne, ktoré mi práve vyšli v časopise Vertigo. Redaktorky a prekladateľky Devína zaujali natoľko, že ich tiež chcú preložiť do ruštiny. Stretnutie sa uzavrelo diskusiou.

S N. Švedovou, A. Maškovou a J. Parškovou som sa počas moskovského pobytu 23. novembra stretol aj na pracovnej večeri v Slovenskom dome; pretiahla sa do neskorých hodín. Privítali, že vďaka ústretovosti riaditeľky LIC Miroslavy Vallovej i riaditeľky SASu Jany Pekarovičovej sa im dostali do rúk nové slovakistické práce, ktoré k nim priputovali v mojom kufri. Priniesol som im aj časopisy Tvorba, Vertigo, Knižná revue a Fragment.

Vďaka tejto ceste som mal možnosť v kníhkupectvách preskúmať novinky z ruskej pôvodnej i prekladovej poézie a z ich reflexie (kúpil som rad cenných kníh), pozrieť si niektoré výstavy a bližšie sa zoznámiť s aktuálnym Ruskom a stavom jeho metropoly. Globálne trendy zasahujú aj Moskvu. V aeroexpresse z letiska Domodedovo do Moskvy sa už knihy básnikov ani iné knihy nepredávajú, zato sa však ohlasuje, že jestvujúci prímestský vláčik čoskoro nahradí poschodový. V metre už nie je taký nátresk ako pred rokmi a názvy staníc ohlasujú aj v angličtine, ale cestujúcich s knihou tam takmer nevidíte, pred sebou majú zvyčajne mobil. Absolventi univerzity pred prácou na katedre, ktorá sa donedávna vnímala ako prestížna, dávajú prednosť lukratívnejším pracovným príležitostiam.

Ján Zambor

**ЧЕМ Я К ВАМ
ПРИБЛИЖУСЬ**

*****

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ АЛЬМАНАХ

ДЕВИН

Издается с 2015 г.

1(6)/2018

Главный редактор: *А. Машкова*

Редакционная коллегия: *Л. Широкова, Е. Майорова, М. Браксаторис*

Рецензенты:

кандидат филологических наук *Т. Враблова*

(Институт словацкой литературы САН. Словакия);

кандидат филологических наук *В. Князькова*

(Санкт-Петербургский государственный университет. Россия)

Общество Людовита Штура в Москве

*****

Д25 **Девин: Альманах Общества Людовита Штура в Москве. № 1 (6).**
М.: МИК, 2018. — 220 с.

УДК 811.16

ББК 81.2

ISBN 978-5-87902-379-4

© Общество Людовита Штура в Москве, 2018

Сдано в набор 15.03.2018. Подписано в печать 10.04.2018.

Формат 60×90 1/16. Бумага офсетная. Печать офсетная.

Усл. печ. л. 13,75. Тираж 200 экз.

Издательство «МИК».

Москва, ул. Б. Переяславская, д. 15, кв. 52

Лицензия на издательскую деятельность

№ 060412 от 14 января 1997 г.

ISBN 978-5-87902-379-4

9 785879 023794 >